

П. Г. Немашкалов

**ВКЛАД КАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ
В РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
И ПРОСВЕЩЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

МОНОГРАФИЯ

Ставрополь
«АГРУС»
2019

УДК 37:27-75(470.62/.67)|18|

ББК 74.03-3*63.3(2)5;(235.7)

Н 50

Рецензенты:

Е. Ю. Любушкина – доктор исторических наук,
доцент (ФГАОУ ВО СКФУ);

В. Н. Садченко – кандидат исторических наук,
доцент (ФГАОУ ВО СКФУ)

Немашкалов, Павел Григорьевич

Н 50 Вклад Кавказской епархии в развитие образования и просвещения на Северном Кавказе во второй половине XIX века: монография / П. Г. Немашкалов. – Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2019. – 163 с.

ISBN 978-5-9596-1598-7

На основе широкого круга источников проведен анализ образовательной политики в Российской империи в XIX веке. Поскольку в данном процессе особая роль государством отдавалась Русской Православной Церкви, то основное внимание в работе уделено участию органов епархиального управления и духовенства в данном процессе на Северном Кавказе. Исследована роль духовенства Кавказской епархии в развитии системы народного образования и религиозного просвещения населения, в контексте осуществляемых преобразований общероссийской системы и развития данных процессов в регионе.

Издание рассчитано на научных работников, краеведов и всех интересующихся развитием образования и историей Церкви на Северном Кавказе.

УДК 37:27-75(470.62/.67)|18|

ББК 74.03-3*63.3(2)5;(235.7)

ISBN 978-5-9596-1598-7 © Немашкалов П. Г., 2019

© ГБОУ ВО Ставропольский государственный педагогический институт, 2019

© ФГБОУ ВО Ставропольский государственный аграрный университет, 2019

ВВЕДЕНИЕ

На каждом этапе исторического развития образование отражает состояние общества, идеалы страны, закономерности становления личности, подструктуру сознания и поведение людей, передает накопленный опыт и нормы морали от поколения к поколению. Религия, являясь частью культуры общества, в случае совпадения целей с ценностными ориентациями общества, ведет к развитию таких качеств личности, как образованность, гражданственность, цивилизованность.

Длящаяся не одно десятилетие Кавказская война вынуждала привлекать все новые человеческие ресурсы к ускорению процесса её окончания. Собранный с разных территорий империи и поселенный на Кавказской линии контингент представлял собой пеструю этническую структуру населения. Состав жителей Кавказского линейного казачьего войска в середине XIX века был разнообразным, в основном он был представлен старыми казаками сектантами, выходцами из Персии, татарами, армянами, грузинами, малороссиянами, донским казачеством и жителями различных регионов Российской империи¹. Властям империи, помимо покорения и колонизации Северного Кавказа, необходимо было также решить проблему преодоления этнической специфики и выработать систему общей культурной локальной общности. Языковая и религиозная дифференциация в регионе была довольно ощутимой, что не могло не вести к сохранению этнического самосознания. Кризисные общественные явления нашли отражение в религиозной сфере. Став «теплой Сибирью» Кавказ привлекал на свои территории большое

¹ Шпаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. СПб., 1870. Т.74. №7. С.189.

число представителей раскола и различных сект, которые могли здесь чувствовать себя более свободно, чем в центральных губерниях империи.

Осознавая сложившуюся ситуацию, с целью преодоления культурной разобщенности, и включения новых территорий в единую систему общественных отношений правительством предпринималось ряд мер, в числе которых было создание самостоятельной Кавказской и Черноморской епархии. После глубокого церковного кризиса, в котором оказались многие приходы Северного Кавказа, с образованием самостоятельной епархии происходил подъем религиозности населения. На фоне подъема влияния православия в обществе государством расширяется участие духовенства в организации образовательного процесса, через что усиливается идеологическая роль Церкви в политике государства и развитии великой русской культуры.

Одним из проявлений данной тенденции стало привлечение кавказского духовенства к решению проблемы инкорпорации населения региона в систему социокультурных отношений Российской империи. Если в центральных губерниях империи система отношений приходского духовенства и прихода к этому времени уже сложилась, то на Северном Кавказе она только проходила свое становление. Несмотря на имеющиеся сложности, духовенство Кавказской кафедры достигало в отдельных приходах, в деле развития народного образования и религиозного просвещения значительных успехов. В дальнейшей истории региона это привело к росту национального самосознания и позволило славянскому населению Кавказской епархии занять достойное место в пастве Русской Православной Церкви, а отдельным её представителям продемонстрировать пример гражданского долга и патриотизма.

ГЛАВА I

СИСТЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ

1.1. Проекты и реформы в области отечественного народного образования

Вопросы образования, его структуры, содержания и организации всегда волновали русское общество. Реформы системы образования, её критика и споры по поводу реформ – неотъемлемая часть жизни российского общества по той причине, что оно традиционно рассматривает систему образования как определенный рычаг воздействия на массовое сознание, мощный стимул развития страны. Если же обратиться к истории нашей страны, к истории общего развития, то можно отметить, что сущность этого диспута остается неизменной на протяжении уже трех столетий, с течением лет развивается и углубляется содержание некоторых понятий, но и сегодня все актуальнее оказываются те же самые вопросы: «Кого учить? Чему учить? Как учить?»

XIX век сложный период в развитии Российской империи, сопряженный с процессом формирования великой русской культуры и становлением национальной идеологии. Его начало связано коренными изменениями в структуре государственного управления. Именно в этот период времени на плечи Александра I пала сложная задача по восстановлению страны. Правительство императора, в лице Негласного комитета, вынуждено было принять меры по устранению крайне реакционных последствий правления Павла I, выступить с обещанием ряда реформ,

которые способствовали бы укреплению государства. Коллегиальная форма центрального управления, существовавшая с петровских времен, утратила свой функционал. Манифест от 8 сентября 1802 года «Об учреждении Министерств»¹, предполагал приступить к широким преобразованиям, направленным на усиление центральной власти.

В это время начинается реформирование основных сфер жизни российского государства. Впервые в истории России управление народным образованием было сосредоточено в особом самостоятельном ведомстве – Министерстве народного просвещения, воспитания юношества и распространения наук. В сферу деятельности которого, входят: «... все учёные общества, академии, университеты, все общие учебные заведения, исключая духовные, военные и те училища, кои особенно учреждены для образования юношества к отдельной какой-либо части управления, как-то: Горный корпус и другие сему подобные установления, кои, находясь в особенном ведомстве, сохраняют, однако же, в делах общих нужную связь и сношение с министерством просвещения»².

Обращая внимание на проблему в целом, можно отметить, что политика Александра I в области культуры и образования, впервые годы царствования, напоминала некоторые черты «просвещенного абсолютизма» периода Екатерины II. Это нашло выражение в формировании многоуровневой системы образования, а также значительном расширении сети начальных учебных заведений. Кроме этого на пост министра просвещения, как символ преемственности курса Екатерины II, известный своими либеральными взглядами был назначен граф П.В. Зава-

¹ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. I. СПб., 1875. С. 2.

² Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти т. Т. VI: Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 93–96.

довский¹. Интенсивная деятельность ведомства выпала на 1803-1804 год, именно в это время были брошены силы на соотношение законодательных и подзаконных актов и налаживание работы образовательной системы.

Под его руководством проходила разработка нового школьного устава и проведение в жизнь новых реформ. Таким документом является «Предварительные правила народного просвещения», разработанные в январе 1803 года. 24 января 1803г. император подписал указ, в котором говорилось: «Рассмотрев поднесенный нам министром просвещения общий с членами правления училищ доклад об устройении училищ и распространении наук в Империи нашей, признали мы за нужное утвердить предварительные правила народного просвещения. И как сия государственная часть, по различию предметов, в неё входящих, касается не только до гражданских, но и духовных властей; то посему повелеваем правительственному Сенату, сносясь со Святейшим Синодом, учить сообразно с правилами народного просвещения при сем указе изданными, зависящее от них распоряжение. Мы удостоверены, что и все наши верноподданные примут деятельное участие в сиих заведениях для пользы общего и каждого учреждаемых и тем самым будут споспешествовать нашим попечения о сем предмете, толико важном и толико сердцу нашему любезным. Быть посему. Александр»². В нем также отмечалось, что: «народное просвещение в Российской империи – это особая государственная часть, введенная министру сего отделения и под его ведением находится Главное училищное правление»³. Которое, в

¹ Хотеев В.Ф., Чернета В.Г. Первый министр народного просвещения Российской империи. Граф Петр Васильевич Завадовский // Очерки истории российского образования: к 200-летию Министерства образования Российской Федерации. Т.1. С.119–136.

² ГАКК. Ф.250. Оп.2. Д.74. Л.8.

³ Там же. С.70.

свою очередь, учреждено для нравственного образования граждан, соответствующего обязанностям каждого состояния и поделенного на четыре рода училищ.

По поводу принятия «предварительных правил» Н.М. Карамзин в 1803 году в «Вестнике Европы» писал: «24 января державная рука Александра подписала бесмертный Указ о заведении новых училищ и распространении наук в России... Многие государи имели славу быть покровителями наук и дарований, но едва ли кто-нибудь издавал такой основательный, всеобъемлющий план народного учения как может гордиться Россия. Петр Великий учредил первую академию в нашем Отечестве, Елизавета – первый университет, великая Екатерина – городские школы, но Александр, умножая университеты и гимназии, говорит ещё: да будет свет и в хижинах! Новая, великая эпоха начинается отныне в истории нравственного образования России»¹.

Перед правительством стояла острая проблема, преобразование «Устава народных училищ Российской империи» от 1786 года², в котором отсутствовала системность работы местных органов управления в соответствии с организованными учебными заведениями. Согласно новому регламенту в Манифесте «об учреждении Министерств»³, было предложено разделить Империю на учебные округа, административными центрами которых являлись университеты во главе со своими попечителями, их статус определялся «Указом об обязанностях Комиссии училищ»⁴, и «Предварительными правилами народного просвещения»⁵. Созданное Главное правление училищ разработало

¹ Там же. С.72.

² Устав народным училищам в Российской империи, уложенный в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1786. С.122.

³ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. I. СПб., 1875. С.7.

⁴ Там же. С.8.

⁵ Там же. С.13.

смету на содержание университетов, гимназий и уездных училищ. Комиссия об учреждении народных училищ решала проблему создаваемых учебных заведений учебно-методического обеспечения.

Первая государственная доктрина «Предварительные правила народного просвещения» были учреждены и опубликованы императором 23 января 1803 года, впоследствии именуемые первым законодательным актом, закрепившим новую образовательную систему. В соответствии с положением этого указа вводилось четыре вида училищ: приходские, уездные, губернские или гимназии и университеты. Кроме этого указ предусматривал обеспечение начальных и средних учебных заведений единообразными учебниками и учебными пособиями. Каждая следующая ступень в получении образования становилась возможной только после обязательного завершения предыдущей. Всего предполагалось открыть 405 уездных училищ с ежегодным содержанием за счет правительства в размере от 1250 до 1600 рублей¹.

Планировалось, что приходские и уездные училища должны были заменить малые училища, а гимназии – главные училища. Уездные училища, в зависимости от финансирования, предполагалось создать в каждом уезде, гимназии – в каждом губернском городе. Школы нескольких соседних губерний включались в единый учебный округ, в каждом из таких округов предполагалось основать университет. Один или два соседних прихода должны были содержать одну церковно-приходскую школу, которые предписывалось открыть в небольших городах, но, прежде всего, на селе для сельского сословия. На землях помещиков открытие приходских школ входило в обязанность владельца, а на государственных землях данным

¹ Яковкина Н.И. История русской культуры первой половины XIX века. Лекции. СПб., 1998. С.21.

вопросом занималась местное духовенство и «почетные жители», её содержание возлагалось на сельскую общину.

Высшую ступень новой системы образования составляли университеты. Так, в ходе подготовки университетского устава, некоторые государственные деятели предлагали взять за основу французскую систему образования, а другие – немецкие университеты с их автономным строем. Работа над университетскими уставами началась на обсуждении Комиссии об училищах 18 сентября 1802 года, под вопросом была составленная В.Н. Каразиным статья «предначертания устава об общественном воспитании»¹, которая была посвящена положению университетов в общей учебной системе. На том же заседании обсуждался проект устава Московского университета, выработанный Особым комитетом, с целью привести его в соответствие с новыми принципами народного просвещения.

Главное правление училищ продолжило работу по организации системы образования в империи, и 7 февраля 1803 года приступило к составлению «общего» университетского устава, к работе над этим проектом были привлечены Н.И. Фус, Н.Я. Озерецковский, Ф.И. Янкович и Ф.М. Клиндер. Стремление достижения необходимого единства работы над уставом шла одновременно с обсуждением отдельных уставов Виленского и Дерптского университетов. Работа продолжалась в течение года, в результате последовали такие нововведения, как: 18 мая 1803 года – устав Виленского университета и училищ его округа, 12 декабря 1802 года – устав Дерптского университета, 5 ноября 1804 год – утвердительные грамоты и уставы университетов Московского, Харьковского и Казанского.

¹ Шестаков П.Д. Мысли Н.М. Карамзина о воспитании // Статьи, написанные для произнесения в торжественном собрании Казанского университета в столетний юбилей Н.М. Карамзина. Казань, 1866. С.122–123.

Каждый университет получил отдельный устав, но так как все три устава 1804 года различались между собой лишь в некоторых статьях можно увидеть первый «общий» устав русских университетов. Который в дальнейшем стал правовой основой последующих реформ¹.

В 1804 году 5 ноября был утвержден «Устав учебных заведений, подведомственных университетам»², который предусматривал структуру учебных заведений, преемственность учебных программ и бесплатность для учеников обучения. Таким образом, в Российской империи сложилась система образования, которая имела все необходимые элементы того времени.

Согласно принятому уставу империя была поделена на шесть учебных округов: Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Виленский и Дерпский. Каждый округ состоял из строго ранжированной системы учебных заведений. Единственным, немаловажным ограничением для получения гимназического, а в особенности, университетского образования являлась сословная принадлежность учащихся. Каждый тип образовательных учреждений, входил в округ. Имел четкое функциональное предназначение не только в учебно-воспитательном и научно-методическом аспекте, но и в административно-управленческом. Помимо этого, устав предусматривал строгую иерархию в управлении учебными заведениями: приходские училища подчинялись смотрителю уездного училища, уездные училища и подобные им, другие учебные заведения, – директору гимназии, гимназии же – ректору университета, университет – попечителю учебного округа.

¹ Головина В.Ф. Становление высшего образования в Российской империи в начале XIX века: правовой аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014. №3(2). С.53–58.

² Высочайше утвержденный Устав учебных заведений, подведомственных Университетам // Полное собрание законов Российской империи (*Далее – ПСЗРИ*). (1649–1825). Т.28. №21501.

На университеты возлагались научные, учебные и административные функции. Одним из направлений работы был контроль над работой подчиненных им учебных заведений, которые находились на территории округа университета. Для осуществления данных функций создавались училищные комитеты, профессора которых, выполняли функции методистов и инспекторов учебных округов.

Заемствованная идея создания учебных округов реализовывалась на основе государственного устройства Российской империи, её общественном и экономическом развитии, принимая во внимание культурные и национальные свойства. Особенностью российского образования считают по праву своеобразную территориальную структуру: во главе учебного округа стоял попечитель, являвшийся полномочным представителем имперской власти. В его сферу влияния входила деятельность университета и состояние дел в сфере образования на вверенной ему территории. Первым попечителем Московского университета был граф П.И. Шувалов. Попечителями учебных округов являлись И.Ф. Крузенштерн, Е.В. Путятин, граф С.С. Уваров, Н.И. Пирогов и др.¹ Основная задача их деятельности – обеспечение проведения единой государственной образовательной политики и её преемственность на всем пространстве страны.

Главная задача организации учебных округов – установить связь между всеми типами учебных заведений. Это поручение было обнародовано в официальных документах. Данное положение уведомляло о том, что приходские училища, с одногодичным курсом обучения, могли создаваться в городах и селах при каждом церковном приходе (или двух приходах). Цель приходских училищ включала в себя: «во-первых, подготовку учащихся к обу-

¹ Хрестоматия по истории школы и педагогики в России. М.: Просвещение, 1986. С.103.

чению в приходских училищах для дальнейшего обучения (при желании родителей); во-вторых, дать обучающимся земледельческих и других состояний те сведения, которые способствовали бы их улучшение в физическом и нравственном отношении». Однако государство не выделяло средств на их развитие, и они находились на самообеспечении или работали за счет благотворительных пожертвований. Обучение в приходских училищах строилось в соответствии с учебным планом, который включал такие предметы, как Закон Божий и нравоучение, начала арифметики и письмо, чтение, а также чтение некоторых глав их книги «О должностях человека и гражданина», которая с 1786 г. была введена в образовательную программу народных училищ. Помимо этих предметов изучалась всеобщая и российская география, а также всеобщая и российская история; основы геометрии, физики и естественной истории. Изучалась арифметика, рисование, а также начальные правила технологии, которые относились к хозяйству края и его промышленности. Все предметы преподавались двумя учителями, с недельной нагрузкой в 28 ч. Каждый учитель обязан был преподавать 7-8 предметов. Финансирование уездных училищ осуществлялось иначе, чем малых училищ.

Уездные училища должны были создаваться по одному в губернских и уездных городах, при наличии дополнительных источников финансирования допускалось увеличение их числа в отдельном уезде. В то время как малые училища содержались за счет пожертвований, собираемых приказами общественного призрения, уездные частично содержались за счет государственного бюджета, а также за счет местных сборов, число их неуклонно росло. Занятия проводились 9 часов в неделю, а курс обучения был двухгодичным. Основная цель уездных училищ основывалась на подготовке учащихся к поступлению в гимназию, а также дать детям непривилегированных сво-

бодных сословий «необходимые познания, сообразные сословию их и промышленности».

Гимназии учреждались в каждом губернском городе на базе главных народных училищ, курс обучения длился 4 года. Целью гимназии, предназначенной для дворян и чиновников, являлась подготовка обучающихся к университету, помимо этого гимназия предоставляла возможность тем, кто пожелает «приобрести сведения, необходимые для благовоспитанного человека». Учебный план гимназий был энциклопедичным и состоял из необходимых предметов, таких как: латинский, немецкий и французский языки, а также география и история, статистика общая и Российского государства. Начальный курс наук философских (метафизика, логика, нравоучение) и изящных (словесность, теория поэзии, эстетика), а также изучение математики (алгебра, геометрия, тригонометрия) и физики, естественная история (минералогия, ботаника, зоология) и теория коммерции, технология и рисование¹. Если позволяли возможности, то в гимназии могли преподаваться танцы, музыка и гимнастика. В учебном плане отсутствовали религиозные дисциплины, но включались социологические знания, что означало светскую направленность гимназического образования.

Помимо учителя рисования в гимназии работали восемь квалифицированных специалистов, нагрузка каждого составляла от 16 до 20 недельных часов. У каждого учителя был цикл предметов, которые были структурированы по следующей тематике: философские и изящные науки, физико-математические дисциплины, экономические науки. Такая структура способствовала улучшению условий для работы педагогов средней школы. Иначе состоит учебная деятельность учителя рисования, ему приходи-

¹ Сборник постановление по Министерству народного просвещения (царствование Александра I (1802–1825). Т.1. СПб.: типография Бадашева, 1873. С.332.

лось заниматься с двумя классами одновременно по 2 часа в неделю, преподавание велось в течение всего 4-х летнего периода обучения.

В учебных планах гимназии не предусматривалось изучение родного языка, которое заканчивалось в уездных училищах. Изучали латинскую, немецкую, французскую грамматику, поскольку считали, что родной язык был достаточно хорошо освоен на предыдущих уровнях подготовки. Первым, кто обратил внимание на подобную дискриминацию родного языка в учебном процессе был попечитель Санкт-Петербургского учебного округа С.С. Уваров, именно с его подачи в 1811 г. в гимназический курс ввели русскую грамматику. Начиная с 1819 года данная дисциплина была введена во всех гимназиях Российской империи¹.

Учебные предметы должны были иметь практическое предназначение, так, учитель математики и физики проводил экскурсии, знакомя учащихся с техникой местных предприятий. А учитель естественной истории собирал с учениками минералы, травы, образцы почв, а также рассказывал учащимся об их признаках и полезных свойствах. Уроки проводились с наглядными средствами, поэтому в каждой гимназии имелась библиотека, географические карты, атласы, глобусы, наглядные пособия, чертежи и модели машин.

Высшую ступень системы народного образования составляли университеты. В данное учебное заведение поступить могли только те, кто окончил гимназический курс. Император Александр I даровал автономность работы университетам страны, с помощью которой они проводили выборные советы, на которых профессора избирали ректора и деканов. Студенты, в свою очередь, могли создавать различные общества и кружки. Помимо

¹ Каптерев П.Ф. История русской педагогики СПб.: Алетей, 2004. С.243.

этого, университетам разрешалось создавать научные общества, открывать типографии, издавать газеты, журналы, учебную и научную литературу. По отношению к студентам профессора принимали только гуманные меры воздействия.

Особое внимание Устав 1804 г. уделял педагогическим целям и обязанностям преподавательского состава учебных заведений. В общих чертах, тенденция данной политики была направлена на благожелательность и уважение к педагогам. Основная деятельность учителя заключалась в том, чтобы ученики «передаваемые им предметы понимали ясно и правильно». Педагог должен был заботиться больше «об образовании и изоощрении рассудка» детей, «нежели о наполнении памяти», возбуждать у учеников «охоту привязанности к наукам» и т.д. Устав 1804 г. являлся более прогрессивной версией народного образования, нежели те дидактические требования, которые были сформулированные ещё в 1786 г., основной целью которых было ретрансляция полученных знаний обучающимся.

Необходимо отметить, что государством не закреплялся обязательный минимум финансирования сети создаваемых образовательных учреждений. Выделяемые средства не покрывали имеющейся потребности в числе образовательных учреждений, но, несмотря на это, развитие школ в Петербурге и Москве шло быстрее, чем в других городах. Однако, и в столицах их было мало – в Москве 20, в Петербурге – 17. Все они, за исключением гимназий, были переполнены учащимися. На фоне этого начало развиваться такое направление в сфере образования как частные учебные заведения, которые создавали конкуренцию открывающимся государственным. К таким учебным заведениям можно отнести Ришельевский лицей в Одессе, Ярославский лицей, Лазаревский институт восточных языков в Москве, школа А.А. Ширинского-Шихматова

для крестьянских детей в селе Архангельском Смоленской губернии и др.¹

Дворянское сословие в обучении своих детей отдавало предпочтение частным пансионам, роль которых ослабляли лицеи, созданные для закрытого обучения дворянства. Одним из таких был Александровский лицей созданный под патронажем М.М. Сперанского, который лично разрабатывал его проект. В его стенах предполагалось готовить «новых людей», которые были бы способны осуществить преобразование в России. В Уставе Лицея отмечалось, что он «учреждается с целью образования юношества для государственной службы и приравняется к российским университетам».

В программе лицея предусматривалось общее образование, с преобладанием гуманитарных наук. Максимальное количество часов отводилось обучению грамматике, историческим наукам, словесности, особенно иностранным языкам. Учебный план подразделялся на два курса (начальный и окончательный) по 3 года каждый. Начальный курс содержал грамматику языков: русского, латинского, французского, немецкого. В данный курс входили: основы Закона Божьего и нравственной философии, логики; математические и физические науки: арифметика, геометрия, часть алгебры, тригонометрия прямолинейная, начало физики; исторические науки: российская история, иностранная, география, хронология; основы изящной словесности: избранные места из лучших писателей, правила риторики; изящные искусства и гимнастические упражнения, а также чистописание, рисование, танцы, фехтование, верховая езда, плавание.

Обучение в лицее осуществлялось профессорами, которые каждые полгода проводили испытания для воспитанников. Каждый курс имел свои правила обучения: для

¹ Антология педагогической мысли в России первой половины XIX в. М.: Педагогика, 1898. С.184.

начального курса основная цель была направлена на обучение воспитанников мыслить и искать выражения этих мыслей в слове; особенность окончательного курса в том, что науки занимали первое место, в то время как иностранные языки неизменно являлись частью обучения¹. После окончания обучения совет профессорско-преподавательского состава определял, с каким классом лицеисты выпускаются в государственную службу, и через министра представляли свое заключение на усмотрение императора.

Министерство просвещения провело в начале XIX века работу по созданию учебников для гимназий, а по некоторым предметам и для уездных училищ. К созданию учебной литературы в первую очередь привлекались профессора-иностранцы, преподававшие в русских университетах. Учебные пособия русских ученых редко принимались как обязательные учебники для школы. Книги, изданные министерством просвещения, изредка доходили до провинции. Большое количество учебной литературы выпускали университеты, именно по этим изданиям проводилось обучение в школах. Многие педагоги вели занятия по своим записям, составленным ими во время обучения в университетах. Таким образом, преподавание отражало научные и методические взгляды профессоров университетов.

Устав 1802 г. отражал передовые идеи своего времени: светскость и единство системы народного образования. Однако, либеральные идеи Устава постоянно подвергались ревизии. Не было предусмотрено в учебных планах гимназий, в отличие от приходских и уездных училищ, и преподавание Закона Божия, что можно было считать свидетельством стремления к светскому образованию. Однако этот «недостаток» был исправлен в 1809 г. в гим-

¹ Антология педагогической мысли в России первой половины XIX в. М.: Педагогика, 1898. С.179.

назии Казанского учебного округа, а с 1819 г. чтение Святого Писания вместе с катехизисом стало обязательным предметом в системе подготовки¹.

На практике во многих положениях либеральность устава была заменена господствующими подходами в образовании закрепленными нормами конца XVIII века. Учителям рекомендовались методы и организация обучения предложенные в книге «Руководство учителям народных училищ»². Учителя рассматривались как чиновники, у них попиралось право на педагогическое творчество. Идея всесловности образования больше осталась на бумаге, правительство запрещало принимать в гимназии детей крепостных, затруднялось поступление в данное учебное заведение купеческих, ремесленных и мещанских детей, а в 1819 г. была введена плата за обучение. В этом же году из учебных планов всех школ исключились естествознание, философия, политическая экономия, естественное право, эстетика, которые могли способствовать развитию «вольнлюбивых» настроений.

Первым носителем и основным идеологом «евангельского государства» как глава государства выступил Александр I³. Под руководством императора создается Российское библейское общество 1812 года⁴, а в 1815 году – Священный союз. Идя по пути идеологизации образования в 1817 г. Министерство народного просвещения было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения, целью министерства объявлялось «основать народное воспитание на благочестии согласно с

¹ Каптерев П.Ф. История русской педагогики. СПб.: Алетей, 2004. С.243.

² Антология педагогической мысли России XVIII в. М.: Педагогика, 1985. С.302.

³ Тинина З.П. Самодержавие и Русская Православная Церковь в первой четверти XIX века. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. С.284.

⁴ Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000.

актом Священного союза». Выработанный курс нового министерства заключался в усилении религиозного фактора в процессе образования и воспитания. В императорском манифесте говорилось, что «министерство духовных дел и народного просвещения объемлет в круге своих действий дела духовные всех вероисповеданий в России и дела, касающиеся до учебного образования и усовершенствования познаний»¹. Усиление религиозного влияния на школу обязано своим учреждением переменам в религиозных воззрениях императора и его окружения.

В результате проведенных преобразований последовало ужесточение государственного контроля над всей создаваемой системой и содержанием образования в стране. Посредством использования религиозных рычагов воздействия на население, Александр I предпринял попытку внедрить в них принципы Библейского общества и русского патриотизма, однако, все его усилия оказались тщетными. Религиозность и национализм были чуждыми духу русских учебных заведений этого периода². Объединенное министерство значительно усложнило положение дел в области образования, стало причиной роста напряженности во взаимоотношениях между научными кругами и духовенством. В конце концов, Александр I вынужден был признать, что данное министерство «как-то не удалось». В этой связи он принял решение «упразднить сложное» ведомство.

После этого решения 15 мая 1824 года министерство народного просвещения вновь стало самостоятельной структурой в системе государственных учреждений. В таком виде система российского образования вступила в новую стадию своего развития в эпоху царствования Николая I. Несмотря на то, что в системе образования удалось достигнуть определенного прогресса, реформы обра-

¹ Русский биографический словарь. Т. I. СПб., 1896. С.375.

² Там же. С.401.

зования первой четверти XIX века, как и многие другие пробные преобразования в отечественной истории, носили незавершенный характер.

Новый император являлся сторонником укрепления законности и централизации власти. На этих принципах строилась его реформаторская деятельность с самого начала вступления на престол. На время царствования Николая I выпало много значимых политических событий, которые в дальнейшем повлияли на его реформаторскую деятельность. Император был убежден в божественном происхождении самодержавной власти, что не могло не отразиться на результатах его преобразований. В первую очередь они коснулись повышения статуса Церкви и увеличения количества православных епархий за счет их разукрупнения¹.

Чтобы искоренить идеи либерализма и революционных настроений, основное внимание в деле народного образования и просвещения Николай I направил на религиозное воспитание молодежи. Перед императором была поставлена серьезная национально-религиозная задача, которая была прописана в Высочайшем рескрипте министру народного образования А.С. Шишкову об учреждении Комитета устройства учебных заведений и его задачах от 14 мая 1826 года: «сличений и управления уставов учебных заведений и определения курсов оных»². Все последующие уставы различных степеней для учебных заведений утверждал лично Николай Павлович, «равно как избранные для них учебные способы».

С воцарением Николая I на российский престол резко изменилось отношение государства к получению свет-

¹ Россия, ее настоящее и будущее. СПб., 1900. С.206.

² Об учреждении под председательством Министра народного просвещения Шишкова Комитета для сличения и уравнивания Уставов учебных заведений и определения курсов учения в оных // ПСЗРИ. (1825-1881). Т.I. №338.

ского образования представителями низших сословий. Такими «отщепенцами», в первую очередь, стали крестьяне, считалось, что в гимназиях и других учебных заведениях они, с одной стороны, несут в их стены «дурные навыки», с другой – «приучаются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию»¹. В соответствии с новыми правилами 1827 года всем учебным заведениям министерства народного просвещения поручалось принимать для обучения только людей свободных состояний, включая тех же крестьян, которые были «отпущены» от крепостной зависимости. Однако, дворовые люди и помещичьи крестьяне обучались только в приходских или уездных училищах, а также в частных учебных заведениях, если их программы соответствовали начальному уровню образования. На таких же условиях допускалось обучение в специальных школах по сельскому хозяйству и садоводству.

Колоссальное влияние на качество образования оказала цензурная политика Николая I. Принятый 10 июня 1828 года Устав о цензуре запрещал «всякое сочинение, перевод, подражание или извлечение, в котором отвергается, ослабляется или представляется сомнительным Святое учение откровения, достоверность и святость книг Священного писания»². В результате чего, последовало принятие нового устава, по которому гимназии и уездные училища сохранили три ступени общеобразовательной школы: приходские, уездные училища и гимназии. При этом гимназии существовали отдельно от училищ. Целью учреждения губернских гимназий являлось «доставить способы приличного по званию их воспитания тем из молодых людей, кои не намерены или не могут продолжать

¹ Хрестоматия по истории СССР / Сост. А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. М.: ООО ТК Велби, 2002. С.239.

² Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С.190.

учение в университетах. А готовящихся вступить в оные, снабдить необходимыми для сего предварительными знаниями». Правительство сделало шаг от бессловной школы с одной учебной программой к словной школе с разными учебными планами. Это явление П.Н. Милуков охарактеризовал так: «александровскую лестницу учебных заведений разняли на части, но из каждой части сделали совершенно особое, самостоятельное целое»¹.

В сфере начального образования разрешили открывать частные учебные заведения по установленному правительством Положению от 16 апреля 1834 года «О домашних наставниках и учителях». Устанавливался пристальный надзор за деятельностью домашних школ. Данный вид школы приравнивался к губернскому училищу, а учителя, занимающиеся домашним обучением, являлись сотрудниками губернских училищ и получали чины.

Проводимая политика ограничений и свободы в области образования привела к изменениям структуры высшего образования. В июле 1835 года были введены в действие новые уставы для российских университетов. Суть проводимых преобразований заключалась в том, чтобы процесс обучения осуществлялся по факультетам: философскому, юридическому и медицинскому. Преподавательский состав подразделялся на профессоров, адъюнктов и лекторов, распределенных по факультетам, во главе которых стояли деканы. Попечители учебных округов получали специальный циркуляр, в котором разъяснялись «охранительные начала православия, самодержавия и народности». Под русской народностью подразумевалось приверженность самодержавию и православию, а все, что выходило за эти рамки объявлялось чуждым интересам русского народа. Министр народного просвещения С.С. Уваров видел свое предназначение в том, чтобы «отодвинуть Россию на 50 лет

¹ Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. С.293.

от того, что говорят ей теории»¹. В практической деятельности все это проявлялось в том, что во всех учебных заведениях, в первую очередь в университетах, началось наступление на науку, вместо авторитета знаний власти стремились поставить авторитет священного писания. Можно утверждать, что именно с этого времени духовенство заняло ведущие позиции во всей системе образования.

Император, считая, что гуманитарные науки и литература портят умы молодежи, всячески старался оградить их от революционной литературы. В эти годы по религиозным мотивам в список запрещенных книг были внесены сочинения Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, В.Г. Белинского, В. Гюго, О. Бальзака и многих других выдающихся классиков литературы. Политика запретов возымела обратный эффект, молодежь, стесненная идеологическими рамками, шла на крайние меры, стремясь познакомиться именно с теми книгами, которые изымались правительством. В университетах получила распространение нелегальная литература, а в среде интеллигенции получают распространение революционные настроения.

В 50-60-е годы XIX столетия большинство школ были совершенно неустойчивыми учреждениями, их существование было непродолжительным. Однако именно эти зачатки образования являлись фундаментом создания новой русской народной школы. Своему существованию школы этого времени были обязаны населению империи. Как отмечал Н.В. Чехов: «У народа, вышедшего из крепостной зависимости, твердо сложилось убеждение, сохранившейся у него до сих пор, что во время крепостного права некогда было думать о грамоте. Она была более доступна дворовым, у которых, при многочисленности тогдашней дворни, бывало довольно много свободного времени. Кроме того, среди помещиков, рядом с просвещен-

¹ Никитенко А.В. Записки и дневники (1826-1877). СПб., 1893. С.360.

ными молодыми людьми думавшими и о школах, и о просвещении своих крепостных, было не мало таких, которые смотрели на все это, как на пустую вредную затею. И таких было гораздо больше чем сторонников школ»¹. При этом государством решение этой проблемы было найдено в организации школ при церквях и монастырях, которые подчинялись епархиальному управлению на отдельных территориях империи, а введенное наименование «церковно-приходские школы» закрепилось за ними в государственном обороте только с 1861 года².

Александр II принял престол с осознанием необходимости кардинальных перемен во всех сферах жизни империи. В числе которых, было устранение социальной дискриминации в системе образования, и возвращение к установленным Екатериной II принципам, временно преданным забвению при Николае I. Однако, государственная власть сохраняла приверженность к курсу привлечения церкви к нравственному воспитанию населения страны. На духовенство империи с 1864 года возлагалось обучение детей российской грамоте в начальных народных училищах, где они должны были преподавать Закон Божий, чтение, четыре действия арифметики, церковное пение, причем преподавание должно было вестись исключительно на русском языке³. Согласно новому положению о приходских попечительствах и церковноприходских школах они получали за свою работу жалование из различных источников, главным из которых было финансирование со стороны государства.

¹ Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912. С.28-29.

² Лавицкая М.И., Гурылеева А.А. Управление системой начального духовного образования в России в первой половине XIX в. // Теоретические и прикладные вопросы экономики в сфере услуг. 2014. Т.2. № 8. С. 85–89.

³ Высочайше утвержденный устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения // ПСЗРИ. (1825-1881). Т.46. № 49860.

Таким образом, дело народного образования в России контролировалось и направлялось при решающем участии духовенства. Данное положение получило закрепление после того как в 1866 году обер-прокурор Синода Д.А. Толстой был назначен министром народного просвещения. В императорском рескрипте по этому поводу прямо указывалось на то, что такое соединение должностей вызвано необходимостью усиления церковного влияния на всю систему народного образования. Одновременно на приходское духовенство была возложена задача, заниматься обучением крестьянских детей грамоте, что позволило расширению системы церковно-приходских школ. Этот процесс активно продолжался до тех пор, пока не были образованы земства, инициировавшие создание в сельской местности народных училищ. Светская школа имела явную перспективу быть полностью уничтоженной, но авторитет и влияние графа Д.А. Толстого не допустили полного возврата к прошлому опыту, хотя церковное воздействие на характер развития системы образования в стране и его содержание, по-прежнему, оставалось достаточно сильным.

Наличие строгого контроля со стороны государства в сфере национального образования способствовало формированию особому образовательному пространству, при котором активно действовали все три базовых его субъекта: государство в лице Министерства народного просвещения; общество, которое представляли земства; и Православная церковь, находившаяся под руководством Святейшего синода. Взаимоотношения этих трёх субъектов на протяжении второй половины XIX в. носили различный характер, в котором присутствовала как существенная конфронтация земства и Синода, так и попытка выстроить позитивный диалог, наладить конструктивное взаимодействие. Главное же состояло в том, что во всех начинаниях и образовательных инициативах 1860-1890-х гг. в какой-либо мере участвовали все субъекты образовательного

пространства, поскольку объективно направленность их деятельности совпадала.

«Положение о начальных народных училищах» 1864 г. декларировало право народа на образование на всех его ступенях и право общественности на участие в создании и руководстве народной школой. Вплоть до конца 1860-х г. государство уклонялось от финансирования создания начальных школ, возложив эти функции на земства и крестьянские общества. В связи с нежеланием государства финансировать создание начальных школ, государственный контроль над развитием народного образования начал ослабевать.

Во избежание сложившейся ситуации, Министерство народного просвещения в 1869 г. учреждает инспекции народных училищ и создает в том же году так называемые образцовые министерские школы. Срок обучения в них был от трех до пяти лет, а их программа содержала расширенный круг общеобразовательных знаний. Их социальная цель состояла в прибавлении новых элементов в образовательные запросы «низших слоев» городского населения и освобождении гимназий от необходимости их обучения. По этой причине срок пребывания в училище достигал 6 лет. В городских училищах наряду с традиционными общеобразовательными дисциплинами начальной школы преподавались геометрия, география, история, естествознание, физика, черчение и рисование, пение, гимнастика, ручной труд. При всём этом по своей сути это были тупиковые учебные заведения, выпускники которого не имели прямого доступа к другим образовательным ступеням. Лишь немногие из числа выпускников могли поступать в учительские институты, а дети состоятельных родителей при соответствующей дополнительной подготовке – во второй-третий класс гимназии¹.

¹ Высочайше утвержденный устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения // ПСЗРИ. (1825-1881). Т.46. № 49860.

Все эти преобразования открылись земской реформой, которая была направлена на обустройство жизни в российской провинции. Бюджет земств складывался из налогов на недвижимость – земли, леса. К 1917 г. земства охватили 110 млн. жителей Российской империи (около 80%). Хотя первоначально, согласно Положению, земствам отводилась преимущественно хозяйственная роль, они по собственной инициативе приоритетное внимание уделяли развитию здравоохранения, культурно-просветительной деятельности и особенно сфере образования. Именно благодаря деятельности земств, привлечших к просветительной работе десятки тысяч прогрессивно настроенных представителей интеллигенции, в России было заложено основание сельской народной школы. В целом, созданию русской начальной школы способствовало именно земство. По своей структуре земские школы были с трех-четырёх-летним сроком обучения (хотя, как правило, детей, особенно мальчиков, забирали из школы после второго класса). В лучших из них, наряду с традиционными для начальной школы предметами, в процессе объяснительного чтения давались сведения по истории, географии, природоведению.

Земская школа изначально создавалась как общественное учебное заведение местными органами самоуправления на народные средства, т.е. была результатом проявления общественной инициативы. В то же время по характеру и содержанию своей учебной и воспитательной работы она стала школой народной, во многом отразившей в своей деятельности национальный идеал воспитания. Благодаря активной деятельности местных органов, количество земских школ быстро росло. Только за первое десятилетие после организации земств их было открыто более 16 тыс. и в них обучалось свыше 750 тыс. учащихся, а к концу века в 17,5 тыс. земских школ обучалось уже 2,5 млн. человек.

Таким образом, земские образовательные учреждения представляли собой по содержанию и качеству обучения начальные школы повышенного типа. Причем земства не были ограничены только начальной школой, поскольку в уездных центрах создавались средние земские гимназии. Акцент в образовательной деятельности делался на развитие познавательного интереса, любознательности учащихся. Использовались передовые методы обучения, в частности аналитико-синтетический метод обучения грамоте. Преподавались такие необходимые в сельской местности курсы, как садоводство, огородничество, пчеловодство.

От известного противостояния образовательной политики государства и церкви в 1880-1890-е гг. В конце XIX века состоялся переход к консолидации усилий земств и церкви. Земства стали финансово поддерживать и правительственные школы грамоты, и церковно-приходские школы. В это время земство сформулировало свою социально-педагогическую программу, которая была направлена на введение в стране всеобщего начального образования¹. По инициативе обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева возникает идея создания системы начальных школ, подконтрольных православному духовенству. В 1884 году были изданы «Правила о церковно-приходских школах», согласно которым учреждались начальные школы под руководством приходских священников и Синода. Церковные школы были одноклассных и двухклассных типов, ко всему прочему открывались и школы грамоты.

Школы грамоты были самым многочисленным и дешевым типом учебных заведений, которые открывал «народ». Основной задачей являлось распространение «элементарной грамотности» среди населения. До подчинения школ грамоты Синоду в учебном плане были про-

¹ О полном подчинении Наместнику Кавказскому Закавказского девичьего института // ПСЗРИ. (1825–1881). Т.34. Ч.2. №34991.

писаны такие предметы, как чтение, арифметика, церковнославянское и русское письмо. Позже в учебную программу входят предметы, способствующие распространению и утверждению в православном народе церковного просвещения и истинного благочестия. Школы грамоты открывали в основном священники, так как содержание такого типа учебного заведения не требовало больших затрат, а необходимую сумму на содержание найти было легче. Этот экономический фактор влиял на увеличение и диссеминацию школ грамоты, опережающий рост «правильно организованных церковных школ», т.е. церковно-приходских.

На эти школы было обращено внимание во всеподданнейшем отчете обер-прокурора за 1884 год, где условиями их успешного распространения были названы частое посещение их священниками для осмотра, снабжения однородными учебниками и подготовка для них учителей «из крестьянских юношей, получивших образование в церковноприходских школах, хорошо ознакомленных с церковным чтением и пением»¹ на платной основе. Плата за обучение могла быть натуральной или деньгами, сделанной, «за выручку» или повременной. А к 1887 году было подчеркнуто, что школы грамоты «по своей доступности и дешевизне имеют большое значение во всенародном образовании»².

В дальнейшем при получении дополнительных средств от общества на постройку школьного здания или жалование учителю священник мог преобразовать школу грамоты в церковно-приходскую. Программы учебных

¹ Ванчаков А.М. Краткий историко-статистический обзор развития церковной школы с 1884 года до настоящего времени (1884-1909). СПб., 1999.

² Всеподданнейший отчет обер-прокуроры Святейшего Синода и «рабочий вопрос»: мнения и проекты его решения в 1880-1914гг. (по материалам всеподданнейших отчетов обер-прокурора) // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2014. №3(15). С.186–195.

предметов для церковно-приходской школы утверждались определениями Синода, изданным в 1886 году¹. Среди предметов в учебных заведениях предпочтение отдавалось Закону Божьему. Законоучители, как правило, священники, обращали особое внимание обучаемых на толкование молитв, главнейших церковных песнопений и событий из священной истории. На уроках Закона Божьего воспитанникам объясняли смысл основных христианских заповедей, значение важнейших православных праздников и постов, сообщали сведения из Ветхого Завета. Вели беседы о Боге Творце, необходимости поклонения Ему, крестном знамении, иконах, времени и месте моления. «Законоучители придавали своему преподаванию практический характер, с каковою целью обращали серьёзное внимание на борьбу с распространёнными в приходе суевериями... Старались раскрывать детям положительное учение Православной Церкви в противовес раскольническим и сектантским нелепостям и бредням»². В церковно-приходских школах преподавали также краткую церковную и отечественную историю, знакомили с предварительными понятиями о географии вообще и частями света. Уроки истории начинали с краткого изучения истории населённого пункта.

Значительное место отводилась изучению отечественного и славянского языков, в сокровищницу которых складывали «одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, – словом, весь след своей духовной жизни». Язык во все времена являлся самой живой, самой обильной и прочной связью, соединяющей отжившие, живую-

¹ Всеподданнейший отчет обер-прокуроры Святейшего Синода и «рабочий вопрос»: мнения и проекты его решения в 1880-1914гг. (по материалам всеподданнейших отчетов обер-прокурора) // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2014. №3(15). С.217.

² Отчёт о состоянии школ церковно-приходских и грамоты Ставропольской епархии за 1903–1904 учебный год. Ставрополь, 1905. С.17.

щие и будущие поколения народа в одно великое историческое целое. Язык – величайший народный наставник, учивший «народ тогда, когда не было ещё ни книг, ни школ, и продолжавший учить его до конца народной истории»¹.

На уроках отечественного языка учили «плавно и толково» читать «Родное слово», связно передавать содержание прочитанного, писать без грубых орфографических ошибок письма, просьбы, прошения, правильно использовать знаки препинания. Изучая родной язык, ребёнок усваивал не только слова, их сложение и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка.

Знание славянского языка предполагало сознательное чтение Евангелия, умение передавать содержание «Первой учебной книги церковнославянского языка». Для классного чтения служили «Родное слово» Ушинского, букварь Тихомирова, «Первая учебная книжка» Паульсона «Наш друг» барона Корфа, «Книга для первоначального чтения» Водовозова. Методическим руководством к обучению отечественному языку служила «Русская грамота» Добровольского, славянскому – «Первая учебная книга церковнославянского языка» Грушевского, а также пособия «Начатки детского школьного обучения» Дистервега, «Мир в картинках» Яблонского и картины Семенова. В первых российских учебниках печатали азбуку, нравоучительные изречения, заповеди, притчи, поговорки пословицы, формы деловых бумаг, потешные листы; рассказывали, как ввести себя в церкви, за столом во время еды, при встрече со старшими; имелась даже специальная глава «Об игрании».

¹ Ушинский К.Д. Родное слово // Педагогические сочинения. Т.2. М., 1988. С.11.

Русская Православная Церковь укрепляла религиозно-нравственное состояние народа, занималась просвещением, приобщала к образованию, христианской литературе, культуре; учила бояться бога «не за грех, а за совесть, не рабски трепетать перед ним, но сыновние любить его всем сердцем и душой». Издавала небольшие брошюры по воспитанию детей. Священнослужители учили «не развивать чревоугодие, укреплять мускулы, больше трудиться», обращали внимание на развитие ума, воли и сердца, воспитание совести. Духовность и высокую нравственность связывали с общей культурой, готовили воспитанников прочно стоять на земле предков, не игнорировать преемственности поколений и жить мудростью народной¹. Формировали в людях краткость, учтивость, благонравие, скромность, великодушие, не абстрактные знания, а христианский образ жизни как совокупность бытовых навыков и живых реакций на действительность.

Несмотря на отставку Д.А. Толстого в апреле 1880 г., консервативный курс был продолжен при идейном преемнике Толстого Иване Давидовиче Делянове. С начала 1882 г. он начал осуществляться курс на реализацию лозунга «Россия для русских», который сопровождался усилением консервативных тенденций, в сфере образования. Постепенно в государственной образовательной политике сложилось мощное «консервативное лобби» в лице И.Д. Делянова, М.Н. Каткова, Д.А. Толстого, назначенного министром внутренних дел и по совместительству президентом Академии наук, а также имевшего большое влияние на императора обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева.

Прежний политический курс был не только продолжен, но и усилен. Главным делом консерваторов стала контрреформа университетского образования, что отрази-

¹Сохроков С. Обращение к истокам // Материалы 2-го международного генеалогического colloquiuma. Нальчик-Москва, 2000. С.6.

лось в новом Университетском уставе 1884 г., продолжавшем линию на централизацию и регламентацию управления образованием (ректор назначался министром просвещения, упразднялся университетский суд и т.п.). Устав значительно усилил зависимость университетов от министерства и попечителей учебных округов. Заметно возростал контроль за подбором и подготовкой профессорско-преподавательского состава университетов. Выборность профессоров отменялась. Вводились государственные экзамены. В 1885 г. для студентов была снова введена форма. По этому Уставу с незначительными модификациями российские университеты действовали до 1917 г. Вместе с тем не стоит преувеличивать «реакционность» нового устава, как и «либерализм» предшествующего. Устав 1884 г., ограничивая университетскую автономию, значительно расширил свободу преподавания, которой ранее не было¹.

Словные ограничения в классической гимназии оказались усилены в 1887 г., когда без публикации в печати был распространен документ, вошедший в историю как циркуляр о кухаркиных детях. Согласно этому распоряжению министра просвещения, попечители учебных заведений обязывались принять самые строгие и безотлагательные меры к очищению учебных заведений от лиц «низших сословий» – детей кучеров, лакеев, поваров и т.п. Большой частью из-за того, что «они оказывали пагубное влияние на окружающих, и сами могли стать на путь озлобления и выражения недовольства своим бытом»². С этой же целью резко повышалась плата за обучение. Исключение при приеме детей, родители которых трудились по найму, делалось лишь для «одаренных необыкновенными способностями (в проекте циркуляра даже ука-

¹ Высочайше утвержденный общий устав императорских российских университетов // (1881–1913). Т.4. №2404.

² Дмитриев С.С. Хрестоматия по истории СССР. В 3-х т. Т.III. М., 1948. С.432–433.

зывалось – «гениальными»). Также дискриминационные квоты применялись к евреям – вводилась процентная норма, ограничивающая их доступ в среднюю школу.

Деятельность земства в сфере образования имела значение, далеко выходящее за собственно учебные рамки. В имперской России к концу XIX века, несмотря на препятствие со стороны системы государственного управления, сформировались элементы гражданского общества, закладывались основы муниципального общественно-государственного управления начальным народным образованием, развивались демократические принципы организации школьной жизни, педагогического процесса. Но главное, в результате широкой просветительской деятельности постепенно формировалась культурно-образовательная среда.

Рассматриваемый период – это время становления системы российского образования, она приобрела законченный, но не до конца оформленный, характер. Значительно выросло количество образовательных учреждений, кардинально увеличилось число обучающихся. В образовательный процесс оказались вовлечены миллионы людей разных социальных возрастных категорий. Образование носило всеобщий характер: формально не существовало социальных, национальных, религиозных ограничений для обучения на различных ступенях. Наличие различных ведомств и социальных институтов, возможность создания и деятельности не только государственных, но и других типов учебных заведений, создало впечатление вариативности образовательной сети, так как на тот момент уже существовали религиозные, общественные, частные учебные заведения. Однако, государственная политика ограничений в области доступа и развития образования привела к тому, что в целом по России к концу столетия сохранялся достаточно низкий процент грамотности населения.

1.2. Система духовного образования в России

В начале XIX столетия, вслед за реформой системы светского образования, встал вопрос о преобразовании духовной школы, разработка проекта предполагаемых преобразований была возложена на епископа Евгения (Болховитинова). Разработанный им план поступил на рассмотрение Временного комитета, в который вошли митрополит Петербургский Амвросий (Подобедов), архиепископ Калужский Феофилакт (Русанов), протопресвитер С. Краснопевков, обер-священник Н. Державин, обер-прокурор А.Н. Голицын и статс-секретарь М.М. Сперанский. Результатом проведенной работы комитета стало введение в 1808 г. плана кардинальной перестройки духовной школы.

Главная мысль проекта заключалась в отделении высшего богословского образования от среднего и низшего. До тех пор в высших духовных образовательных учреждениях курс начинался с обучения латинской грамматике, а заканчивался богословским классом. В этих высших образовательных учреждениях предполагалось принимать выпускников семинарий. «Духовные академии, – говорилось в проекте, – не препинаясь в поприще, им предназначенном, первоначальным и, так сказать, стихийным обучением наук, грамматических и исторических, займут в науках философских и богословских пространство, им приличное, и станут на чреде просвещения, высшему духовному образованию свойственной»¹.

Академический курс был рассчитан на 4 года. Сам курс был определен на два двухлетних отделения: общеобразовательное, на котором преподавались высшая математика, физика, философская грамматика, древние и новые языки, эстетика, всеобщая и церковная история, и

¹ Жане С.Р. Деятельность мусульманских миссионеров на Северном Кавказе (20–60-е гг. XIX века). Майкоп, 2000.

специальное богословское с изучением догматики, нравственного и полемического богословия, герменевтики, гомилетики, канонического права. Выпускники академии по окончании курса удостоивались ученых степеней кандидата и магистра.

На академии возлагалось также научно-методическое и административное руководство семинариями. В связи с этим образованы были Петербургский, Московский, Киевский и Казанский учебные округа. Казанскую академию на новых началах устроить не удалось, и поэтому она временно была преобразована в семинарию, а ее учебный округ соединен с Московским. Средними духовными школами, по плану, должны были стать семинарии – по одной на епархию, с 6-летним обучением, разделенным на три двухлетних отделения, которые по старинному именовались риторическим, философским и богословским. В семинариях преподавали словесность, гражданскую историю, географию, математику, физику, философию, а из богословских дисциплин – Священное Писание, герменевтику, догматическое, нравственное и пастырское богословие, церковную историю с археологией, древние и новые языки.

В семинарии принимались выпускники уездных духовных училищ (с 6-летним курсом), в которых изучали грамматику, арифметику, историю, географию, пение, пространный катехизис, церковный устав и классические языки. Уездные училища были подчинены епархиальным семинариям. Кроме того, планом комитета предусматривалось открытие в благочиннических округах приходских училищ с обучением чтению, чистописанию, грамматике, пению, арифметике и краткому катехизису.

Для управления духовными школами из членов Временного комитета в 1808 г. была составлена Комиссия духовных училищ. По семинариям рассылались вновь составленные конспекты по богословским и философским

наукам. Под руководством архиепископа Феофилакта (Русанова) и М. М. Сперанского были разработаны уставы новых академий, семинарий и училищ. Новый академический устав, в противоположность старой школе, главное внимание уделял не механическому запоминанию учебного материала, а его свободному, творческому усвоению: «Добрая метода учения заключается в том, чтобы способствовать к раскрытию собственных сил и деятельности разума воспитанников». Устав особое значение придавал письменным упражнениям учащихся на всех ступенях обучения. Всячески поощрялось чтение литературы за рамками учебных программ¹.

Процесс преобразования духовных школ шел постепенно, начиная с Петербургской академии. В ней уже в 1809 г. начались занятия по новым программам, и первый выпуск преобразованной академии, состоявшийся в 1814 г., убедил комиссию в целесообразности реформы. На очереди стояла Московская академия, преобразованная в 1814 г. одновременно с переводом в Троице-Сергиеву лавру, в связи с чем, Троицкую семинарию переместили в подмосковный Прервинский монастырь. С 1819 г. началось преобразование Киевской академии, а для Казанской академии вначале не удалось подобрать профессоров, способных читать лекции по новым программам, и открытие ее было отложено до 1842 г. После реформы началось оживленное строительство новых школьных помещений и общежитий. Заметно улучшилось содержание учителей и воспитанников, но средств по-прежнему не хватало, училищное начальство вынуждено было принимать на казенный кошт бедных учеников сверх предусмотренных штатов².

¹ Высочайше утвержденный проект устава горских школ // ПСЗРИ. (1825-1881). Т.34. Ч.2. № 34982.

² Высочайше утвержденный устав гимназий и прогимназий ведомства министерства народного просвещения // ПСЗРИ. (1825-1881). Т.46. №49860.

Однако, не все намеченные преобразования получили реализацию на практике. Число духовных школ, открытых к концу царствования Александра I было значительно меньше предусмотренного проектом, но все-таки оно заметно выросло. В 1808 г. в России насчитывалось 150 духовных школ, а в 1824 г. их было уже 344. Уровень образования в семинариях заметно вырос, а академии, освобожденные от семинарского курса, становились ведущими центрами богословской науки. После реформы в академическом и семинарском образовании происходил постепенный переход на русский язык. Митрополит Филарет (Дроздов) писал об этой перемене так: «От сего ... знание латинского языка сделалось слабее, но зато школьная терминология начала уступать место более чистому и ясному изложению истины; распространение существенных познаний усилилось, и сообщение оных народу в “пояснениях” облегчилось. Богословские понятия, преподаваемые на латинском языке, не свободно действовали в умах во время учения и после учения с трудом переносимы были на русский язык для сообщения народу»¹.

В 1820-х гг. против перехода в обучении на русский язык выступил архиепископ Рязанский Филарет (Амфитеатров). Он настаивал на сохранении латинского языка и для поддержания высокой учености, опасаясь распространения через русские книги и лекции широкой огласки убеждений, которые опровергались в догматике. Однако и он считал, что нравственное богословие надо преподавать по-русски. В Петербургской академии вслед за митрополитом Филаретом (Дроздовым) на русском языке стал читать лекции отец Григорий (Постников), впоследствии митрополит, в Москве – отец Кирилл (Богословский-Платонов), в Киеве – ректор архимандрит Моисей, а за ним архиепископ Мелетий (Леонтович). По-

¹ О полном подчинении Наместнику Кавказскому Закавказского девичьего института // ПСЗРИ. (1825–1881). Т.34. Ч.2. №34991.

степенно и в семинариях латынь стала выходить из употребления, оставаясь лишь одним из учебных предметов. В 40-х гг. уже во всех школах богословие преподавалось на русском языке.

При обер-прокуроре Протасове в связи с общим изменением церковно-политического курса поставлен был вопрос о пересмотре уставов 1814 г. Но Комиссия духовных училищ не захотела поддержать замысел обер-прокурора. Тогда Протасов пошел на роспуск комиссии, вместо которой в 1839 г. было учреждено Духовно-учебное управление, действовавшее не как авторитетная коллегия, а как служебное подразделение, подчиненное обер-прокурору. Замысел Протасова клонился к тому, чтобы понизить образовательно-культурный уровень духовных школ, который казался ему не соответствующим потребностям церковной жизни.

Протасов крепко бранил «мертвящую ученость», особенно доставалось от него «нечестивой и безбожной науке» философии. В семинариях, считал он, курс наук необходимо приспособить к условиям сельской жизни. «Из семинарий поступают в священники по селам. Им надобно знать сельский быт и уметь быть полезными крестьянину даже в его делах житейских. Итак, на что такая огромная богословия сельскому священнику? К чему нужна ему философия, наука вольномыслия, вздором, эгоизма, фанфаронства? На что ему тригонометрия, дифференциалы, интегралы? Пусть лучше затвердит хорошенько катехизисы, церковный устав, нотное пение. И довольно. Высокие науки пусть останутся в академиях», – так передавал наставления Протасова ректор Вятской семинарии архимандрит Никодим (Казанцев). Всему духовному образованию Протасов предлагал придать направление, «сообразное с нуждами сельских прихожан».

Проведению протасовской реформы решительно воспротивился митрополит Московский Филарет. И поэтому свой план крайнего «опрощения» среднего духовного образования Протасову не удалось осуществить. Тем не менее, правила, введенные в 1840 г., значительно сокращали число общеобразовательных предметов в семинариях. Были оставлены только логика и психология (вместо философии), российская словесность, история, физика, геометрия и классические языки. Вместо упраздненных общеобразовательных дисциплин вводились основы медицины, сельское хозяйство, в отдельных семинариях иконописание и инородческие языки. В учебные планы по богословию были включены библейская история и историческое учение об отцах Церкви; усиливалось изучение русской церковной истории. Вводились катехизические беседы с воспитанниками, которые должны были служить образцом для бесед священника с прихожанами. В академическом образовании больше внимания стали уделять истории Русской Церкви; вводились новые курсы – патристика, логика с психологией и педагогика. Новыми правилами приходские училища соединялись с уездными. Курс обучения в них разделялся на три двухлетних отделения.

В конце 40-х гг. из-за быстрого роста численности учащихся недостаточность средств довела духовные школы до нестерпимой бедности. Как и в XVIII в., студенты, содержащиеся за счет казны, голодали, здания школ годами стояли без ремонта. Переполнение духовных школ воспитанниками заставило Святейший Синод в 1850 г. отменить обязательное обучение детей клириков в духовных училищах, и разрешило им выход из духовного сословия в свободно определяющиеся.

В царствование Александра II, когда глубоким преобразованиям подверглись все стороны национальной жизни, в церковной печати открыто стал обсуждаться вопрос о новой реформе духовной школы. От архиереев, от

ректоров академий и семинарий Синод затребовал их мнения и предложения, а в 1860 г. под председательством архиепископа Херсонского Дмитрия (Муретова) был составлен особый комитет, который за четыре года разработал план новых преобразований¹.

Архиепископ Дмитрий предложил радикальные меры. Он хотел перестроить существовавшие семинарии в общеобразовательные школы для детей духовенства, а богословские классы семинарий преобразовать в закрытые пастырские школы с полумонастырским уставом и принимать в них сложившихся, зрелых людей, искренне стремившихся послужить Церкви на пастырском поприще, причем не только из духовного чина, но из всех сословий. Комитет, однако, не пошел на столь решительную ломку существовавшей системы. Часть его членов считала более целесообразным попросту вернуться к уставам 1814 г. В итоге решили в общих чертах сохранить сложившиеся типы духовных школ, с той только переменной, чтобы в семинариях богословские предметы были выделены в особый курс и сосредоточены в последних классах.

Разработанный прежде проект был передан на рассмотрение епархиальных архиереев, ректоров и академических конференций, и в 1866 г. образовался новый комитет во главе с митрополитом Киевским Арсением (Москвиным). Через год были утверждены разработанные этим комитетом новые уставы семинарий и духовных училищ, в 1869 г. – устав духовных академий². Эти уставы предусматривали новое устройство управления духовными школами. Оно сосредоточивалось в Учебном комитете при Святейшем Синоде, вместо прежнего Духовно-

¹ Высочайше утвержденный устав императорских российских университетов // ПСЗРИ. (1881–1913). Т.4. №2404.

² Высочайше утвержденный проект устава горских школ // ПСЗРИ. (1825–1881). Т.34. Ч.2. №34982.

учебного управления, подчиненного непосредственно обер-прокурору. Упразднялись академические учебные округа, и академии в связи с этим освобождались от управления семинариями. Из ведения академий изымалась возложенная на них старым уставом духовная цензура.

Внутренняя администрация духовных школ строилась на началах широкой коллегиальности и самоуправления. Вводились академические советы, а также семинарские и училищные правления из преподавателей и выборных представителей белого и черного духовенства. Педагогическим корпорациям предоставлялось право выбора ректоров и инспекторов, ректоры академий по-прежнему назначались Синодом. Новый устав 1869 года ставил перед академией двойную задачу: быть не только высшей богословской школой, но и своего рода педагогическим институтом духовного ведомства. В связи с этим учебные планы подвергались существенным изменениям. Круг наук сокращался, из учебных планов полностью устранялись физико-математические дисциплины, что позволяло сосредоточиться на богословских предметах и преподаванию их придать более научный характер. Общеобязательных дисциплин оставалось немного. Остальные предметы распределялись по трем отделениям, своего рода факультетам: богословскому, церковнодостолическому и церковно-практическому; два двухгодичных курса заменялись четырьмя одногодичными. Лишь лучшие студенты оставались на 4-м курсе для работы над кандидатской диссертацией, остальные выпускались после 3-го курса со званием «действительного студента». Магистерские диссертации, как и в университетах, впредь должны были подаваться в печатном виде и подлежать публичной защите.

Главным достоинством академического устава было требование научного характера высшей богословской школы. Но «жертвой» научности порой становилась церковность академического богословия. Стремясь придать

своим академическим лекциям, диссертациям и монографиям научный характер, ученые богословы стремились во что бы то ни стало догнать западноевропейскую науку и часто совсем не критично заимствовали ее выводы, в эту эпоху уже опасные не столько своим инославием, сколько рационалистическим направлением.

В духовных семинариях вместо прежних трех двухгодичных классов – риторики, философии и богословия – вводилось два курса: общеобразовательный (1-4 классы) и богословский (5-6 классы). Из прежней многопредметной программы исключались сельское хозяйство, основы медицины, катехизаторское обучение, библейская история, патрология, полемическое богословие, учение о богослужбных книгах, церковная археология – в общем, предметы, введенные при Протасове. Вместо них вводились основное богословие и педагогика, усилено было изучение Священного Писания, философии, математики, классических языков. Один из новых языков был признан обязательным предметом. В уездных духовных училищах 6-летний курс заменялся четырехгодичным с подготовительным классом. Из училищ одни выпускники шли в семинарии, другие – псаломщиками на приходское послушание.

Во все духовные школы, которые до тех пор сохраняли сословный характер, был открыт доступ выходцам из всякого чина, а выпускники семинарий получали право поступать в светские высшие школы. Значительно было повышено материальное обеспечение духовных школ, содержание учащихся, оклады преподавателей. Немалые суммы стали отпускаться на ремонт и строительство учебных корпусов и общежитий.

В 70-х гг. произошел быстрый рост числа духовно-учебных заведений. К 1881 г. в России насчитывалось уже 4 академии, 53 семинарии и 183 духовных училища, а к концу века в дополнение к ним было открыто еще 5 новых

семинарий и 2 училища. Однако ревизии, проведенные в 70-х гг., обнаружили серьезные недостатки в постановке учебно-воспитательной работы, снижение церковности учащихся и падение дисциплины. Процент ухода выпускников семинарий на гражданскую службу и в университеты был очень великим.

В 1882 г. при Святейшем Синоде была образована комиссия для пересмотра учебных уставов во главе с архиепископом Сергием (Ляпидевским), впоследствии митрополитом Московским. Новые уставы были разработаны в 1884 г. На характер нововведений большое влияние оказали мнения обер-прокурора К. П. Победоносцева. Во всех духовных школах была усилена власть епархиальных архиереев и ректоров. В академиях отменялась специализация студентов по отделениям. Все богословские и философские дисциплины стали общеобразовательными, и лишь второстепенные исторические и филологические предметы подразделялись на два отдела и предлагались студентам на выбор. Отменялась публичность академических диспутов при защите диссертаций. Докторская степень стала присваиваться без защиты, по отзыву рецензентов. Вводилось также различие докторской степени: богословия, церковной истории и канонического права. Магистерские диссертации защищались на расширенном академическом совете.

В управлении семинариями совершенно отменялось выборное начало. Богословские предметы распределялись по всем классам. Увеличилось число отводившихся для них учебных часов. Восстановлено было преподавание библейской истории, сравнительного богословия. Вводился новый предмет под названием «история и обличение раскола». Церковное пение из факультативного сделано было обязательным. Сокращались программы по математике, философии, педагогике. Новые языки стали факультативными, а программы по классическим языкам, зани-

мавшие прежде более трети всего учебного времени, были значительно сокращены. Для улучшения религиозно-нравственного воспитания учащихся вводилась должность духовника семинарии. В уездных духовных училищах усилено было изучение русского и церковнославянского языков, а также церковного пения.

Были изданы особые Правила, на основе которых рассматривались сочинения, которые представлялись на соискание ученых богословских степеней. Правила требовали особой полноты и определенности изложения, при которой не оставалось бы сомнения в истинности православного учения, а также такую точность выражений, которая устраняла бы всякий повод к ложным вопросам. Не могут быть признаны данному требованию ученого богословского сочинения труды, которые отрицают, хоть и не имея научных оснований, достоверность событий, к которым церковное предание и народное верование привыкли относиться как к достоверным событиям. Церковно-охранительный характер этих правил, составленных по указанию Победоносцева, очевиден. Но запретительная политика Победоносцева оказалась не особенно плодотворной. Она не смогла искоренить в академической сфере либеральных настроений, которые в конце столетия приобрели тревожный характер.

В качестве первой ступени духовного образования выступали церковно-приходские школы. Они были предназначены для начального обучения детей. Но в первой половине XIX века церковно-приходские школы не получили широкого развития. В современном, привычном нам виде, церковно-приходские воскресные школы появились в конце XX в. после нормализации церковно-государственных отношений. Но их корни уходят в историю одноименных учебных заведений, проводивших просветительскую деятельность в России начиная с середины XIX в. Таким образом, чтобы понять, почему Церковь возвращается именно к этой форме организации учебно-

воспитательного процесса, необходимо проследить все этапы становления и развития воскресной школы как образовательного учреждения.

Под церковно-приходскими школами понимаются образовательные учреждения, устраивающиеся при церковных приходах и находящиеся в их ведении. Церковно-приходские школы могут быть общеобразовательными, начальными, воскресными. В данном случае мы будем говорить о церковно-приходских воскресных школах Русской Православной Церкви. Воскресные школы явились одним из наиболее знаменательных достижений общественной инициативы конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. В эти годы в России вследствие известных социальных и экономических реформ в среде интеллигенции возрос интерес к проблеме народного образования. Несмотря на существование начальных народных школ, многие крестьяне, рабочие и ремесленные люди не могли получить желаемое образование, так как в течение всей недели были заняты на работе. Выходом из сложившейся ситуации и явилось создание воскресных школ, которое приобрело вскоре стихийный характер.

Необходимо отметить, что первые церковно-приходские воскресные школы появились в России гораздо раньше. Так, Дм. Вольфсон в своей книге «Сибирские воскресные школы» утверждает, что отдельные школы при Иркутских и Нерчинских монастырях существовали там еще с 1750 г. и были закрыты повсеместно в 1789 г. Известно также, что попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов в 1844 г. планировал основать в Москве воскресные школы, «чтобы поощрять среди населения, главным образом взрослого, религиозно-нравственные знания и святые обязанности человека», и даже получил на это благословение митрополита Филарета (Дроздова) и разрешение Святейшего Синода. Правда, о дальнейшем существовании этих школ никаких данных не сохранилось. Зато опыт воскресной школы при Ныт-

винском заводе Оханского уезда Пермской губернии, созданной по инициативе двух местных священников, активно обсуждался в церковных изданиях на протяжении нескольких лет.

Все дело в том, что отчет о ее деятельности был помещен в «Руководстве для сельских пастырей» (1860 г.) и стал доступен широкому кругу читателей. Активное обсуждение опыта нытвинской школы в церковной печати навело ряд исследователей (Я. В. Абрамова и др.) на мысль, что данная воскресная школа в течение длительного периода оставалась единственной конфессиональной школой Русской Православной Церкви, созданной не при монастыре. Воскресные школы Российской империи отличала особая черта – это были школы грамоты, дававшие элементарное образование людям, в силу ряда причин не имевшим возможности учиться в обычной школе. Кроме того, учреждение воскресных школ при приходских храмах так и не стало распространенным явлением в дореволюционный период.

Впрочем, такая «приходская непопулярность» этих учебных заведений имеет свои объективные причины:

- церковно-приходские воскресные школы создавались преимущественно при монастырях, при духовных семинариях, так как такое их расположение снимало некоторые организационные вопросы, а также решало проблему преподавательских кадров, что являлось бы основными трудностями для школы, созданной при храме;
- воскресные школы вели образовательную деятельность в воскресные и праздничные дни, чтобы туда могли прийти люди, занятые в будни на обязательных работах. Но воскресенье – самый загруженный день для церковнослужителей (литургия, проповедь, требы, молебны и т. д.). Таким образом, если по штату в храм определялись только один священник и диакон, создание воскресной школы на приходе было просто невозможно.

Воскресные школы, созданные по частной и общественной инициативе при университетах, гимназиях, фабриках, заводах, железнодорожных станциях в городах России тоже внесли свой вклад в развитие современных церковно-приходских школ. Первой воскресной школой, в которой обучали грамоте, принято считать школу, открытую в Киеве группой студентов Киевского университета и Киевской духовной академии 11 октября 1859 г. с разрешения Н.И. Пирогова, бывшего в то время попечителем данного учебного округа. Инициатива создания школы принадлежала Платону Васильевичу Павлову – профессору Киевского университета, доктору исторических наук, политической экономии и статистики. Школа привлекала множество учащихся и пользовалась успехом. Другие школы возникли в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, а затем распространились по всей России. С течением времени воскресные школы получили общественное признание, хотя отношение к ним в различных социальных кругах оставалось неоднозначным. Тем не менее, их существование было закреплено законодательно¹.

Учебная программа воскресных школ должна была соответствовать программам начальных народных училищ, но на практике в нее вносились изменения (добавление учебных предметов, перераспределение учебной нагрузки и пр.). Это происходило оттого, что контингент учащихся, их запросы и возможности в начальных народных училищах и воскресных школах настолько различались между собой, что требовали совершенно иной постановки учебного процесса.

Постепенно проявлялись черты, присущие воскресным школам и отличающие их от других образовательных учреждений:

¹ Высочайше утвержденный проект устава горских школ // ПСЗРИ. (1825–1881). Т.34. Ч.2. №34982.

- характерное время занятий (воскресные и праздничные дни);
- малочисленные и разновозрастные группы;
- отсутствие платы за обучение;
- отсутствие возрастных и сословных ограничений для обучающихся;
- прием в течение года и связанное с этим постоянное обновление состава учащихся;
- организация занятий по выходным дням и праздникам;
- свободное посещение занятий;
- наличие внеклассных занятий (праздников, чаепитий и пр.);
- организация библиотек при школах.

Рост числа обучающихся привел к возникновению вечерне-воскресных школ, в которых занятия проводились не только в воскресные дни, но и в будни по вечерам. Финансирование воскресных школ происходило в основном за счет частных пожертвований.

После Октябрьской революции и реформы системы образования воскресные школы не исчезли совершенно, но легли в основу таких учебных заведений, как народные университеты, московские школы-клубы, воскресные университеты, минимальные школы для подростков. Помимо этого, российские воскресные школы явились образцом для некоторых образовательных учреждений русской эмиграции (воскресно-четверговые школы), а также православных церковных школ, тайно существовавших в годы советской власти. Что касается содержания образования, то государственные советские школы носили не просто светский, но зачастую антирелигиозный характер; воскресно-четверговые школы русского зарубежья сочетали в себе предметы этнокультурного и религиозного компонента; тайные церковные школы были исключительно религиозными.

Таким образом, развитие духовного образования в России в XIX веке можно считать прогрессивным. Система духовного образования состояла из трех отдельных ступеней: Духовного училища, Духовной семинарии, Духовной академии. Каждая последующая ступень отличалась от предыдущей уровнем образования, бытовыми условиями, отношением студенчества к процессу обучения и преподавателей к учащимся. В итоге, человек прошедший все вышеупомянутые ступени, отличался широкой эрудицией: владел несколькими современными и древними языками, разбирался в философии, хорошо знал историю, свободно ориентировался во всех общественно-политических движениях. По окончании обучения он мог, имея достаточную подготовку, выбрать дальнейший путь своей жизни – либо священника, либо чиновника.

Исходя из этого, необходимо отметить, что в системе образования в Российской империи в XIX – начале XX веков появляются всё новые виды и типы учебных заведений, благодаря которым большая часть населения государства могла получить необходимое образование. Создавались новые учебники, пособия. Также мы видим, что в развитии системы образования в Российской империи было заинтересовано само государство. Это мы видим на примерах законов и уставов, которые создавались в тот период по приказу самого Императора.

ГЛАВА II

УЧАСТИЕ ДУХОВЕНСТВА КАВКАЗКОЙ ЕПАРХИИ В РАЗВИТИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

2.1. Влияние Кавказской епархии на развитие образовательного пространства и религиозного просвещения в период её становления

Направление церковно-приходской жизни обширного пространства Северного Кавказа определялась органами управления, располагающимися вначале в Астрахани, затем в Новочеркасске. Власть епископов над казачьими станицами и крестьянскими поселениями имела формальный характер. На обширных территориях Северного Кавказа органы епархиальной власти с трудом поддерживали видимость церковного порядка. Как Астраханский архипастырь не мог по отдаленности Кавказского края и по отсутствию хороших и безопасных путей сообщения следить за церковною жизнью региона, так и Донской архипастырь по тем же причинам, не мог входить во все условия жизни региона и давать ей надлежащее направление. Вследствие чего в церковной жизни Северного Кавказа образовалось много особенностей, которые поражали своими крайностями в жизни населения и духовенства¹.

Кавказская епархия была одной из самых малочисленных в Российской Империи по числу православного населения в ней, но одной из обширных по занимаемому

¹ Речь по случаю празднования Кавказскою, ныне Ставропольскою, семинариемо пятидесятилетнего юбилея // СЕВ. 1897. №1. С.44—48.

пространству. Ее территория простиралась от степей Астрахани и земли войска Донского до Кавказского хребта, от Каспийского до Черного моря. По этническому составу среди православных были русские, малороссияне, греки и осетины, которые к середине XIX века насчитывали около миллиона человек из 2,5-миллионного населения епархии. Паства Северного Кавказа до 1843 года не имела самостоятельных органов церковной власти, а удаленность и обширность территории приводила к отсутствию церковного порядка и возникновению разных крайностей в повседневной жизни населения и духовенства.

Условия военного времени породили ряд особенностей образования поселений, и соответственно положение церковного клира в них. Так, приступая к постройке своих селений, которые приходилось устраивать в непосредственной близости от кордонной линии, казаки сразу отводили место под церковь и старались возвести вокруг неё ограду с проделанными в ней бойницами. Жилые строения располагались кругом, но не ближе ружейного выстрела от этой ограды, а улицы планировались правильными кварталами. Немного обосновавшись на новом месте, все свои силы казаки сосредотачивали на постройке церкви. Услышав колокольный набатный звон, служилые казаки бросались на вал, а старики, женщины и дети спешили за церковную ограду. Для крестьян Северного Кавказа, живущих в удалении от мест боевых действий, церковь выполняла только обрядные функции, и храмы часто имели плачевный вид при зажиточности прихожан.

Переселенцы первое время не имели церквей, несмотря на все ходатайства им не разрешалось их строить, и они оставались без удовлетворения духовных потребностей. Причин тому было несколько, по мнению Г. Прозрителева. Они заключались в неустойчивом положении региона относительно его включения в состав России, а с другой стороны, население не могло обеспечить содержание

церкви и духовного клира¹. Только в результате настойчивого ходатайства генерал-губернатора П.С. Потемкина Синод дал разрешение на строительство храмов по Азово-Моздокской линии: «...только в потребных местах, в селах не меньше 500 душ, а также чтоб к содержанию при них священно и церковнослужителей были изыскиваемы средства»².

Одним из способов преодоления нравственных пороков и повышения грамотности приходского духовенства ещё Духовный регламент обязывал детей священнослужителей, под угрозой исключения из духовного звания, получать духовное образование, но священнослужители разными способами уклонялись от исполнения данного обязательства. Консистории и Правление Астраханская семинария каждый год требовала принуждать священнослужителей высылать своих детей в училища. Вдовам, дети которых находились в училище, давалось право принятия их детей на казенное содержание при хорошей успеваемости и честном поведении³.

Политика государства исходила с того, что духовенство, имея низкий образовательный уровень, было грубо в обращении с населением. Все пастырские обязанности сводились к механическому отправлению треб и литургий по договоренным расценкам. Поучения, устные проповеди и наставления в делах веры, разъяснения начальных истин богопочитания народ не слышал от православного духовенства в этот период⁴. При этом государством повыше-

¹ Прозрителев Г. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии // Труды Ставропольской учебной комиссии, 1913. Вып.V. С.3–18.

² Геден, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.-Пятигорск, 1992. С.79.

³ ГАСК. Ф.90. Оп.1. Д.352. Л.1–1об.

⁴ Плугавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века: очерки из новейшей истории раскола. М., 1904. С.67–71.

ние образовательного уровня духовенства виделось не только как процесс приобретения некоторых знаний, но как своеобразный переход его в иное качество.

Одной из попыток преодолеть сложившуюся ситуацию было открытие духовных училищ – Екатеринодарского в 1818 году и Ставропольского в 1823 году¹. Однако это было только начальное религиозное образование, которое давало представление о глубокой религиозной морали, не в полной мере раскрывало представление о мировой культуре, и роли русской в её развитии. Решению данной задачи больше способствовало обучение в семинариях, но для его получения необходимо было отправлять своих детей в другие регионы.

Удаленные на большие на расстояния от Северного Кавказа Астраханская, Новочеркасская и Воронежская духовные семинарии делали содержание детей в них довольно обременительным для многих семей священнослужителей. Некоторые из родителей привозили и оставляли детей своих без содержания «как Бог управит». Семинарское правление из казенной семинарской суммы под расписки выделяло деньги на приобретение обуви, одежды, бумаги и чернил, которые затем посредством духовных властей взыскивало с родителей². Долги на отцов перекладывались и за содержание их детей в Астраханской больнице, а нередко и на их погребение³. Схожая обстановка сложилась и в имеющихся училищах Северного Кавказа, где наличие «коштовых мест», когда расходы на получение образования брало на себя государство, было минимальным.

Немного легче получение образования было для осиротевших детей, но сиротство трудно назвать легкой судьбой. Данная категория детей пользовалась льготой

¹ ГАСК. Ф.435. Оп.1. Д.435. Л.1.

² ГАСК. Ф.434. Оп.1. Д.14. Л.1.

³ ГАСК. Ф.435. Оп.1. Д.695. Л.1–2.

предоставленной государством, их по сиротству принимали на казенное содержание¹, но только при наличии свободных льготных мест. При этом семинарское правление шло на уступки обучающимся детям, которые сиротели и теряли возможность продолжения обучения из-за отсутствия средств. Епархиальные попечительства о бедных духовного звания для их обеспечения зачисляло за ними причетнические места в церквях епархии².

Поскольку многие воспитанники умирали, для улучшения их положения, Правлением Астраханской семинарии назначалась степень и звание бедности родителей и родственников, которые не могли содержать своих детей³. Принимая во внимание имеющиеся проблемы, некоторые из священнослужителей оставляли своих детей дома и занимались их обучением самостоятельно. Под присмотром отцов они осваивали грамоту, пение, катехизис. В отношении их и их родителей смотрителем Ставропольских духовных училищ, через благочинных, велся строгий учет. Благочинный должен был уведомлять смотрителя в случаях возникновения сомнения качества домашнего образования⁴, но, как показало время, данный контроль имел формальный характер.

Довольно часто, даже при наличии всех строгих мер надзора, возникали случаи, когда дети священнослужителей были безграмотными. Всех их и тех кто поступал в духовное сословие на равных условиях временно определяли в низшие должности на клировое послушание и обучение церковному пению, катехизису, грамоте. После такого обучения на практике они сдавали экзамены в данных областях церковной службы непосредственно епископу. В случае успешной сдачи они посвящались в сти-

¹ ГАСК. Ф.361. Оп.1. Д.304. Л.1–1об.

² ГАСК. Ф.434. Оп.1. Д.15. Л.5.

³ ГАСК. Ф.90. Оп.1. Д.412. Л.1–2.

⁴ ГАСК. Ф.435. Оп.1. Д.970. Л.1–4.

харь, получали грамоту и определялись в приходы на нижние должности¹. В сложившейся церковной традиции казачьих поселений Терско-Гребенского и Черноморского войска многие из пришедших в сельские клиры Северного Кавказа достигли дьяконских и священнических мест [См.: Приложение 1]. Однако немногие из них имели те высокие нравственные и духовные качества, выработка которых была заложена в семинарских образовательных программах. Таким образом, ориентированные на исполнение духовных треб, а не на пастырское служение и нравственное просвещение прихожан, не многие из них пользовались уважением собственного клира и воспитали христианскую любовь в их сердцах.

В начале XIX века в епархиальном управлении были реализованы идеи по совершенствованию управления церковной жизни на местах, поскольку, начиная с Петра I, на протяжении всего XVIII века реформы в этой области не проводились. Определение территорий епархий зависело от численности приходов и количества монастырей, которые должны были быть доступны управлению. Большие расстояния между центром и периферией не позволяли епархиальным архиереям объезжать епархии и вникать во все вопросы церковной жизни подведомственных территорий. Информацию об их состоянии они получали из присылаемых отчетов, что делало слабой вертикаль власти. Связано это было отчасти и с тем, что все издержки на организацию поездок они несли самостоятельно, а вследствие секуляризации и последующих экономических ограничений церковной собственности, были стеснены в средствах. Поэтому, несмотря на имеющиеся законы, обязывавшие архиереев обзирать раз в год вверенную паству, некоторые приходы с самого основания не видели ни

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.340; Оп.2. Д.410; Оп.3. Д.1025; Оп.4. Д.787. Ч.1–3.

одного из своих архиереев¹. В результате утраты связи архиереев с паствой во многих епархиях получило распространение учение раскола. С возобновления сотрудничества государства и Церкви в начале XIX века сложившаяся ситуация начинает кардинально меняться, что нашло отражение в широкомасштабном церковном строительстве даже в малочисленных поселениях.

Параллельно с пересмотром функций церковных органов и форм их управления, шел процесс расширения числа епархий. Если в последний год правления Александра I их было 40, то в 1855 году стало уже 55². При их учреждении использовался принцип совпадения в границах с территорией губернии, что приводило к налаживанию церковной жизни через более тесное взаимодействие церковной и светской власти³. Образование новых епархий было призвано преодолеть сложившуюся негативную ситуацию.

Одним из таких проблемных мест в империи был Северный Кавказ. Особенности управления определялись обширностью региона и отдаленностью от Консисторских центров. Власть епископов над казачьими станицами и крестьянскими поселениями имела формальный характер. На обширных территориях Северного Кавказа органы епархиального управления с трудом поддерживали видимость церковного порядка: вдовых священников не удаляли от служения в приходах, не практиковали наказания за нарушения канонов, с большими усилиями собирали церковные суммы.

¹ Материалы по истории Православной Церкви в царствование Николая I, собр. свящ. М.Я. Мирошкиным // Сборник Императорского Русского Исторического Общества / Под ред. Н.Ф. Дубровина. Т.113. Кн.1. СПб., 1902. С.431–432.

² Там же. С.5.

³ Покровский И.М. Русские епархии в XVI – XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т.2. Казань, 1913. С.15.

В попытке урегулировать сложившуюся ситуацию верховная власть в 1829 году провела разделение Воронежской епархии на две кафедры, а также образовала Донскую и Кавказскую епархии, а последняя вскоре по кафедральным городам стала именоваться «Новочеркасской и Георгиевской». В её состав входили территории Войска Донского, Кавказской области и земли Черноморского казачьего войска.¹ Дело в том, что Астраханский архипастырь не мог из-за отдаленности Кавказского края и отсутствия хороших и безопасных путей сообщения следить за церковною жизнью региона, также как и Донской архипастырь по тем же причинам не мог изучить все условия жизни региона и выработать правильное направление служению в регионе.²

Исходя из положений имперского закона, управление епархией выстраивалось следующим образом. Во главе епархии находился епископ, который, являясь высшей инстанцией в епархии, руководил благочинными (старшими священниками), епархиальным судом, Попечительством о бедных духовного звания. Свои действия по управлению епархией он должен был согласовывать с Духовной консисторией, состоящей из присутствия и канцелярии. Членами присутствия были настоятели кафедральных соборов, монастырей, священники церкви епархиального центра. Поскольку на них возлагалась обязанность решения текущих вопросов жизни епархии, то они должны были каждый день выполнять свои обязанности. Окончательное слово в принятии решения оставалось за епископом. Согласно общероссийской статистике белое духовенство было представлено в консисториях больше

¹ Кириллов А. Материалы к церковной истории Донского края за XVIII и XIX века: Материалы, относящиеся к открытию Донской епархии // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1901. Вып.2. С.115–118.

² СЕВ. №1. 1897. С.6–8.

чем черного, так, например, в 1801 году их было в составе консисторий 38%, а уже в 1860-е годы 79%¹. Возглавлял канцелярию секретарь, который назначался и увольнялся обер-прокурором Синода, таким образом создавался двойной контроль за деятельностью епископа². В канцелярии было организовано делопроизводство по 4 столам, во главе которых находились столоначальники, была введена должность регистратора, казначея и архивариуса.

В своих докладах начальник Кавказской области неоднократно высказывался о том, что сложившаяся ситуация в церковной системе является препятствием для местного духовного управления, затрудняет взаимодействие между духовными и гражданскими властями. Учитывая возникающие сложности и заботясь о единообразии церковного управления, Синод разработал программу по организации самостоятельной епархии. При этом в установлении границ, Синод руководствовался правилом «приводить пределы епархии соразмерно с пределами губерний и областей»³.

Представленную программу организации Кавказской епархии 4 апреля 1842 года утвердил государь император, в рескрипте указав, что «<...> архиепископу Новочеркасскому именоваться Донским и Новочеркасским, другому же Кавказским и Черноморским». В состав Кавказской епархии, с центром в городе Ставрополе, вошли Кавказская область и Черноморья, которые выделялись из состава Новочеркасской епархии. Кавказской епархии присвоили третий класс с годовым содержанием 4989,23 руб. серебром. На организацию Архиерейского дома еди-

¹ РГИА. Ф.796. Оп.205. Д.348. Л.6.

² Бороденко В.Е. Церковное управление в Черноморско-Кубанской области в конце XVIII – начале XX в. // Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани. Краснодар, 2009. С.57–58.

³ ГАСК. Ф.90. Оп.1. Д.1548. Л.1–2.

новременно из казны выделялось 3 тыс. руб. серебром¹. Вопрос об учреждении самостоятельной семинарии откладывался до того момента, «<...> когда откроется к образованию её достаточное число учеников и другие нужные способы»².

Святейшим Синодом на митрополичью кафедру был поставлен викарий Киевской митрополии епископ Иеремия (Соловьев). Прибыв 10 апреля 1843 года в город Ставрополь, он сразу преступил к утверждению церковного порядка вверенной ему епархии. На основании установленных норм «Духовного регламента» при епископе создается Кавказская духовная консистория, в первый состав которой вошли: Черноморского войска Екатеринолебежской Николаевской пустыни настоятель архимандрит Дионисий; Кавказского кафедрального Троицкого собора протоиерей Константин Крастилевский; того же собора ключарь, священник Петр Сухарев, священники Андрей Альшанский, Димитрий Гремяченский; Ставропольской приходской Казанской церкви священник Стефан Граников. Все члены Консистории имели семинарское образование и опыт административной работы.

Тяжелым было положение и с кадровым обеспечением формируемой епархии. В Ставрополе работали только две церкви, и служащее духовенство при них, занятое в работе епархии, кроме дьяконов и причетников, состояло из двух протоиереев кафедральной и приходской церкви и шести священников. Кроме приходских обязанностей, епархиальных должностей и занятий в училище, трое, в том числе кафедральный протоиерей, исполняли должности членов консистории и благочинных. Четвертый исполнял должность члена консистории, смотрителя духовного уездного и приходского училища и законоучителя гимназии; пятый – члена и законоучителя в светском при-

¹ ГАСК. Ф.90. Оп.1. Д.1548. Л.3–4.

² ГАСК. Ф.90. Оп.1. Д.1548. Л.2–3.

ходском училище; шестой – члена и законоучителя в частном пансионе; седьмой – инспектора духовных училищ и законоучителя в другом частном пансионе; восьмой – ключаря кафедрального собора и эконома архиерейского дома. Кроме того, некоторые из них часто командировались депутатами в присутственные места города и назначались для привода к присяге (увещателями)¹.

Рассматривая качественный состав прихожан в приходах Кавказской епархии, нужно проанализировать и его состав церковного клира. Так, на 1845 год из 288 священников 78 было принято из других епархий, т.е. третья часть от их общего числа. В большинстве своем они занимали приходы Ставропольского и Пятигорского округов – 40 и 16, соответственно. В то время, как в Черномории таких числилось всего 18 человек. Подобная ситуация наблюдается и в среде дьяконов, где из 158 служителей 32 вышли из других епархий и основная их масса была привлечена в Ставропольский округ. Данный округ являлся лидером и по приему в клир «со стороны» в ряды причетников, поскольку из 44 пришлых 33 оказались в его приходах [См.: Приложение 2]².

Большую часть, пополнивших церковные клиры священнослужителей, составляли выходцы из Тамбовской епархии, намного меньше из Пензенской и Воронежской. Единичные случаи перехода были из Кевской, Рязанской, Орловской и Саратовской. Среди приходов Кавказской епархии встречались такие, в которых членами одного причта значились выходцы из одной епархии. Например, при Николаевской церкви села Белой Глины Ставропольского округа из семи членов церковного причта четверо были выходцами из Тамбовской епархии. Стоит отметить, что трое из них были в родственных отношениях, так, священник А. Данилов, приходился второму священнику

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.2. Д.811. Л.18–20.

² ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.340; Оп.2. Д.410; Оп.3. Д.1025; Оп.4. Д.787. Ч.1–3.

И. Магницкому дядей, а дьячку П. Полькому тестем¹. Родственные отношения создавали условия для сохранения принесенных порядков и могли провоцировать конфликтные ситуации во взаимоотношениях не только с остальными членами причта, но и прихожанами. Только в 1879 году был преодолен кадровый дефицит, и в епархиальных ведомостях напечатали, что «<...> по случаю замещения вакантных священнических мест в Кубанской и Терской областях вызов кандидатов на эти места из других епархий прекращен»².

В своей первой поездке по краю епископ отмечал высокий религиозный дух населения, его стремление к познанию Бога и отсутствие предоставления такой возможности со стороны имеющейся церковной инфраструктуры. Так, например, к епископу Иеремии обращались вдовы и девушки с просьбой открытия женской обители в регионе. Были случаи, когда они, ведомые чувством веры, собирались по ночам и совершали молитвословия, читали поучения и псалтири для посещающих их собрания. Некоторые из них обращались в консисторию с просьбами устроить при церквях монашеские женские домики, но церковные власти запрещали подобные сборища и требовали от благочинных не допускать их, что на практике было весьма затруднительно. Казалось, что после учреждения в Ставрополе в память о своих родителях преосвященным Иеремией Иоанно-Мариинской женской общины и Черноморской Марие-Магдалиновской пустыни проблема была решена. Однако в 1849 г. в прикумских селениях были выявлены ночные сборы, а вскоре задержаны двое мужиков, которые собирали пожертвования на открытие в Георгиевске женской обители. Пятигорский земский суд, по прошению Иеремии, прекратил следственные действия и отпустил обвиняемых из под стражи,

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.4.Д.787. Ч.3. Л.435–443об.

² Объявления // КЕВ. 1879. №1. 1 января. С.17.

поскольку преосвященный видел в них «усердных христиан к церкви Христовой»¹. Конфликт этим не ограничился, и вскоре в консисторию поступило прошение об учреждении в Пятигорском уезде, неподалеку от с. Отказного в Топчиевом колодце женского монастыря, в приложении был представлен список более 50 желающих женщин и девушек поступить в него. Высшая церковная власть оставила прошение без ответа, а Общее управление Ставропольской губернии начало разбирательство о возможности наличия раскола в уезде. Подозрительных лиц, собирающих у себя для ночных чтений Святого писания и песнопений людей, распорядились заключать под стражу².

Подобные случаи были не единичны для региона, в котором народ не находил удовлетворение религиозных потребностей в стенах церкви в этот период её развития. Так, например, в 1848 году казенный крестьянин с. Красной Поляны Ставропольского округа Кирил Минка имея семью из четырех детей и жену, отрастил себе косу и, раздобыв монашеское одеяние, начал проповедовать у себя дома. Несмотря на беседы с местным священником, он не изменил своих убеждений, на что священником был составлен рапорт о склонности Минка в юродство, которое «может послужить дурным примером и опасным последствиям на народную нравственность»³. Консистория запретила ночные сборы и ношение одеяния с косами, свойственные монахам под угрозой суда, а контроль исполнения возложила на Общее управление Ставропольской губернии. Таким образом, для предотвращения подобных случаев, только в крайних случаях привлекалась светская власть, которая в своих действиях руководствовалась исключительно законом, а не границами религиозной набожности.

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.7. Д.195. Л.1–7.

² Там же. Л.17–54.

³ ГАСК. Ф.135. Оп.9. Д.418. Л.1, 5–6.

Примером «урегулирования» таких сложных моментов в религиозной жизни может быть произошедший случай в 1849 году в с. Медведском. По рапорту благочинного священника Вердеревского были привлечены к следствию более десяти человек по обвинению ухода в раскол. После получения от них расписок в дальнейшем не отступать от православной веры их всех отпустили. Однако вскоре все они были арестованы и посажены в тюрьму, поскольку решили бороться за свои убеждения до конца. Но угроза тюремного срока и суда заставили их раскаяться в содеянном и выдать зачинщика, крестьянина Ивана Моисеева, который был приверженцем молоканской веры. Всех оставили под наблюдением благочинного священника, который каждый месяц докладывал в Кавказскую духовную консисторию о нравственном поведении провинившихся, их явке на службы и литургии¹.

Проблема преодоления низкого уровня нравственности духовенства виделась преосвященным в повышении уровня образования духовенства Кавказской кафедры. Свой вклад в решение этой проблемы было начато Иеремией с момента своего приезда на Кавказскую кафедру. Когда ему была компенсирована прогонная сумма в размере 500 руб. серебром, из сумм предполагавшихся на обустройство Кавказской духовной консистории², он возвращенные деньги распорядился разместить в Приказе общественного призрения. На проценты от них установил содержание и дал возможность обучаться в Ставропольском духовном училище двум «благонравным ученикам», с присвоением им фамилий Антониев и Феодосиев³. Помимо этого, им были пожертвованы сборники различных духовных сочинений в городские приходы епархии, и тре-

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.7. Д.170. Л.1–157.

² ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.877. Л.73, 81.

³ Там же. Л.455.

буется наличие необходимого круга церковных книг в приходах.

Посетив в 1844 году торжественные мероприятия в честь 50-летия Черноморского казачьего войска Иеремия поддержал идею о преобразовании Екатеринодарского духовного училища в уездное училище. А на местное духовенство сильное впечатление произвел тот факт, что им были посвящены в стихарь трое лучших воспитанников данного училища, в обход некоторых малограмотных причетников, уже служивших не один год в приходах Кавказской епархии. Таким образом, им была подчеркнута степень важности образования в назначении на церковную должность, что по мнению Гедеона, имело самые благоприятные последствия¹.

Приходское духовенство активно участвовало в развитии образования населения посредством организации народных школ при приходах. На момент образования Кавказской епархии при приходских церквях насчитывалось 14 народных школ, в которых обучалось 528 мальчиков и 4 девочки, при 15 наставниках². С этого момента начинается массовое открытие народных школ при церквях епархии, которых к 60-м годам XIX века только в приходах Ставропольской губернии насчитывалось более 50³. Открытые школы поддерживались Палатою государственных имуществ, полковым начальством, церквями и частным образом. Размещались школы в общественных домах, наемных квартирах и церковных сторожках.

Для назначения приходских священников на должности законоучителей начальных училищ устанавливался следующий порядок: священник заявлял о своем желании

¹ Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.-Пятигорск, 1992. С.115.

² ГАСК. Ф.135. Оп. 1. Д.169. Л.86–87об.

³ ГАСК. Ф.361. Оп.1. Д.266а. Л.21.

преподавать в училище Закон Божий инспектору народных училищ; последний, или непосредственно, или через директора училищ, делает представление епархиальному архиерею об утверждении священника в должности законоучителя; после рассмотрения кандидатуры архиереем мог выбрать другую кандидатуру¹. Выбор преосвященного зависел от уровня образования претендента и нравственных качеств. За выполнение преподавательских обязанностей назначенный священник получал установленный размер штатного жалования², но чаще вознаграждение не предполагалось³.

Изучение Закона Божьего не освобождала учеников народных школ от посещения Богослужения в воскресные и праздничные дни, им рекомендовалось участвовать в нем посредством чтения и пения. Торжественность богослужения, великолепие храма, должны были поражать детское чувство и воображение, развивать в детях любовь к церковности, уважение и благоговение к храму.

Несмотря на видимое благополучие в развитии народных школ региона на территории Кавказской епархии действовали на нелегальном или полунелегальном положении частные школы. В них велось образование без контроля со стороны государства, а преподавателями были лица, образование которых оставляло желать лучшего. Так, например, случай в 1848 году в селе Новопокровском, где существовало официальное училище наравне с училищем в доме казенного крестьянина из раскольников О. Елисеева. В нем обучалось 15 мальчиков и 2 девочки из детей Кубанского и Кавказских полков разных станиц⁴. По результатам расследования были подвергнуты наказанию не только сам Елисеев, но и родители обучающихся детей.

¹ КЕВ. 1879. №23. 1 декабря. С.923–924.

² ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.204. Л.1–1об.

³ КЕВ. 1876. № 8. 16 апреля. С.281–284.

⁴ ГАСК. Ф.135. Оп. 6. Д.111. Л.1–2.

Сложившаяся ситуация в развитии народных школ также свидетельствовала о том кадровом «голоде», который испытывала Кавказская епархия. Сформированная система духовных учебных заведений России в первой половине XIX века могла обеспечить имеющиеся потребности в подготовки квалифицированных кадров. В государстве сложилась разветвленная сеть церковно-приходских, духовных училищ и семинарий. Духовенство Северного Кавказа любыми способами уклонялось от направления своих детей для обучения, по неимению собственной, в ближайшую Астраханскую семинарию. Причиной данной тенденции было не столько далекое расстояние от родительского дома, и сопутствующие большие расходы на содержание детей, сколько укоренившееся убеждение в получении места в приходе без наличия духовного образования, поскольку приходы постоянно испытывали большой кадровый дефицит. К тому же долгое время обучение в ней осуществлялось по упрощенной программе, без высшей ступени богословия, только риторика и философия. Окончившие её и желающие учиться дальше уезжали в другие регионы и не торопились возвращаться. Другим центром подготовки священников была Воронежская семинария, но при наличии всех уровней подготовки, она находилась также на сильном удалении.

К концу 1843 г. число поселений, в которые необходимы были образованные священники, достигло семи¹, в условиях колонизации Северного Кавказа потребность в образованных и подготовленных кадрах только усиливалась. По мнению Иереми, открытие семинарии способствовало бы восполнению нехватки специалистов для решения возникших проблем и поставленной им задачи просвещения населения. К тому же ректор и инспектор семинарии восполнили бы имеющийся недостаток в «лицах

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.921. Л.7.

благонадежных и способных» для занятия некоторыми делами по устройству новой Кавказской епархии. Однако решение вопроса открытия семинарии Синодом откладывалось на неопределенное время, несмотря на подаваемые рапорты о крайней необходимости её в регионе.

Не обращая внимания на возникшие административные препятствия, епископ, со свойственной ему бескомпромиссностью, начал работу по подготовке к её устройству. Было подобрано два места в городе для строительства здания семинарии. Одно из них располагалось на Воробьевской горе напротив дома областного начальника, предназначавшегося для здания духовного училища. Поскольку оно не было застроено, то на тот момент его планировали раздать под частные постройки. Но по желанию преосвященного был начат процесс выделения под семинарию выбранной им земли, а поскольку по утвержденному плану предполагалась постройка нового собора, а для домов священнослужителей того собора места на плане не было, то означенное для постройки училища место Иеремия просил отдать соборному духовенству и никому не передавать без ведома епархиального начальства¹. Получив данную землю в распоряжение духовного ведомства, епископ предполагал поселить здесь духовенство будущего Андреевского собора².

Более удобным местом он считал пустырь около кузницы и бывшего городского кладбища включительно, поскольку данное место находилось близко к архиерейскому дому и не было так открыто сильным ветрам города, окружено со всех сторон домами, которые могли стать удобными семинаристам квартирами. В конце 1843 г. Иеремия сумел договориться с начальником Кавказской области генерал-лейтенантом и кавалером В.О. Гурко, через которого получил разрешение в комитете мини-

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.921. Л.16–17, 26–27об.

² Там же. Л.14, 7–9.

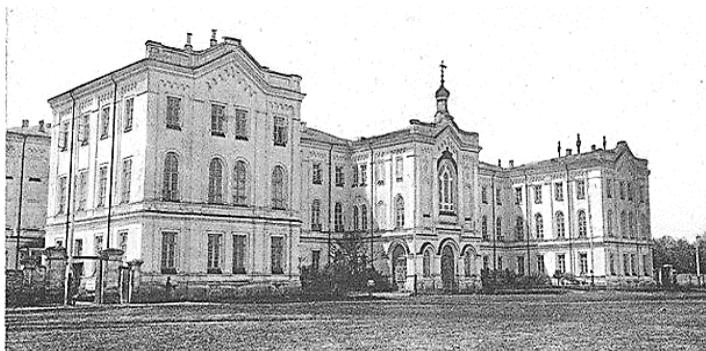
стров на изменение городского плана и предоставление участка на Варваринской площади, в окрестностях Варваринской церкви. 13 августа 1846 года гражданский губернатор распорядился выделить данный земельный участок в духовное ведомство¹. Из местного камня вокруг выделенного участка предполагалось возвести забор протяженностью 600,3 погонных сажени стоимостью до 9 тыс. руб. серебром, но Синод посчитал выделение такой суммы нецелесообразным в виду предстоящего строительства самой семинарии² [См.: Приложение 3]. Было предложено на первое время сделать ров и в отдельных местах высадить колючий кустарник. Как выяснилось в ходе инженерной экспертизы, грунт в этой части города был неустойчив и поэтому возводить масштабное капитальное сооружение было нельзя. Поэтому в дальнейшем было принято решение о строительстве здания семинарии на Воробьевой горе.

Епископ Иеремия составил примерное расписание зданий и помещений в предполагаемой к постройке семинарии. Помимо главного трехэтажного корпуса, в котором предполагалось размещение кабинетов для занятий и административно-хозяйственных, подсобных помещений, планировалось возведение двух боковых корпусов с собственной пекарней и кухней, просторной столовой и больницей. На прилегающей территории в проект входило строительство подсобных и хозяйственных помещений [См.: Приложение 4]. Данный проект семинарского здания был взят за основу при её строительстве в 1883 году. При этом сам Иеремия разработал примерную программу обучения, а занятия предполагалось начать с 15 августа 1844 года³.

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.7. Д.488. Л.69.

² Там же. Л.105, 114.

³ ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.921. Л.7–10.

Здание Ставропольской духовной семинарии кон. XIX века

В своем обращении к Синоду епископ Иеремия отмечал, что нехватки в учениках не возникнет. Поскольку им планировалось перевести на обучение в неё желающих поступить в высшее отделение Астраханской семинарии 21 человека, в среднее отделение до 23 человек. В состав низшего отделения из Ставропольского и Моздокского уездных училищ планировалось перевести до 40 воспитанников. Также можно было, по его мнению, вернуть детей духовенства Кавказской епархии, обучающихся по разным классам в Воронежской и Екатеринославской семинарии, в училищах Донской епархии¹.

В 1845 году начальник Кавказской области генерал-лейтенант В. Гурко в своем письме Синоду характеризовал Иеремию пастырем, достойным всякой похвалы. Но когда епископ решил искоренить раскол в восточной части Кавказской епархии и потребовал выдачи беглого священника, укrywшегося в Гребенском полку², начался конфликт, который закончился тем, что 19 июля 1845 года часть казачьих станиц была отделена от епархии и передана в управление обер-священнику Кавказского отдельного корпуса Л. Михайловскому, располагающемуся в

¹ Там же.

² ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.51. Л.122–123об.

Тифлисе. Казалось, что вопрос об открытии семинарии снят и больше никогда не возникнет, но Иеремия начал переписку с Наместником Кавказским по этому вопросу и смог убедить его в необходимости открытия семинарии. При этом упорство обер-священника в выделении свечной суммы на содержание семинарии были пресечены князем Воронцовым, и он попросил представить ему преосвященным список всего необходимого: от штатного расписания до количества учеников, включая детей духовенства Кавказского линейного казачьего войска¹.

В своем рапорте обер-прокурору Синода Н.А. Протасову епископ Иеремия добавил о неожиданном пожертвовании неизвестным лицом 6890,78 руб. серебром на содержание от процентов суммы сверх установленного комплекта семи учеников². Предварительно епископ заручился поддержкой Кавказского наместника, который также представил свое обращение к обер-прокурору Синода по поводу скорейшего открытия собственной Кавказской семинарии, вопрос об открытии которой откладывался более двух лет. Обер-священник Кавказского отдельного корпуса Л. Михайловский наотрез отказался передать часть свечной суммы на софинансирование устройства семинарии, ссылаясь на возможность пополнять ряды священнослужителей выборным духовенством из казаков по заведенной традиции. Он также планировал приглашать священников из центральных губерний России, однако князь Воронцов потребовал участия станичного духовенства³.

По утвержденному 20 июля 1846 года императором проекту штат Кавказской духовной консистории состоял из 21 человека, включая ректора. На её содержание было определено 13430 руб. серебром⁴:

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.840. Л.34–40.

² ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.921. Л.36–37.

³ ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.840. Л.34–40.

⁴ ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.921. Л.158–158об.

	Число лиц	Оклад каждому	Сумма
Ректору	1	400	400
Наставникам	7(8)*	400	2800
Преподавателям местных языков	3	225	675
Инспектору (прибавочных)	1	150	150
Помощнику инспектора	1	150	150
Эконому	1	150	150
Секретарю (прибавочных)	1	125	125
Библиотекарю (прибавочных)	1	100	100
Лекарю, с прибавочными за пользование учеников низших училищ	1	250	250
Письмоводителям Правления 2 и при экономе 1	3	60	180
На содержание семинаристов	100	60	6000
На содержание дома, освещение, прислуга и прочее			1800
На больницу и медикаменты с наймом фельдшера и служителя			400
На библиотеку кабинет			200
На канцелярские расходы и найм служителя для правления			100
Итого			13430

* *Примечание:* за преподавание начал медицины (8 наставник) полагается жалование 143 руб. серебром в год, на основании утвержденных в 1840 году правил о преобразовании учебной части в семинариях.

Когда с большим трудом разрешился вопрос о её открытии, возникла другая проблема – ее размещения до постройки соответствующего здания. Ограниченный в сумме 1500 руб. серебром учрежденный учебный комитет не смог подобрать соответствующего здания. Тогда преосвященный Иеремия обратился к И.Г. Ганиловскому с просьбой отдать дом, который сдавался им за 3000 руб. серебром для семинарии на выделенную сумму от Сино-

да¹. Купец ответил, что: «<...> принимая с сыновей готовностью предложение <...> имея постоянное желание способствовать Вашим благим начинаниям», передал дом по оговоренной цене. Для удобства расположения семинарии он за свой счет пристроил каменную столовую и установил дополнительные окна на первом этаже здания².

Рост потребности образованного духовенства стимулировал не только рост числа приходов в Кавказской епархии, но и расширение географии станиц Кавказского линейного казачьего войска. Поскольку, если в 1846 году в епархии насчитывалось 116 приходов, а на линии 82, то в середине 1850-х их число увеличивается в Кавказской епархии до 161, и на линии соответственно до 125³. Число обучающихся в этот период было стабильно высоким. На открытие в 1846 году в Кавказскую духовную семинарию было принято в низшее отделение 56 человек. Со всей епархии были собраны выпускники Ставропольского и Моздокского духовных училищ, а за теми, кто отправился к месту обучения в другие епархии, отправили нарочных и вернули обратно⁴. Епископ Иеремия, в связи с вакансией некоторых преподавательских мест, лично проводил занятия по катехизическому учению и Священному Писанию. На следующий год были открыты среднее и высшее отделения, с числом обучающихся до 50 и 40 детей соответственно. В последующие годы их число обучающихся было относительно стабильным, и достигало 151 воспитанников⁵.

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.840. Л.40–45.

² ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.921. Л.46, 48.

³ ГАСК. Ф.135. Оп.7. Д.488. Л.177, 215.

⁴ Польский Л.Н. Очерки по истории Кавказской епархии (к 130-летию основания). Ставрополь: Изд-во Ставропольской духовной семинарии, 2018. С.27.

⁵ ГАСК. Ф.135. Оп.7. Д.488. Л.153.

Учебные годы	Высшего отделения	Среднего отделения	Нижнего отделения	Итого	В том числе полнока- зенных и полужакан- ных учеников
1846-1847	-	-	56	56	25
1847-1848	25	45	60	131	61
1848-1849	27	45	58	131	61
1849-1850	40	45	65	151	59
1850-1851	39	44	59	142	65
1851-1852	39	45	67	151	58
1852-1853	39	45	62	145	55
1853-1854	38	48	57	143	57
1854-1855	37	43	49	129	47
1855-1856	37	42	49	128	52
1856-1857	35	41	65	141	54

Число выпускников Кавказской семинарии, ориентированное на прирост населения и соответственно расширение церковной базы, не всегда соответствовало реальным потребностям. Иногда, как например в 1850 году, некоторые из выпускников не смогли быть приняты в причты Кавказской епархии, поскольку не нашлось вакантных мест на этот год¹. Но это не означает, что для них на Северном Кавказе не было места в приходах, поскольку широкомасштабная колонизация, начавшаяся после окончания войны, поглотила все имеющиеся ресурсы епархии.

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.9. Д.13. Л.40.

Поступившие на вакантные места в приходы
Кавказской епархии с семинарским образованием
и после училищ на 1850 год:

	К 1850 году состояло	В 1850 году поступило	Итого	Из них определены к местам	К 1851 году остаются неопределенными	В том числе		
						За неимением вакансий	По болезни и другим уважительным причинам	По неимению
С окончанием богословского курса семинарии	2	10	12	7	4	4	-	-
С окончанием философского курса семинарии	-	2	2	2	-	-	-	-
Вышедших из низших классов семинарии	2	2	4	3	1	1	-	-
Обучавшихся в уездных училищах	-	7	7	5	2	2	-	-
Обучавшихся в приходских училищах	-	9	9	7	2	2	-	-
Итого	4	30	34	24	9	9	-	-

Начало качественного изменения состава духовенства было застигнуто епископом Иеремией еще при его служении на Кавказской кафедре. Так, он с удовлетво-

нием отмечал, что в своем обзоре епархии не раз был свидетелем того, что во многих приходах, но не во всех, священники сельских церквей по окончании богослужения произносили многократно внятно и громко, чтобы прихожане и дети могли за ними повторять, основные молитвы. Данная практика показалась преосвященному весьма полезной, и он рекомендовал так поступать всем священникам. В 1849 году из Синода поступил указ, который обязывал священнослужителей для «впечатления в памяти простых неграмотных прихожан» произносить Символ веры, десять заповедей, молитву Господу и некоторые другие молитвы. Данная мера была признана Синодом действенной и полезной в среде малограмотного населения России¹. Действие данного указа только легализировало введенную практику в приходах Северного Кавказа намного раньше её принятия в других епархиях государства.

В 1867 году последовало объединение Кавказской епархии, и духовенство казачьих станиц вернулись в подчинение епископа Кавказского и Черноморского, который с этого времени стал именоваться Кавказским и Екатеринодарским². К имеющейся церковной базе были присоединены 228 станичных приходов³, а приходы закубанских станиц остались в ведении главного священника Кавказской армии протоиерея Стефана Гумилевского. Прихожане включенных вновь в епархию православных церковных приходов, по сделанному наблюдению Кавказского епископа, часто не имели возможности получить помощи от своего приходского станичного духовенства в толковании религиозных основ веры. По его мнению, удаление приходов из епархиальной системы привело к углублению духовно-нравственного кризиса паствы и за-

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.7. Д.30. Л.1–5.

² ПСЗРИ (1825–1881). Т.42: Часть 1. №44883.

³ РГИА. Ф.796. Оп.442. Д.269. Л.1–2.

медлению процессов инкорпорации территорий в систему социо-культурных отношений империи.

В то же время многие выпускники Кавказской духовной семинарии, поступившие на службу в приходы Северного Кавказа, получили в наставники выдающихся духовных лиц своего времени, таких как первые епископы Кавказской кафедры Иеремия (Соловьев), Ионникий (Образцов), Игнатий Брянчанинов, которые своим личным примером способствовали возникновению поколения священнослужителей, сумевших преодолеть все сложности религиозной среды и несли проповедь в отдаленные приходы региона. Одним из таких выпускников был Михаил Маджарский, который после окончания Кавказской семинарии в 1854 году поступил в церковный причт священником в ст. Уманскую, Кубанской области. По состоянию здоровья он вынужден был оставить Церковную деятельность, но стремление посвятить себя религиозному служению привела его в Черноморский Екатерино-Лебяжский Николаевский монастырь, в котором он звания иеромонаха и стал духовником обители¹.

Являясь выходцем из числа образованного монашества, привлеченного на епархиальную службу, своим личным примером епископ Иеремия способствовал возникновению поколения священнослужителей, которые сумели преодолеть все сложности религиозной среды и несли проповедь в отдаленные приходы Северного Кавказа. Так, атаман станицы Старощербиновской Кубанской области, войсковой старшина Прага от имени станичного общества в 1870 г. просил Консисторию разрешить отпраздновать 50-летие службы дьякона Трофима Горошко и поднести ему подарок в благодарность за усердную службу². Жители станицы Отрадной, Кубанской области, в 1878 г. передали во владение приходского священника Максима Сапежко

¹ РГИА. Ф.796. Оп.439. Д.555. Л.4.

² СЕВ. 1885. №2. 16 января. С.36.

землю, находящуюся под его усадьбой, за его благое служение с самого открытия в селении прихода, и поднесли ему икону св. исповедника Максима¹. В селе Разсыпном Ставропольской губернии священнику Василию Дроздову в 1886 г. общество подарило в собственность общественный дом стоимостью 1000 руб. за истинное доброе пастырство, кротость, бескорыстие, ласковое обращение с прихожанами и проповедование слова Божия².

Уникальным случаем можно считать назначение в конце 1880-х годов пожизненного пособия протоиерею Гавриилу Орлову, который 48 лет и 5 месяцев ревностно и бескорыстно трудился в пользу Кавказской епархии. У священника не было семьи, он не нажил состояния на обеспечение старости, поскольку все имеющиеся у него средства тратил на помощь нуждающимся. По состоянию здоровья он был вынужден уйти за штат, и до назначения пенсии от Синода был обречен на нищенское существование. Понимая всю сложность ситуации, епископ обратился к съезду духовенства Кавказской епархии, который постановил «назначить ему пожизненную пенсию из собственных средств духовенства, в количестве одного рубля от каждого причта епархии в год», а после его смерти остаток суммы отдать на благотворительные нужды в память о его духовном подвиге³.

2.2. Особенности организации образовательного процесса в регионе

Процесс инкорпорации Северного Кавказа в систему социо-культурных отношений и модели государственного развития Российской империи, шел в контексте по-

¹ КЕВ. 1879. №8. 16 апреля. С.308.

² СЕВ. 1886. №11. 1 июня. С.147.

³ СЕВ. 1890. №14. 24 апреля. С.157.

иска цивилизаторской политики по отношению к региону, что являлось благоприятной почвой поиска моделей просветительской деятельности. С контексте данного подхода развитие народного образования на Северном Кавказе основывалось на идеи создания той, особой культуры, национальной по форме и православной по содержанию.

Демократическая мысль была высказана лучшими представителями российской интеллигенции, побывавшими на Кавказе. Их идеи повлияли на прогресс в развитии общественно-политической и педагогической мысли на Северном Кавказе. До присоединения Северного Кавказа к России, в крае имела своя система образования, в основном арабского происхождения. Включение региона в состав Российской империи побудило правительство проводить в крае свою образовательную политику, которая автоматически повлекла за собой распространение христианства, а в связи с этим и распространение миссионерских школ и духовных училищ на Кавказе. Обучение в школах проходило либо на русском, либо на арабском языке. В школах при мечети основой обучения являлся арабский язык и чтение Корана. Мусульманское образование распространяло идеи панисламизма и пантюркизма, направленные против прогрессивного влияния передовой русской культуры на горцев. Ни арабские, ни русские школы не давали хорошего образования населению, особенно горскому. В арабских школах дети наизусть заучивали тексты из Корана и по существу оставались неграмотными. В светских школах преподавание на родном языке запрещалось, и дети, с колоссальным трудом изучали русский язык.

Хуже обстояло дело с обучением детей в горных селениях: «...в горах в среднем на 300-400 человек приходится один с трудом умеющий читать и писать грамотный человек. Человек, который мог бы написать жалобу или прошение на имя начальства, был для горцев находкой в

полном смысле этого слова. Если же такого человека не было в приходе, то приходилось искать его в плоскостных селах за 30-50 км»¹.

Первая четверть XIX века на Северном Кавказе это время активного проявления школ светского характера. Через десятилетие на Юге страны открываются пансионаты и школы для детей заложников-атаманов. По окончании учебного заведения, они несли службу в русской армии, а те воспитанники, которые являлись выходцами из более знатного рода, имели возможность поступать в столичные образовательные учреждения через «Отдельный Кавказский корпус» на бесплатной основе. По возвращению в свою этническую среду они становились сеятелями «разумного, доброго, вечного»².

Процесс развития школьной системы на Кавказе проходил крайне медленно, из-за чего было сильное отставание от потребностей российской государственно-административной структуры региона. Причиной таких событий крылась в вопросе отдаленности Кавказской губернии от Казанского учебного округа, у которого она находилась в ведение. Отдаленность от центра, отсутствие необходимого финансирования, устойчивых путей связи, нужда в квалифицированных педагогических кадрах, а также слабая инициатива местной администрации все это препятствовало и тормозило развития образовательной политики на Северном Кавказе³.

По высочайшему повелению от 18 декабря 1848 года с «Положением об учреждении Кавказского учебного округа» учреждении школ на Северном Кавказе приобре-

¹ Тотоев М.С. Состояние народного образования в Северной Осетии в последней четверти XIX века. Орджоникидзе, 1956. С.138.

² Берже А. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина, 1882. №1. С.162–175.

³ Лазарян С.С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. Пятигорск, 2009. С. 51.

ло более организованную и структурированную форму. Так, Кавказский учебный округ был в полном подчинении у наместника Кавказа и Министерства Народного Просвещения, что способствовало объединению Закавказской и Северокавказской части Кавказа¹. После всестороннего анализа проекта император Николай I в 1848 году повелел: «Положение о Кавказском учебном округе и штате его привести в действие сначала в виде опыта на три года, с тем, чтобы по истечении трех лет со времени введения в полное действие, как положения, так и штата наместник кавказский вошел с особым представлением о тех переменах и дополнениях, кои, по указанию опыта, окажутся действительно полезными и необходимыми»².

Преобразования в региональной системе способствовали становлению новых тенденций в образовательной политике правительства: региональное развитие образования и унификация учебных систем Кавказа и России. Первая тенденция связана с деятельностью князя М.С. Воронцова, который был назначен на должность наместника Кавказа. Он понимал, что проведение последовательной школьной политики на Кавказе необходимо для интеграции северокавказских народов в российское пространство, а также для подготовки профессиональных кадров, в которых нуждалась Российская империя и регион.

Создание Кавказского учебного округа способствовало объединению разрозненных образовательных учреждений в единую систему управления. Ко всему прочему, Кавказский учебный округ обладал особенностью по отношению к другим учебным округам страны: он не был передан в ведение Министерства народного просвещения,

¹ РГИА. Ф.733 (Департамент народного просвещения (1829-1861 гг.) Оп.82. Д.329. Л.1–2.

² Бозиев Р.С. М.С. Воронцов и образование на Северном Кавказе (30-50-е гг. XIX в.) http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1191500471&archive=&start_from=&ucat=&

а остался в управлении наместника, что давало значительную свободу в поисках оптимальных моделей развития и апробации различных подходов в образовательной политике. Наместник, в проводимых преобразованиях, опирался на этнокультурные особенности местного населения, что также получило поддержку со стороны императора¹. Создавались государственные мусульманские школы для обучения детей русскому языку. Первая школа данного типа была открыта в Дербенте в 1849 году. Для повышения качества школьного образования в качестве учителей в регион активно привлекали выпускников Казанского университета.

Организация кавказской школы, по его мнению, являлась важнейшим рычагом регионального управления, а также необходимым средством по урегулированию политических задач. Одним из основных условий освоения программы было обучение русского населения хотя бы одному языку местного населения, а в учебные заведения ученики отбирались не по сословности, а по способностям². Однако в определенных кругах правительства деятельность наместника жестко критиковалось, так как считали, что проводимые преобразования способствовали децентрализации проводимой государственной образовательной политики.

Одним из таких примеров, относящихся к формированию народного образования являлось открытие в Ставрополе Кавказской областной мужской гимназии в 1837 году. Это было первое учебное заведение в крае, которое носило светский характер. Открытие Ставропольской гимназии проходило в торжественной обстановке и стало определенной вехой в истории развития Ставрополя и всего северокавказского региона, так как с этих пор для

¹ Бацын В.К. Национальные проблемы становления школьного образования на Кавказе // Народное образование. 2004. №6. С.13–17.

² Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX века. М., 1976. С.345.

местных подростков была открыта дорога в высшие учебные заведения¹. Программа обучения в Ставропольской гимназии разительно отличалась от образовательного плана гимназий в стране, что было связано с подготовкой местного аппарата чиновников. Национальное многообразие учеников повлияло на учебный план заведения, так в программу вводилось изучение армянского, татарского, а позже и черкесского языка. В Ставропольской гимназии преподавались такие предметы, как Закон Божий, изучался русский язык и словесность, латинский язык, математика, география, история и статистика. Некоторые предметы, такие как физика, французский и немецкий языки, рисование и черчение не изучались, по причине нехватки педагогических кадров.

Обращая внимание на Устав 1828 года, можно отметить, что образовательный курс Ставропольской гимназии сильно расходился с Уставом. Изменений в образовательном процессе не проводилось вплоть до 50-х гг. Руководство гимназией поручалось людям, которые были далеки от сферы образования, а потому и не могли изменить и направить работу учреждения в нужное русло. Не претерпела изменений и материально-ученическая база, существовавшие помещения приходились в непригодное для занятий состояние, учебных пособий было катастрофически мало, библиотечные ресурсы устарели и не пополнялись. Проводился тщательный дисциплинарный контроль, который порой перерастал в жестокое обращение с воспитанниками. Стали поступать жалобы от родителей, которые стали поводом для проведения инспекционной проверки. Комиссия, назначенная попечителем учебного округа, вынуждена была констатировать, что в гимназии «успехи учеников во многих науках весьма неудовлетворительны, а по некоторым предметам слабы» до такой

¹ Кавказский календарь на 1850 год. Тифлис, 1849. С.78.

степени, что ряд учеников старшего класса «не выдержал окончательного экзамена»¹.

1844 год для Ставропольской мужской гимназии становится переломным, в это время на должность директора назначается Н.С. Рындовский. В первую очередь он проводит качественное изменение всего содержания учебного процесса, а затем занялся разрешением проблемы комплектования педагогических штатов. Его дело продолжил Я. Березницким, человеком, возглавлявшим Кавказскую областную и Ставропольскую губернскую гимназию до конца первой половины XIX века и преступившим к реализации программы преобразований. Ставропольским гимназистам в соответствии со специальным решением правительства преподавался расширенный курс предметов по сравнению с гимназиями центральных областей России, продолжавших в своей деятельности ориентироваться на Устав 1828 года. В результате проведенных преобразований Ставропольская гимназия стала одним из лучших учреждений своего класса.

В стенах Ставропольской гимназии учащиеся знакомились с основами специальных практических дисциплин, необходимых для приобретения специальности. После окончания учебы у них появлялась возможность работать в соответствии с выбранным направлением. Примером служат выходцы из дворянских семей, изучавшие по выбору аграрное дело или гражданскую архитектуру. Популярны были среди гимназистов такие специальности, как торговое дело, для получения которой нужно было освоить такие дисциплины как, бухгалтерский учет, товароведение, коммерческую арифметику, регионоведение и торговое законодательство. Практический курс, исходя из Устава 1848 года, вводился взамен предметов не имевшего первостепенного значения. Примером служит латин-

¹ Краснов М.В. Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ставрополь-Кавказский, 1887. С.35–36.

ский язык. Он остался для тех гимназистов, которые в дальнейшем планировали продолжить обучение в университете. Так осуществлялась усиленная подготовка молодых людей к занятиям в высших учебных заведениях.

После очередных преобразований в гимназии с подачи её нового директора Я.М. Неверова постепенно складывалась позитивная практика дифференцированного подхода к обучению в зависимости от индивидуальных интересов и способностей конкретных учащихся. Для реализации намеченных планов осуществлялась структурная реорганизация, отличавшейся от общероссийской практики. Гимназии в Российской империи имели срок обучения семь лет, в то время как обучение в Ставропольской гимназии проходило сроком в девять лет. Это можно объяснить тем, что к обязательным семи классам прибавлялись подготовительное отделение и еще один лишний год для усиленного изучения специальных дисциплин¹.

Правительство империи, видя неопенимый вклад в деятельность Ставропольской гимназии, поднимает вопрос о повышении статуса ее выпускников. Статус повышается в том случае, если они оставались после учебы служить на Кавказе, им присваивались различные льготы и должность коллежского асессора, предполагавшая наличие высшего образования. А сам чин, в свою очередь, до 1856 года давал право на потомственное дворянство. Предоставление таких льгот во многом определило социальный состав учащихся Ставропольской гимназии.

С середины 40-х гг. XIX века политика государства на Северном Кавказе стала трансформироваться с колониаторской на цивилизаторскую. Это проявлялось в создании условий, способствующих становлению и утверждению школы светского характера, основой которой являлся

¹ Мишин А.И. Неверов и его роль в общественной жизни Ставрополя // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1970. С.316.

русский язык и русская гражданственность. В это время на Северном Кавказе открываются уездные училища в Георгиевске, Моздоке, Кизляре, Екатеринодаре, а также Екатеринодарская и Ставропольская гимназии. Утверждались и общественно-приходские училища по настоянию православного духовенства и Сельских обществ. Популярными были и «вольные школы» с домашними учителями светского направления.

В середине века, намеченные М.С. Воронцовым принципы, теряют актуальность, прежде всего это коснулось социального состава воспитанников. Новый наместник Кавказа, А.И. Барятинский, поднимает вопрос об учреждении новых типов учебных заведений, такие как полковые школы. Они открывались при войсковых подразделениях и занимались обучением детей военнослужащих, подготавливая будущих защитников Отечества. Еще одним учебным заведением, которое было выше на образовательную ступень, являлись горские школы, устав данного учебного заведения был введен в 1859 году. Основная задача горских школ – подготовка детей аристократов и офицеров к обучению в высшем учебном заведении. Открытие новых учебных заведений это возможность рассредоточивать образовательные учреждения по краю, приближая их к месту проживания воспитанника и его семьи. К сожалению, у практики полковых школ не наблюдалось перспективы, так как из-за событий на фронте армия нуждалась в новых кадрах и необходимых ресурсах. Воспитанники вынуждены были покидать учебные заведения, не закончив обучение.

Рассматривая создание сети горских школ в политическом и социальном аспекте, можно сделать вывод, что государство нуждалось в таких учебных заведениях в данном регионе. Правительство официально продекларировало о создании просвещения и образования для коренных народов Кавказа, что способствовало удовлетворению

возросших потребностей горского населения в получении образования. Но, доступ в образовательное учреждение низшим сословиям общества был закрыт, что грубо нарушало изначально установленный сословный принцип о демократизации приема детей в учебные заведения. Введение нового Положения о Кавказском учебном округе открыло доступ к образованию не только детям представителей высшего сословия, но и всех «лиц свободного состояния». В уездные училища могли поступать представители всех свободных сословий, обучение в них было бесплатным, что имело особенное значение для малоимущих слоев населения.

Основная цель горских школ – распространение грамотности и образования между покорившимися мирными горцами, а также воспитание и обучение детей из семей российских чиновников и офицеров. Содержанием школ занимались военное ведомство, надзор осуществлялся командующим войском или генерал-губернатором. Обучение велось на русском языке, преподавание родного языка не предусматривалось¹. Горские школы подразделялись на начальные и окружные, приравнивая их к начальным и уездным училищам.

Первая горская школа открыла свои двери в 1848 году в крепости Владикавказ при Навагинском полку. В школе обучалось 60 человек. Реализация учебно-воспитательной цели учебной программы реализовывалась крайне плохо, из-за чего было в январе 1861 года, было принято решение о преобразовании учебного заведения во Владикавказскую горскую школу. Позже, в 1868 года она видоизменилась в реальную прогимназию, а потом – в реальное училище, просуществовавшее вплоть до 1917 года. Вторая половина XIX века ознаменовалась от-

¹ Ефремов П. Российская политика в национальных регионах // Северный Кавказ. 2006. №7. С.55–58.

крытием горских школ в Нальчике, Грозном, Майкопе и Назрановской области¹.

Горская школа носила сословный характер, обучение было едва ли не недоступно для бедноты. Контроль и руководство горской школы было в руках военной администрации Кавказа, со временем управление школой перешло в руки Дирекции народных училищ Кавказского учебного округа, при этом за начальниками губернских округов сохранялось право надзора и распределение стипендии для учащихся.

Воспитанники, окончившие курс начальных школ, получают право поступления на следующую ступень образования – обучение во втором классе уездных училищ и гимназий. Выпускники окружных школ могли поступить в четвертый класс гимназии и готовиться к служебной деятельности или поступлению в университеты. В учебных планах горских школ особое внимание уделялось изучению Закона Божия (в местах с мусульманским населением изучался мусульманский закон), русский язык, всеобщей и русской географии. Обязательным являлось ознакомление воспитанников с административным уставом Российской империи².

С первых дней обучение проходило на русском языке, пользоваться языком своей национальности было под запретом. Русский язык горскими детьми понимался плохо либо совсем не понимался. Причины, по которым русский язык не усваивался воспитанниками, состоял в отсутствии рациональной методики обучения, способствующей постепенному переходу детей от родного языка к русскому, в период начального обучения.

¹ Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1907 год. Тифлис, 1908. С.266–268.

² Блейх Н.О. генезис зарождения просветительства на Северном Кавказе (XVIII в.) в контексте его социополитического и культурного устройства. М., 2013. С.122–124.

Покушение Каракозова в 1866 году привело к ужесточению внутренней политики государства, что привело к смене государственного курса и в области образования. Став Министром Народного Просвещения после неудачного покушения Карагозова в 1866 году Д.А. Толстой, известный своими консервативными взглядами, особое внимание обратил на раннее поставленную образовательную цель: «... сближение инородческих племен с господствующим русским населением, постепенное слияние русской цивилизации»¹, признав метод её достижения неэффективным. Вскоре последовало новое положение об образовательном округе на Кавказе, по которому, все школы: мужские и женские, частные и народные, переходили в его ведомство, за исключением церковных². Эта реформа закрепила во всех школах империи преподавание на русском языке.

Для обучения «инородцев» была разработана новая система просвещения, которую подготовил знаменитый педагог-миссионер, член Российской академии наук Н.И. Ильминский. Его педагогическая система предполагала просвещение обучающихся с помощью миссионерских школ, обучение в которых должно было происходить на родном языке с одновременным изучением русского и последующим переводом обучения на русский язык. Эту систему оспаривал Я.М. Неверов, выдающийся педагог, бывший попечитель Кавказского учебного округа, а также экс-директор уездных училищ и гимназий в Ставропольской губернии. Он считал, что данная система для Кавказа была неприемлема в связи специфических особенностях

¹ Там же. С.61.

² Оспищева М.В. Становление Кавказского учебного округа как административной основы системы светского образования в регионе // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа: Материалы 17-й всероссийской межвузовской конференции. Армавир, 2010. С.154.

региона: во-первых, разноконфессиональный состав обучающихся не способствовал совмещению учебной и миссионерской школ; во-вторых, многонациональный состав учеников не позволял вводить первоначальное обучение на родном языке¹.

В последующий период при Д.А. Толстом постепенно ликвидировалось льготное обучение для местных детей (приступить к обучению на родном языке, преподавание родного языка как самостоятельного предмета, освобождение от изучения трудного языка – латинского). Появилась четкая установка – обучение равного количества русских и горских детей. Вторая установка заключалась в подготовке детей к производству в различных отраслях хозяйства и носила название – утилитарно-хозяйственной установки. Исходя из этого, для горских народов преимущественно действовала утилитарно-хозяйственная установка, тогда как классическое и полуклассическое образование, способствовавшее в дальнейшем обучаться в университетах, рекомендовалось православному населению².

Образовательная политика правительства обратилась к начальному обучению, поскольку она способствовала «обрусению инородцев». Министерство Народного Просвещения, под руководством Д.А. Толстого возвращалось к принципам сословной школы. Благодаря данному принципу существенно сокращались возможности политики ассимиляции. Изучение местного языка, по мнению правительства, несло в себе ненадобность в образовательном процессе. В отдельных школах его вводили только с

¹ Коршунов М.С. Избранные работы по истории просвещения на Северном Кавказе / Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. С.46-47.

² Урусбиева Ф.А. просвещение и культура в Балкарии в XIX веке – начале XX в. // Очерки истории балканской литературы. Нальчик, 1981. С.31-40.

разрешения наместника, который и определял объем для изучения языка. В 1881 году Кавказский учебный округ перешел в подчинение Министерства Народного Просвещения, что являлось окончательной формой унифицированной российской школы.

Помимо подготовки аппарата чиновников для нужд региона, на Северном Кавказе были учебные заведения в которых осуществлялась подготовка педагогических кадров. Так, например, на Кубани в станице Ладожской в 1871 г. была открыта первая учительская семинария. Её основной целью было «доставить педагогическое образование молодым людям всех сословий православного вероисповедания, желающим посвятить себя учительской деятельности в начальных классах». Гимназический курс был многопредметным: математика, словесность (этимология и синтаксис), история (история азиатских народов до времён Кира). Сложными были курс географии (математическая география, введение во всеобщую политическую географию и общий обзор Европы), латинский и немецкий языки. Кроме того, в семинарии преподавали общеобразовательные предметы, дидактику и методику, значительное внимание уделяли педагогической практике¹. В ней обучалось 40 стипендиатов Кубанского казачьего войска, а также семинаристы из губерний и областей юга России². Спустя два года были выпущены первые народные учителя.

Поступающие в учительскую семинарию или на педагогические курсы должны были «иметь не менее 16 лет отроду и не старше 18», предъявить свидетельство или выписку о рождении и крещении, первоначальное воспита-

¹ Смирнов В. И. Педагогическое образование в России конца XVIII – начала XX вв. // Педагогика. №5. 2002. С.72.

² Трехбратова С. А. Социально-экономический портрет народного образования Кубани во второй половине XIX в. // Краснодару – 200 лет. Краснодар, 1993. С. 145-146.

ние, приписку к призывному участку. Для сдачи экзамена по Закону Божьему нужно было знать важнейшие молитвы, основные факты из Ветхого и Нового завета, историю двенадцатых праздников, читать церковнославянские книги и переводить их на русский язык. Кубанская учительская семинария готовила учителей преимущественно для школ Кубанского казачьего войско и являлась открытым заведением¹. В ней имелась образцовая школа, при женских педагогических курсах – женское двуклассное училище, куда принимали детей от 7 до 15 лет, грамотных и безграмотных. Для детей не казачьего происхождения устанавливался плата в размере 10 руб. в год.

В целях улучшения качества преподавания в семинарию по рекомендации К. Д. Ушинского на должность директора пригласили Д. Д. Семенова². Он привлёк опытных педагогов, сам преподавал педагогику и её историю, занятия проводил по передовой методике. Наставники пробуждали у учащихся жажду знания, развивали ум, вносили свет знания во все сферы жизни. Стремилась «находить средства к образованию такого характера, который противостоял бы напору всех случайностей жизни, спасал бы человека от их вредного, растлевающего влияния и давал бы возможность извлекать отовсюду только добрые результаты»³. При семинарии работали женские педагогические курсы, вечерней школы для взрослых, простого начальная школа. Значительное внимание уделялось физическому, эстетическому и трудовому воспитанию. По оценке лучших педагогов того времени, семинария готовила хорошие кадры. В практической и теоретической деятельности Д. Д. Семенов уделял внимание женскому об-

¹ Блюдов Н. Начальное народное образование в Кубанской области // Кубанский сборник. Т.1. Екатеринодар, 1883. С.755.

² Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX века. М., 1976. С.333.

³ Ушинский К.Д. Педагогические сочинения. Т. 2. М.-Л., 1948. С.447.

разованию, отстаивал право женщин на равноправие в обществе.

В его мировоззрении и политических взглядах уживались «высокая оценка науки и религиозность, борьба за образование и просвещение народных масс и компромиссное признание самодержавия»¹, он выступал в защиту многостороннего образования, рассматривал его как область, равнодоступную для всех слоев общества, независимо от пола, сословий, класса и национальной принадлежности. Основным звеном в системе общего образования выдающийся педагог считал начальную школу². Работая в Кубанской учительской семинарии, он правёл пять учительских съездов, редактировал журнал «Детское чтение», публиковался в журналах «Женское образование», «Русская школа», «Воспитание и обучение».

Студентам семинарии внушали, что «круг истинного развития, истинного познания никогда не заканчивается. По окончании учебного заведения они вступят в новое более серьезное, строго и часто суровое училище – училище жизни и опыта, уроки коего будут состоять не из слов, наставлений и отеческих предупреждений, а из событий и действий, часто ничем неотразимых, трудно побеждаемых». Рекомендовали приобретать мудрость и разум, которые будут жизнью и украшением души, призвали «не падать духом, не опускать рук, довольствоваться малым, и поприще их будет почётным и уважаемым».

В 1843 г. в России появились женские епархиальные училища, в них готовили учительниц для начальных сельских школ. Спустя три года было принято «Положение об испытаниях кандидатов на учительские места», согласно которому претенденты должны были подтвердить знание правил преподавания, учебных планов и учебников. По-

¹ Зикеев Н.Д. Д. Семенов как педагог // Д.Д. Семенов. Избранные педагогические сочинения. М., 1953. С.28.

² Там же. С.6,7.

рой экзаменаторы и сами были «не знакомы практически с тою методою, в которой они должны были испытывать учительских кандидатов»¹.

В этот период в регионе широко обсуждается вопрос о распространении женского образования. Известный историк П. П. Короленко писал: «Мужские школы развиваются, из них будут выходить молодые люди с образованием. Уровень женских понятий ещё более опустится ниже. Мы незаметно можем приблизиться к тому, когда жена недалеко стояла выше азиатских убеждений. Отраднo было бы видеть, когда неусыпные заботы начальства, сливаясь с желанием народа, пойдут рука об руку к прогрессу светлoю дорогою, наши школы процветут, образование разовьется, школьный вопрос будет двигаться вперед и вперед»².

В программных документах учрежденного Марие-Магдалиновского женского монастыря в 1849 году предполагалось открытие при пустыни штатного училища или пансиона. В ходе работы над его открытием, возникло ряд препятствий, что подтолкнуло Войсковое руководство региона и высшие органы власти отказаться от данной идеи. Вместо этого было предоставлено право всем желающим учиться и учить, добровольным соглашением между желающими учиться и инокинями обители³. Данное решение было принято не сразу, ему предшествовал целый ряд событий, которые отразились не только на назначении монастыря, но и повлияли на ситуацию с женским образованием в самом Черноморском войске.

¹ Смирнов В.И. Педагогическое образование в России конца XVIII – начала XX в. // Педагогика. №5. 2002. С.71.

² КЕВ. 1875. № 18.

³ Св. Филипп Николайченко Очерк Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни // Кавказские епархиальные ведомости. 1874. №21. 1 ноября. С.683–690.

Ограниченный в средствах и имеющий массу неразрешенных бытовых проблем монастырь долгое время не мог начать образование желающих девушек. Не решало проблемы назначения содержания от Кавказского попечительства о бедных духовного звания в отдельных случаях, поскольку не было создано условия для целенаправленной образовательной деятельности, а получаемые знания носили утилитарный характер. Как, например, в деле с дочерью умершего дьякона Екатеринодарского Воскресенского собора Еленой Махровской. После смерти отца и матери она была включена в число пенсионеров Кавказского попечительства и взята на воспитание родной теткой есаульшей Долинской. По мнению благочинного, та не могла дать сироте достойного воспитания, и было предложено поместить ребенка в Иоанно-Мариинскую общину. Долинская не согласилась с подобным решением, и потребовала определить племянницу в Черноморскую Марие-Магдалиновскую пустынь. Получив предписание принять сироту под покровительство монастыря, игуменья Митрофания ответила отказом, указав, что «<...> монастырь этот не имеет никакого заведения для образования малолетних девиц, и сирота на выдаваемое ей содержание 12 руб. в год, не может быть содержаема в монастыре»¹.

О популярности в народе устраиваемой обители можно судить по тому, что игуменья Митрофания особым рапортом весной 1851 года просила разрешения у епископа Иоанникия устроить отдельную гостиницу для «благочестивых посетительниц», которых с каждым годом становилось все больше, поскольку женский монастырь был единственным в Черномории². В своей переписке с епископом Ионникием о строительстве и открытии пансиона для воспитания дочерей офицеров Черноморского войска, о чем изначально говорилось в утвержденном проекте де-

¹ ГАСК. Ф.361. Оп.1. Д.135. Л.1–8.

² ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.212. Л.12.

ятельности пустыни, настоятельница писала об уклонении Черноморского войска от участия в данном проекте. Осознав, что в сложившейся ситуации, когда монастырь развивался за счет пожертвований и не имел возможности в ближайшем будущем приступить к реализации поставленной задачи, командующий войсками в 1856 году обратился к Ионникию с вопросом о строительстве данного пансиона: «<...> будет ли это строиться за счет Кавказской епархии без всякого участия военного начальства или потребуется участие и в какой степени, и когда епархия собирается приступить к возведению зданий». На этот запрос игуменя указала, что «к разработкам проектов зданий никто ещё не приступали» и поэтому на вопрос затрат обустройства пансиона она ответить не могла. В этом же рапорте особо отметила отсутствие правил и учебной программы для учреждаемого пансиона, поэтому просила войсковое руководство прислать свои предложения. Сама она предполагала начать строительство на процентную сумму, выделенную Войском при устройстве обители, из которой за все годы тяжелого существования обители не было потрачено ни копейки. Как выяснилось позже, и данных средств оказалось недостаточно. В варианте, в котором монастырь развивался, вопрос начала строительства откладывался на неопределенный срок, поэтому без участия в развитии обители Черноморского войска было не обойтись¹.

Командующий войсками правого крыла, генерал-лейтенант Козлов распорядился наказному атаману Черноморского казачьего войска определить ответственных лиц для составления чертежей, планов и смет предполагаемого строительства храма и зданий обители. Требовал назначить чиновника для наблюдения за ходом строительства при возведении зданий, после того когда будет полу-

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.212. Л.105–106.

чено одобрение высшей власти. Генерал-майор Г.И. Филиппсон взялся подготовить подробный проект об учреждении при монастыре женского пансиона.

Учредители пустыни изначально правильно расставили акценты в работе, когда между причинами к её учреждению отметили, что обитель будет местом *воспитания* для Черноморок. Согласно данным Войскового правления на 1862 год в обители на воспитании находилось 40 девиц, а общая численность всех насельниц достигла 200 монахинь, послушниц и проживающих при монастыре¹. В отчете Синоду о состоянии епархии епископ отмечал, что в Кавказской епархии было положено учредить женское училище при Черноморской женской пустыне, но «<...> училище это по новости самой обители не получило еще правильной организации. Составление проекта для сего училища предоставлено предварительно Черноморскому войсковому начальству как ближайшим образом знакомому с духом и потребностям местных жителей. Впрочем, попечением настоятельницы пустыни уже заведено училище по размеру и благоустройству соответствующего с обителью»².

Успехи монастыря в этом направлении радовали не всех, и в первую очередь, как это не странно самого учредителя обители – руководство Черноморского казачьего войска. В 1861 году от командующего войсками генерал-лейтенанта графа Н.И. Евдокимова был направлен рапорт генерал-адъютанту и кавалеру Г.Д. Орбелиани. В нем он отмечал полезность Марие-Магдалиновского женского монастыря в Черномории в воспитании девушек: «Дает скромное образование девицам для простого домашнего быта, и монастырь пользуется в народе большой популярностью». В связи с этим им поднимался вопрос, что если большое число девушек, проживающие и воспитывающи-

¹ Там же. Л.106–106об.

² ГАСК. Ф.135. Оп.16. Д.80. Л.24–25.

еся в обители, с ранних лет будут навсегда отказываться от светской жизни. Тогда вместо блага для казачьего народонаселения: «<...> данная обитель будет лишать его лучших женщин, которые без пользы для общества проведут в ней всю свою жизнь, вначале воспитанницами, а потом и монахинями».

В положении Военного совета о Марие-Магдалиновском женском монастыре от 11 декабря 1848 года было прописано, что жители войскового сословия могут отдавать девочек для воспитания в обитель по взаимному соглашению родителей с инокинями. Только после того когда обитель получит прочное основание разрешалось командованию Черноморского войска просить об открытии при монастыре женского пансиона. В данном случае, по мнению Войскового руководства, деятельность монастыря без разработанной программы имела преждевременный характер, но поскольку она уже велась, то необходимо предпринять меры по ограничению доступа девушек в стены обители. Командующий войсками предлагал ввести правило, по которому все девушки, пребывающие в монастыре, по достижению ими 18 летнего возраста исключались бы из обители, и по истечении 3-х лет снова допускались в её стены, хоть на постоянное пребывание до принятия пострига¹.

Понимание сложившейся ситуации в данном контексте нашло поддержку и у главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом, который 24 сентября 1863 года обратился в Военный совет с предложением, чтобы девушек с 16-ти летнего возраста исключать из монастыря и по достижении ими 21 года разрешать снова им поступать в обитель. Изменение нижней границы времени отчисления из монастыря обосновывалось тем, что к 18 годам у девушек уже будет сформировано мировоззрение, и они не смогут

¹ ГАКК. Ф.318. Оп.1. Д.313. Л.102–105.

себя найти в светской жизни или выйти замуж. Данное предложение получило поддержку Военного совета и было передано на заключение обер-прокурора Синода, который отметил, что: «дети по доброй воле родителей передаются на воспитание в монастырское училище, и только от самих родителей зависит когда забирать своих детей из училища, и не надо насилловать их намеренным введением какого-либо регламента и сроков обучения»¹.

Военный совет оказался в сложной ситуации, поскольку не мог не прислушиваться к мнению обер-прокурора, но в принятом решении было отмечено, что: «дети женского пола по постоянству пребывания в монастыре могут не знать светской жизни <...> поэтому предложение об исключении девушек по достижении 16 летнего возраста оставить на рассмотрение Кавказского комитета». Поскольку Марие-Магдалиновский женский монастырь преуспевал в деле религиозного просвещения и воспитания, и в случае открытия пансиона продолжал бы сохранять данное направление работы, чем уводил девушек от светской жизни, было решено не открывать при монастыре пансион для обучения детей. Для обучения девушек войскового казачества было принято решение учредить в Кубанском казачьем войске станичные женские школы, по примеру Донского войска. До учреждения в войске станичных женских школ Кавказский комитет разрешил отдавать в монастырь на воспитание девушек, но при условии, что по достижению ими 16 лет родителям и родственникам нужно было их забирать домой. С целью предотвратить возникающие споры в будущем, законные представители при направлении в монастырь детей должны были в Войсковом правлении оставлять расписку о том, что они своих детей обязательно возьмут из монастыря по достижению ими установленного возраста. Вво-

¹ Там же. Л.122–124об.

димая мера не относилась к тем, кто уже находился на воспитании в монастыре.

Вводимые ограничения никак не послужили препятствием в работе обители. Своими успехами в области религиозного просвещения и воспитания девушек в православной традиции Черноморский Марие-Магдалиновский женский монастырь получил признание не только на территории Черномории и Северного Кавказа, но и за его пределами. Об этом можно судить по одобренным 2 марта 1873 года Кавказским епископом прошениям на пострижение в рясофор послушниц обители: дочь Ейского 2-й гильдии купца Ирина Машищева; Кубанского казачьего войска, дочь казака ст. Полтавской, девица Павлина Черная; Донского войска ст. Елисаветовской, казачья дочь, девица Мария Попова; Полтавской губернии, Лохвицкого округа, Чернухской волости, с. Козлова, казачья дочь, девица Степанида Андриющенко; Екатеринославской губернии, города Азова, мещанская дочь, девица Анна Капустина; Воронежской губернии, Бобровского уезда, Батурлиновской волости, с. Батурдинова, государственная крестьянка, девица Дарья Браморева; Ставропольской губернии и уезда, Песчанокопской волости, государственная крестьянка с. Богородицкого, девица Елена Хижнякова¹.

Что касается дальнейшего развития женского образования, то здесь возник ряд серьезных проблем. Назревшая потребность образования в обществе была очевидной, и поскольку данный процесс шел медленнее чем развитие предложения, то население обращалось к частным школам, о существовании многих из них руководство региона и не подозревало, а качество преподавательского состава и преподавания, во многих из них, было сомнительным².

¹ Отдел официальный. Распоряжения Епархиального начальства // Кавказские епархиальные ведомости. 1873. №6. 16 марта. С.175–176.

² Фелицын Е.Д. Кубанское казачье войско. 1698–1888. Воронеж, 1888. С.189.

Изменившиеся исторические условия после реформ 1861 года ставили новую планку для населения империи. Русская Православная Церковь, следуя за потребностями паствы, повсеместно стремилась учреждать церковно-приходские школы, которых в этот период насчитывалось более 20 тысяч в России. Но и в них развитие женского образования часто не получало поддержки.

В 1853 году на территории Черномории было открыто первое войсковое женское училище, которое принимало на обучение исключительно дочерей казачества и дворян, поэтому потребности женской части населения в образовании оно удовлетворить не могло. Получение образования девушками в учреждаемых станичных женских школах, которые стали возникать на фоне достигаемых успехов в образовании Марие-Магдалиновским женским монастырем, часто не находило понимание общества.

Несмотря на сложившиеся условия, Войсковое правление вынужденно было по предписанию Военного совета заниматься расширением сети образовательных учреждений. 25 октября 1863 года в присутствии великого князя Михаила Николаевича и его супруги великой княгини Ольги Федоровны состоялось открытие Кубанского Мариинского женского училища. Оно было создано на войсковые средства для дочерей чинов Кубанского казачьего войска, в котором преподавался курс средней школы, но принимали в него и девочек из семей горожан¹. Только в конце XIX века в Екатеринодаре будет открыта семилетняя женская гимназия и купеческое женское училище.

В контексте деятельности ведомства императрицы Марии Федоровны совместно с Министерством народного просвещения, за счет средств и на содержании Кавказской епархии, 18 сентября 1896 года было открыто в Екатери-

¹ Дело мира: очерки истории культуры и православия на Кубани / Науч. ред. О.В. Матвеев. Краснодар, 2009. С.247.

нодаре 2-е женское Епархиальное училище для дочерей духовенства. Поскольку распространение женского образования было шире в Ставропольской губернии, 1-е женское Епархиальное училище было основано в Ставрополе намного раньше, ещё в 1875 году¹. В их открытии также не обошлось без трудностей, которые возникли со стороны станичного духовенства Кавказской епархии.

Анализируя обсуждение вопросов развития женского образования в епархии, обсуждаемых на Епархиальном съезде духовенства в 1873 году, следует отметить несколько важных моментов в решении этого вопроса. На этом съезде выступал протоиерей Эрастов по проблеме образования дочерей местного духовенства, который был законоучителем женского Мариинского училища. В своем выступлении он отмечал, что в данном училище обучается до 20 девиц духовного звания на содержании своих родителей, но это не решало проблемы получения образования дочерей духовенства. Забота о сиротах женского пола Кавказского духовенства подталкивала к принятию решения открытия собственного женского училища. К тому же местное духовенство сознавало тяжелое положение сиротствующих девиц духовного звания, как не имеющих возможности получить образование и считало необходимым помочь их образованию и изыскать на это средства².

До этого съезда образование девушек духовного сословия оставалось на произвол судьбы. Конечно, священнослужители с состоянием не оставляли своих дочерей без надлежащего воспитания, но не имеющие средств к его оплате и сироты были обречены оставаться необразован-

¹ Архипастырское приветствие Кубанскому казачьему войску в день его двухсотлетнего юбилея // Ставропольские епархиальные ведомости. 1896. №19. 1 октября. С.1176–1179.

² Отдел официальный. Распоряжения относительно духовных училищ епархии // Кавказские епархиальные ведомости. 1873. №12–13. 25 июня. С. 377.

ной частью общества. В связи с этим вопрос об учреждении епархиального женского училища обсуждался довольно давно, и сначала решался в благоприятном для образования дочерей духовенства смысле. Но когда дело уже было близко к открытию училища неожиданно для многих, в том числе и духовенства, принял противоположное направление. Оппозиция, в отношении его открытия, сложилась в большинстве из депутатов Екатеринодарского округа (бывшей Черномории).

Духовенство данного округа, в решении обучения своих детей рассчитывало на Кубанское Мариинское женское училище, но для их обучения в нем возникало много препятствий. На данном съезде выступающий протоиерей приводил данные, согласно которым: «По штату данного учебного заведения положено иметь на полном войсковом содержании 65 воспитанниц, на полувойсковом 40, и своекоштных 40. Налицо же теперь состоит 64 войсковых, 33 полувойсковых и своекоштных только 48. Большого числа училище не может принять по недостатку помещения, отказывая даже в приеме полувойсковым <...> В настоящее время уже несколько прошений поступило в совет училища от лиц разного сословия, в том числе и от духовных о принятии дочерей их в пансион другого училища Посполитаки в будущем учебном году. Один из диаконов прислал даже и деньги на содержание. Вакансий же для принятия предвидится не более 3-х или 4-х. Значит, просьбы многих останутся без удовлетворения»¹. Подводя итог, он с грустью отмечал непонимание части духовенства, представителей Кубанского округа, в решении вопроса открытия собственного духовного училища, которое, несмотря на расхождение во мнениях о необходимости его открытия, открыло свои двери для обучения в 1875 году.

¹ Отдел официальный. К вопросу о Епархиальном женском училище // Кавказские епархиальные ведомости. 1874. №8. 16 апреля. С. 270–272.

Подводя итог вопроса вклада в развитие образования на Кубани Марие-Магдалиновского женского монастыря нужно отметить, что еще при открытии обители преосвященный Иеремия писал о возможностях учреждения при нем училища, которое могло стать местом в котором дочери духовенства смогли бы получать достойное образование¹. Таким образом, не приняв во внимание предложение первого епископа Кавказской кафедры, не получив поддержки со стороны Войскового правления в деле образования, монастырь вынужден был сосредоточить все свои усилия на воспитании девушек в лучших религиозных традициях православной культуры.

Одним из проявлений этого явления является милосердие и самопожертвование высоким нравственным идеалам. Сестры монастыря не только занимались рукоделием и воспитанием детей, помимо обязательной молитвы и работ по монастырю, но и приняли активное участие в судьбе нашей страны.

Широкое распространение и развитие общины получили в пореформенный период, особенно общины сестер милосердия. Впервые сестры милосердия стали оказывать помощь при проведении боевых действий в Крымской войне (1853-1856) под руководством И.Н. Пирогова. Эти девушки выносили раненых солдат с поля боя, до изнеможения ассистировали на операциях, выхаживали самых безнадежных больных. Заложенные традиции были перенесены в последующие войны, в которых приняли участие и сестры Марие-Магдалиновского женского монастыря.

Перед началом русско-турецкой войны 1877-1878 гг. по монастырям, на случай военных действий, велась работа по подбору добровольцев для службы при военных лазаретах и госпиталях. Настоятельница черноморской

¹ ГАКК. Ф. 318. Оп. Д.313. Л.16–16об.

Марие-Магдаликонской женской пустыни, игуменья Олимпиада, на данное обращение 27 января сего 1877 года писала в Кавказскую духовную консисторию, что из числа монашествующих сестер вверенной ей пустыни изъявили искреннее желание: мантийная монахиня Рафаила Тимашева и 6 послушниц. Монахиня Рафаила, согласно ходатайству игуменьи, была назначена старшей между сестрами, изъявившими желание поступить в санитарные отряды. Остальные сестры монастыря выразили полную готовность готовить санитарные принадлежности: «корпию, бинты, белию и прочее, и уже приготовили более 2-х пудов корпии и значительное количество белья»¹.

Кавказское окружное управление Общества попечения о раненых и больных воинах распорядилось главного доктора Ставропольского военного госпиталя Н.И. Скаковского 17 апреля 1877 года приготовить означенных сердобольных сестер к практической деятельности по уходу за ранеными на театре военных действий. Об этом распоряжении немедленно сообщено было настоятельнице монастыря, с тем, чтобы сестры Черноморской пустыни прибыли в Ставрополь. Предполагалось, что они будут размещены на территории Иоанно-Мариинского монастыря, но поскольку он располагался далеко от госпиталя, то оказалось необходимым вывести их из монастыря и поселить на отдельной квартире недалеко от госпиталя. Среди жителей города нашелся человек желающий помочь в таком добром деле, которому посвятили себя означенные сестры, им оказался Ставропольский купец 2-й гильдии Тимофей Иларионов. Им было бесплатно предоставлено, на весь период их подготовки, помещение в своем доме. Таким образом, сестры получили возможность ежедневно заниматься в госпитале под руководством Скаковского.

¹ Отдел официальный. Известия // Кавказские епархиальные ведомости. 1877. №5. 1 марта. С.154.

Вместе с ними готовились к санитарной деятельности несколько женщин и девиц из разных сословий. На время их подготовки местное управление Общества попечения о раненых и больных выплачивалась стипендия в размере 15 руб. жалованья, и по 6 руб. на питание ежемесячно. За их дальнейшую работу в медицинских учреждениях платили достаточно хорошее жалованье. На период службы при действующей армии было положено 60 руб. на путевые издержки, 30 руб. ежемесячного жалованья и по 6 руб. на питание. Сестрам монастыря никаких выплат не полагалось, и пока они проходили подготовку находились на содержании монастыря¹. Пройдя курс обучения они вернулись обратно в свою обитель.

После начал боевых действий: «по выслушании в Екатеринодарском соборе божественной литургии и напутственного молебствия, в присутствии членов Комитета Красного креста, который снабдил их деньгами на путевые издержки и на содержание в Тифлисе, а также всем нужным для дороги, отправлены в присутствии настоятельницы, на двух фургонах в Тифлис, в распоряжение тамошнего общества попечения о раненых и больных воинах»².

9 января 1878 года настоятельница пустыни, игуменья Олимпиада, сообщила Кавказскому епископу, что из числа вверенных одна из сестер милосердия указанная послушница Июстина Милорадова, после нескольких месяцев самоотверженной службы по уходу за ранеными и больными воинами, заболела тифом и 9-го декабря 1877 года скончалась в военно-временном Александропольском госпитале³. Остальные сестры несли усердно службу не

¹ Отдел официальный. Известия // Кавказские епархиальные ведомости. 1877. №10. 16 мая. С.346–347.

² Отдел неофициальный. Отправление сердобольных сестер и братьев от монастырей Кавказской епархии на места их санитарной деятельности // Кавказские епархиальные ведомости. 1877. №13. 1 июля. С.454.

³ Отдел официальный. Известия // Кавказские епархиальные ведомости. 1878. №3. 1 февраля. С.80.

только до конца военных действий, но и несколько месяцев после заключения мира. Из них монахиня Рафаила с июня и до конца октября 1877 года служила в перевязочном отделении госпиталя Красного Креста на Арначае, затем с ноября 1877 до январь 1878 года находилась при военно-временном 1-м госпитале, расположенном в Палдырване; с января по март – в военно-временном № 10 госпитале в Александрополе и наконец с апреля до июня 1878 года – в Карском госпитале, где заболела возвратной горячкой. Выздоровев и оправившись после этой болезни, она возвратилась в пустынь¹.

В 1879 году Синодом было объявлено благословение за «самоотверженное и полезное служение больным и раненым нашим войнам в минувшую войну» всем монахиням и послушницам трудившимся в военных госпиталях и лазаретах, а именно: Черноморского Марии-Магдалины монастыря: монахине Рафаиле Тимошевой, послушницам: Адриане Маловой, Евсевии Ищейковой, Наталии Ильиной, Дарии Стоменковой и Екатерине Бурановой; Ставропольского Иоанно-Мариинского монастыря монахине Агафонии Шаталовой, послушницам: Евдокии Пряткиной, Екатерине Сирковой, Пелагии Тиньковой, Евдокии Кандратовой, Пелагии Судаковой, Анне Кучеровой, Елене Черпаковой, Прасковье Беловой и Евдокии Криволаповой².

Но не только сестры Кавказской епархии участвовали в уходе за больными и ранеными. На ту войну также из числа братии монастырей отправлялись в действующую Кавказскую армию. Так, настоятель Кизлярского Кресто-

¹ Отдел неофициальный. О службе сестер Черноморской Марии-Магдалиновской пустыни и иеромонахов Кизлярского монастыря по уходу за больными и ранеными воинами // Кавказские епархиальные ведомости. 1878. №21. 1 ноября. С.780–781.

² Отдел официальный. Распоряжения Высшего правительства // Кавказские епархиальные ведомости. 1879. №7. 31 марта. С.243.

воздвиженского монастыря игумен Игнатий, писал епископу о смерти иеромонаха Кизлярского монастыря Германа. Таким образом, из малого числа монашествующих Кавказской епархии, двое положили душу свою за друга своего на месте служения больным и раненым воинам Кавказской армии. В своей работе «Подвижницы милосердия» С. Махаев рассказывает о самых известных подвигах сделанных на данном поприще¹. По понятным причинам в этой работе рассмотренные выше примеры не нашли отражения, но и другие сестры милосердия Кавказа им не упоминаются. Однако заложенные традиции монастырского воспитания и нравственные ценностные идеалы способствовали тому, что многие девушки Северного Кавказа остались в истории России как герои, чьи имена должны помнить и будущие поколения.

Баронесса Юлия Вревская, дочь участника Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенанта П. Варпаховского. С 1848 года она вместе родителями проживала в Ставрополе, окончила женскую гимназию имени Святой Александры. В 1857 году вышла замуж за русского генерала, участника Кавказской войны барона И. Вревского. Однако семейное счастье длилось недолго. В августе 1858 года ее супруг получил смертельное ранение в бою и через несколько дней скончался. Молодая вдова переехала в Петербург, где была приглашена ко двору и получила место фрейлины императрицы Марии Александровны, сестры Александра II.

С началом Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. она решает ехать в действующую армию. На деньги, вырученные от продажи своего имения, она снаряжает санитарный отряд, сама становится в нем рядовой сестрой милосердия. По традиции того времени многие высокопоставленные дамы почитали за честь работать в военных госпиталях,

¹ Махаев С.К. Подвижницы милосердия. Русские сестры милосердия: (краткие биографические очерки). М., 1914.

но не все были готовы выполнять самую тяжелую и грязную работу, которой не чуралась Юлия Вревская. Сестер было мало, из-за чего на каждую из них приходилось по 400 раненых солдат. Она занималась не только перевязкой солдат и шила одежду, но часто сама делала операции, бывала на передовой, стреляла, выносила с поля боя раненых солдат. Заразившись в госпитале тяжелой формой сыпного тифа, она ухаживала за больными солдатами до тех пор, пока могла держаться на ногах. Умерла Юлия Вревская 28 января 1878 года в г. Бяла в Болгарии от «тяжкой болезни, вследствие неусыпных трудов по уходу за ранеными и больными воинами».¹

На смерть героини откликнулись своими стихами Яков Полонский, Виктор Гюго и Иван Тургенев. В 1920-е годы в Париже работала русская община сестер милосердия имени Юлии Вревской. О её подвиге болгарский писатель Г. Карастоянов написал повесть «Верность за верность». В 1977 году был снят советско-болгарский художественный фильм «Юлия Вревская», а в современном г. Бяле одна из улиц носит ее имя².

Другая уроженка Северного Кавказа и г. Ставрополя Римма Ивановна известна фактически каждому. Юная сестра милосердия – единственная в России женщина, награжденная офицерским орденом Святого Георгия Победоносца 4-й степени посмертно. С началом Первой мировой войны девушка, успевшая немного поработать учителем в школе села Петровского, поступила на курсы сестер милосердия, после чего по личному желанию уехала в действующую армию. Римма Иванова была направлена сестрой милосердия в Ставропольский госпиталь № 2 в 1914 году вместе с другими Ставрополь-

¹ Афонин Л. Подвиг Юлии Петровны Вревской // Орловский вестник. 2002. №3. С.32–35.

² Баронесса Юлия Петровна Вревская // Журнал акушерства и женских болезней. 2010. №3. С.114–121.

скими девушками – сестрами милосердия, среди которых были М. Алафузовой, Е. Рудневой, Е. Мовилло¹. 9 сентября 1915 года, у деревни Мокрая Дуброва (ныне территория Республики Беларусь) во время очередного боя Римма Иванова под огнем оказывала помощь раненым. Когда погибли оба офицера роты, она подняла солдат в атаку и бросилась на вражеские окопы. Позиция была взята, но сама героиня получила смертельное ранение. Тело Риммы с почестями было погребено в Ставрополе на территории Андреевской церкви.

О ней в свое время было написано немало. До революции были учреждены стипендии имени Риммы Ивановой в Ставропольской фельдшерской школе, Ольгинской гимназии г. Ставрополя и земской школе с. Петровского. Имя Риммы было увековечено на памятнике героям Великой войны, открытом в Вязьме. Однако в советское время памятник был снесен, как и надгробие на территории Андреевской церкви. До 1917 года предполагалось установить памятник героине в Ставрополе, но эта идея смогла быть реализована совсем недавно. В 2018 году ей воздвигли памятник у здания бывшей Ольгинской гимназии, её именем названа улица в 204-м квартале Ставрополя.

Матрена Семеновна Наздрачева – почетный гражданин краевого центра, полный кавалер ордена Славы, единственный медицинский работник из четырех женщин полных кавалеров ордена Славы. В ряду ее многочисленных наград медаль Международного комитета Красного Креста имени Флоренс Найтингейл. За годы Великой Отечественной войны она оказала помощь на поле боя 200 раненым, вынесла на себе более 30 бойцов и офицеров с их личным оружием. С 1950 года ее жизнь была связана со Ставрополем. В Ставропольском медицинском университете стало традицией проводить ежегодные спор-

¹ Быкова Н. Вспоминая Святую Римму // Ставропольская правда. 2014. №262. С.5.

тивные состязания среди студентов медицинских вузов страны на приз Матрены Наздрачевой. Она умерла в 2017 году на 92 году жизни. В 2018 году возле Краевой больницы Матрене Семеновне Наздрачевой был установлен памятный бюст¹.

Таких примеров отваги, самоотверженности, милосердия, добра и чести большое количество. Все эти девушки жертвовали своими жизнями, чтобы помогать другим людям, когда они в этом нуждаются. Несомненно, воспитанные в лучшей традиции великой русской культуры, в основе которой заложены моральные нормы православия, они не могли поступать иначе в жизни и в экстремальных ситуациях. Такие подвиги не стоит забывать, их нужно помнить и гордиться такими героинями.

К концу века общее число детей школьного возраста (от 7 до 11 лет) на территории Кавказской епархии доходило до 233586 душ обоего пола, из которых в 1896 году 118803 составляли мальчики и 114783 было девочек. К началу отчетного года в епархии состояло двухклассных церковно-приходских школ 2, одноклассных церковно-приходских школ 204 и 251 школу грамоты, общее число церковных школ составляло 453 учебных заведения. Особое положение в их числе занимали образцовые школы: двухклассную при духовной семинарии и одноклассную при епархиальном женском училище. В течение 1896 года были открыты 62 школы: 4 одноклассных церковно-приходских и 58 школ грамоты; кроме того, из прежних школ грамоты 31 школа преобразованы в одноклассные церковно-приходские школы. Начальных народных училищ Министерства народного просвещения и других ведомств в Ставропольской епархии составляло 512².

¹ Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. 2-е изд. М., 1979. С.150.

² Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Ставропольской епархии за 1895-96 учебный год // СЕВ. 1897. №5.

Вторую половину XIX века можно считать периодом бурного развития образования и просвещения на Северном Кавказе. Активная деятельность руководителей учебных заведений содействовала благоприятному развитию народного образования в регионе. Реформирование системы образования в крае осуществлялось с учетом специфических особенностей региона. Полезные меры и нововведения в учебной и административной деятельности принимались к сведению по всему Кавказскому учебному округу только в том случае, если они действительно были удобны и целесообразны в практической деятельности. Ведущую роль в организации деятельности учреждений образования играл Кавказский учебный округ – региональный орган управления образованием.

Однако, основная цель образовательной политики на Северном Кавказе во второй половине XIX века заключалась в стремлении к унификации образовательного пространства на основе русской школы. Вопросы образования на Северном Кавказе рассматривались правительством с точки зрения укрепления имперской государственности и русификации всех живущих на территории государства народностей и племен, говорящих не на русском языке. Взаимодействия государства и общества в образовании приводит к выводу о том, что задачи и содержание образовательной политики государства и общественно-педагогического движения чаще всего находились в состоянии конфронтации. Однако, следует заметить, что данная конфронтация и была тем противоречием, движущей силой, которая продвигала образование, основанное на классицизме и западных педагогических системах, к национальному идеалу, из чего следует, что данный процесс носил истинно объективный характер.

2.3. Вклад духовенства Кавказской епархии в развитие образовательного пространства Северного Кавказа

Формирование единого социокультурного пространства Российской империи в первой половине XIX в. проходило в условиях территориального расширения границ государства и вхождения в его состав новых народов. Одним из способов решения поставленной задачи было создание начальных народных училищ, основной целью которых было утверждение в народе религиозных и нравственных понятий, распространение первоначальных полезных знаний. Большую роль в этом процессе государство отводило духовенству. Развитие образования и просвещения населения на Северном Кавказе должно было способствовать преодолению и искоренению укрепившихся за годы войны нравственных пороков.

Идущий параллельно процесс просвещения предполагал не простое усвоение определенного набора знаний, а их осмысление и перестройку сознания. Довольно четко направление политики государства, роль Церкви в области просвещения народа, место и роль духовенства в государственной системе определила Екатерина II в своей речи Синоду: «<...> Если бы я спросила вас, господа, кто вы и какое занимаете положение, вы, без сомнения, ответили бы, что вы общественные деятели под властью государя и закона евангельского, чтобы научить законам, служащим правилом для наших нравов»¹.

Документы архива свидетельствуют о низком и поверхностном уровне знания молитв, значение и правильность исполнения служб и таинств². Если кто и был знаком с первоначальными истинами вероучения и мог про-

¹ Русское православие: веки истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1987. С. 297.

² ГАСК. Ф.135. Оп. 3. Д. 605. Л.15.

читать основные молитвы, то очень редко они могли объяснить их значение¹. Помимо отсутствия системной работы в этом направлении, нужно отметить преобладание в народном сознании чувственного начала над рациональным. В преодолении этого явления в общественном сознании важное значение отводиться школе. Целенаправленный процесс обучения предполагает воспитание человека и выработку у него иного мировоззрения, формирование единого образовательного и культурного пространства.

Приходское духовенство активно участвовало в развитии образования населения посредством организации народных школ при приходах. Указ «О введении наук в России» 1803 года фактически открыто привлекал духовенство к участию в деле просвещения населения империи². Народные школы – образовательные учреждения дореволюционной России. Согласно Уставу о народных училищах для всех городов Российской империи от 5 августа 1786 г. были организованы Главные и Малые народные училища. Во время школьной реформы 1804 года Главные народные училища были преобразованы в гимназии, а Малые – в Уездные училища. Именной указ императора Николая I от 1842 года «Наставление для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных крестьян» определил цель школ в «утверждении религиозно-нравственного и начального образования»³. Обучение детей вверялось приходскому священнику, а заведование – Палате государственных имуществ. Последняя выделяла средства из общественного сбора на содержание школ и жалование учителям. Начальные народные училища были созданы в 1864 году

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.62. Д.1425. Л.8.

² Дозорцев П.Н. Генезис отношений государства и церкви (историко-библиографический аспект). М., 1998. С.92.

³ ГАСК. Ф.135. Оп.15. Д.214. Л.73.

и давали только начальное образование. К ним относились земские школы, различные ведомственные и частные школы, а также церковно-приходские и воскресные школы. В последующие годы их деятельность регулировалась Положением о начальных народных училищах, принятом в 1874 году.

По положению от 14 июля 1864 года, которое мало изменило предшествующие правила, было утверждено Положение о новых народных училищах, и в том же году Земское положение, которые давали возможность открывать училища самим земствам¹. Эти школы могли находиться как в управлении Министерства Народного просвещения, так и в ведении духовного ведомства (церковно-приходские школы), прочих министерств и в общественном ведении. Начальные училища открывались преимущественно в сельских местностях и городских предместьях. Изначально развитие народного образования и просвещения неразрывно связано с православным приходом, поскольку именно ему было суждено стать центром не только духовного, но и начального образования.

В условиях колонизации Северного Кавказа постоянно ощущалась необходимость кадрового обеспечения во всех сферах общественной жизни и государственного управления. Одной из попыток решения этой проблемы было развитие народных училищ, ориентированных не только на подготовку мальчиков к писарским должностям, но и просвещение населения. Эта задача приобретала особую важность в контексте потребностей образования и воспитания населения региона в традициях православной культуры, через познание Закона Божьего.

Как известно, первая попытка открытия русской школы на Северном Кавказе была предпринята еще при работе осетинского православного подворья в 1744 году.

¹ «Положение о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 года. СПб., 1876. Т.3. С.1342–1350.

В дальнейшем школа была переведена в Моздок, где только к концу века организаторы смогли наладить образовательный процесс и содержание обучающихся¹. На момент образования Кавказской епархии при приходских церквях насчитывалось 14 народных школ, в которых обучалось 528 мальчиков и 4 девочки, при 15 наставниках. В течение учебного года 17 детей по различным причинам прекратило обучение. Самые первые из таких школ появились на Северном Кавказе в пределах Черноморского войска в ст. Щербиновской в 1812 году и Кушовской в 1823 году [См.: Приложение 5]².

Начало формирования школьной системы народного образования на Северном Кавказе приходится на 40-е годы XIX в.³ Начальные учебные заведения в один или два класса предназначались для обучения лиц всех сословий с низким заработком, так как обучение в них было бесплатным. Каждый церковный приход должен был иметь не менее одного училища. Перечень предметов учебного курса начальных народных училищ включал: а) Закон Божий (краткий катехизис и священная история); б) чтение по книгам гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первые четыре действия арифметики, и д) церковное пение там, где преподавание его было возможно.

Развитие духовного просвещения зависело от уровня образования самого духовенства, которое было не на высоком уровне. Из 288 священников Кавказской епархии на 1845 год только 108 имели семинарское образование, из 158 дьяконов, окончивших семинарию, было всего 28 человек [Приложение 4]. К этому стоит добавить слабую вертикаль церковного управления и неразвитость церков-

¹ Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии. Вып. IV. Ч. I. Ставрополь, 1913.

² ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.169. Л.86–87об.

³ Там же.

ной структуры созданной Кавказской епархии. В такой сложной кадровой ситуации священники становились основными проводниками грамотности. В светских учебных заведениях они могли преподавать Закон Божий. В церковно-приходских школах, нередко построенных и содержавшихся на средства клира, обучали детей грамоте, арифметике, религиозно-нравственным началам.

После открытия самостоятельной епархии можно наблюдать резкий рост численности народных школ. Только в Ставропольском и Пятигорском округе в 1846 году в отчетах Синоду их было показано 19 [См.: Приложение 6]¹, в 1850 году были поданы сведения о 33 школах [См.: Приложение 7]², а к концу десятилетия только в Ставропольской губернии их насчитывалось уже 50³. В то же время духовенства, занятого в области образования, по Кавказской епархии числилось 71 человек [См.: Приложение 8]⁴. Общая численность православного населения епархии на конец 1851 года насчитывало 162875 мужского и 158912 женского пола. В епархии было 5 приходских училищ, 1 семинария, 2 уездных училища. Учебный процесс в них осуществляли 26 учителей, и обучалось 511 учащихся⁵.

Открытие и финансовое обеспечение народных школ было разнообразным. Из указанных выше 50 таких школ 30 были казенными и содержались за счет средств Палаты государственных имуществ, а одна из них полковым начальством в станице, принадлежащей к приходу Моздокской Успенской церкви. Церковнослужителями было открыто к тому моменту 15, из них пять – в Ставрополе при Варваринской церкви, в Новоселицах, Констан-

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.847. Л.48–48об.

² ГАСК. Ф.135. Оп.9. Д.13. Л.51–52.

³ ГАСК. Ф.361. Оп.1. Д.266а. Л.21.

⁴ ГАСК. Ф.135. Оп.7. Д.205. Л.12–14об.

⁵ КК на 1853 г. Тифлис, 1852. Отделение третье. С.393.

тиновке, Донской балке, Ореховке, слободе Воронцовской, Китаеве, Елизаветинском, Рогулях, Тарумовке, Медведском. На территории указанного округа действовали и частные школы, таких в отчетах значится пять: в селениях Чёрном Рынке, Ивановке и в дер. Раздолье, принадлежащей приходом к церкви Ч. Рынка, в сел. Медведском – 2. При этом часть частных школ в отчетах не указывалась, поскольку их деятельность не имела широкого размаха¹.

В числе этих народных школ было семь женских, одна из которых в с. Белой Глине существовала за счет государственных средств. История этого учебного заведения связана с именем местной дьяконицы Марии Перезовской, которая за собственные средства открыла её ещё в 1848 году. Она изначально располагалась в доме самой учительницы², но по различным причинам занятия были прерваны, и она снова смогла открыться только в 1850 году. Также действовали четыре при церквях в сел. Благодарном, Новоселицах, Петровском, Жуковке, и были две частные, обе в сел. Медведском³.

Стоит отметить, что обучение девочек было более нестабильным. Поскольку в только что заново открытом в 1850 году в с. Белой Глине в течение учебного года из 16 девочек 7 оставили учебу по необъяснимым причинам⁴. По заведенной традиции девочки из семей священнослужителей обучались на дому не только рукоделию, но и обязательно осваивали российскую грамоту. Несмотря на все трудности развития женского образования в регионе в 1875 году воспитанниц школ было достаточно для открытия первого на Северном Кавказе Епархиального женского училища, где могли получить образование девушки из духовного сословия.

¹ ГАСК. Ф.361. Оп.1. Д.266а. Л.21.

² ГАСК. Ф.135. Оп. 15. Д. 214. Л. 8, 42.

³ ГАСК. Ф.361. Оп.1. Д.266а. Л.21.

⁴ ГАСК. Ф.135. Оп.9. Д.13. Л.51–52.

Почти все действующие школы страдали от тесноты и неудобства помещений. Для некоторых из них были выстроены отдельные здания или приобретены сельским обществом. Например, в с. Белой Глине, Новоселицах, Медведском, Александрии и Ладовской Балке, другие размещались в съемных квартирах, частью в домах священников: в Красной Поляне, Новомосковском, Прасковей, Николаевке, Ново-Егорлыцком, Безопасном и Ново-Георгиевском и церковных сторожках¹.

Содержание Кавказских народных школ было еще более разнообразно, чем их помещение. Казенные школы содержались на общественный сбор, т.е. на суммы, собираемые Палатой государственных имуществ с государственных крестьян губернии, вместе с подушным окладом, а мальчики, готовящиеся в них к писарским должностям, – на мирской сбор, т.е. на деньги, собираемые с той сельской общины, из которой он избирался для обучения. Не менее запутаны были и размеры денежного пособия на содержание казенных школ. В отзывах причтов встречаются цифры денежного пособия в 147,50 руб., 109,85 руб., 80 руб. или не указывается в отчетах никаких сумм, как будто для казенной школы вообще не было никакого пособия. Данное обстоятельство объяснялось тем, что:

- училищные помещения и сторожки нанимались иногда дешевле или требовали меньших издержек;
- штатные суммы на учителя и учебные пособия не всегда расходовались полностью;
- состав учащихся лиц не всегда был постоянен, были промежутки времени при утверждении наставников.

Таким образом и получалось, что у одних были расходы больше, поскольку несли затраты на жалование учителя, квартиру, отопление и прислугу. Другие школы, которые получали бесплатное помещение, несли меньше

¹ ГАСК. Ф.361. Оп.1. Д.266а. Л.21.

затрат на содержание, поскольку оплачивали только вознаграждение учителю, которое было установлено в размере около 85 руб. серебром в год.

В преподавании Закона Божьего законоучителя были предоставлены сами себе, поскольку до конца XIX века практически не было никаких учебных пособий и руководств по преподаванию предмета, а также программ обучения. Отсутствие методических разработок вело к тому, что каждый законоучитель организовывал учебный процесс по своему усмотрению. Следует заметить, что ученики посещали школу крайне не регулярно, что сводило к нулю усилие самого хорошего и усердного преподавателя.

Как показал проведенный выше анализ источников, в большинстве школ Северного Кавказа законоучителя за свой труд не получали вознаграждения. Конечно, можно было требовать от священников, чтобы они обучали даром. Для них и отсутствие вещественного вознаграждения не служило поводом к уклонению от работы в школах, тем более что оно никогда не оставалось без вознаграждения со стороны собственной совести, со стороны прихожан. Однако не стоит забывать, что большинство священников были многодетными и должны были содержать большое семейство, «а по своему положению не имеют возможности приобрести их, кроме как от пасомых или от правительства»¹.

Каждый священник охотно соглашался исполнять свои обязанности, ощущая прочность своего положения, установленную законом в деле религиозного просвещения подрастающего поколения. Поскольку находились возможности строить школы по смете в 3 и более тысяч рублей, а также выплачивать жалование учителям до 300 рублей, тратить на приобретение литературы и учебники значительные суммы, то вознаграждение привлекаемому

¹ Михайловский Г. К вопросу о законоучительстве в народных школах Кавказской епархии // КЕВ. 1876. №21. 1 ноября. С.742–750.

священнику на этом фоне не было бы обременительным. Даже незначительная сумма могла быть хорошим подспорьем в больших семьях священнослужителей и могла служить стимулом к более добросовестному выполнению ими своих обязанностей.

Для назначения приходских священников на должности законоучителей начальных училищ устанавливался следующий порядок: священник заявлял о своем желании преподавать в училище Закон Божий инспектору народных училищ; последний или непосредственно, или через директора училищ, делал представление епархиальному архиерею об утверждении священника в должности законоучителя; после рассмотрения кандидатуры, по своему усмотрению, архиерей мог назначить другого кандидата¹. Выбор преосвященного зависел от уровня образования претендента и его нравственных качеств. За выполнение преподавательских обязанностей назначенный священник получал установленный размер штатного жалования², но чаще вознаграждение не предполагалось³.

В случае сомнения соответствия священнослужителя учительской должности епархиальной властью мог быть организован экзамен для претендента. В рамках испытаний требовалось знание Святого писания и догматов веры, только после этого священнослужитель мог быть допущен к преподаванию в класс⁴. По отдаленности консистории данную функцию выполняли духовные правления и лично первоприсутствующий священник в них.

Обязательное участие священнослужителей в образовательном процессе закреплял «Устав о воинской по-

¹ О порядке определения приходских священников на должности законоучителей начальных училищ // КЕВ. 1879. №23. 1 декабря. С. 923–924.

² ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.204. Л.1–1об.

³ Известия: К разъяснению вопроса об отношении священников к начальным народным школам // КЕВ. 1876. №8. 16 апреля. С.281–284.

⁴ ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.204. Л.7–7об.

винности», который давал право получения ученикам начальных училищ льготных свидетельств училищным советом, но только на основании представления преподавателей училища, признающих представленных учеников достойными прав на льготу. Ученики двухклассных училищ, по окончании курса, пользовались высшей льготой, в отличие от учеников начальных школ, которые получали непосредственно от преподавателей училища свидетельства, дающие им льготные права по воинской повинности¹. По установленным правилам льготные свидетельства могли выдавать только те начальные училища, которые имели двух преподавателей – законоучителя и учителя, утвержденных установленным порядком в своих должностях.

Встречались случаи, когда назначенные на должности священники пропускали ведение уроков в школах. Министр народного просвещения неоднократно просил Синод принять решение, чтобы законоучителями в учебные заведения, подведомственные министерству народного просвещения, избирали «таковых священнослужителей, какие как можно меньше были заняты в должности по епархиальному управлению».

Особыми указами архиереям предписывалось контролировать добросовестное выполнение священниками преподавательских обязанностей. Для этого в конце каждого полугодия епархиальное начальство от училищ получало ведомости о числе пропущенных уроков с показанием причин пропуска занятий². Однако из-за нехватки подготовленных кадров епархии приходилось долгое время идти на уступки священнослужителям. Так, например, Дирекция училищ Кавказской области и Черномории, со-

¹ О порядке определения приходских священников на должности законоучителей начальных училищ // КЕВ. 1879. №23. 1 декабря. С.923–924.

² ГАСК. Ф.90. Оп.1. Д.1319. Л.1–2.

общая о пропущенных законоучителями дирекции уроках за 2-ю половину 1842 года указала, что протоиерей Константин Крастилевский пропустил 17 уроков, и священник Михаил Шелестов из Екатеринодарского уездного училища – 21 урок. Кавказская духовная консистория в своем ответе Дирекции указала, что «<...> уроки пропущены по довольно уважительным с их стороны причинам: Крастилевским по занятию церковными делами, и Шелестовым по увольнению самой Дирекции, а потому не подвергать их никакой ответственности и принять это к сведению»¹.

Утверждение священника в должности законоучителя гарантировало его свободную и независимую деятельность как преподавателя школы. Будучи утвержден в должности законоучителя епархиальным архиереем, священник не мог быть ни временно устранен, ни окончательно уволен от должности, кроме как архиереем. Однако, встречались случаи, когда вмешательство высшей церковной власти и руководства училища в разрешение конфликтных ситуаций было необходимым. Так, например, на страницах Епархиальных ведомостей была открыта публичная дискуссия о ряде случаев, когда Попечитель Кавказского учебного округа, в отношении своем к Кавказскому епископу обвинял священников в невыполнении возложенных на них обязанностей. При ревизии одного станичного училища от 14 февраля 1875 года учитель этого училища заявил ему, что законоучитель относится к нему не всегда учтиво и позволяет себе держаться перед ним как начальник. Инспектор просил его мирно и дружно работать с учителем и стремиться к одной цели – преуспеванию училища, но следом за этим священник позволил себе превышение власти тем, что предложил станичному правлению немедленно отчислить из школы всех девочек, которым больше 12 лет. По этому случаю инспектор объ-

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.877. Л.580.

яснил станичному правлению, что священник не имеет права делать распоряжения по станичному училищу, так как круг его обязанностей в училище ограничивается лишь преподаванием Закона Божия. Он просил учесть, что женское образование находится в регионе в зародыше, поэтому способствовать росту числа девочек, желающих учиться, необходимо времени. Епископ Кавказской епархии предписал внушить этому священнику, чтобы он ограничил свою деятельность преподаванием Закона Божьего и не вмешивался в дела школы¹.

Двойственность их подчинения часто приводила к конфликтным ситуациям между руководством училищ и епархией. Так, в своих отчетах за 1875 год инспектор народных училищ Кубанской области Блюдов указал, что «законоучителей при 193 станичных училищах числится 154 <...> весьма значительное число священников ограничивают преподавание только несколькими уроками <...> небрежные отношения священников к законоучительским обязанностям показывают, что распоряжение преосвященного Германа об обязательном преподавании священниками Закона Божьего остается для весьма многих мертвою буквою»². Тяжесть обвинения дополнялась тем, что отчеты попечителя учебного округа подавались на рассмотрение наместника Кавказского Великого князя, которые не могли не сопровождаться серьезными последствиями.

В предыдущем отчете за 1874 год этот же инспектор отмечал, что «<...> почти большинство священников Северного Кавказа поверхностно относятся к обязанностям преподавания Закона Божьего, а порой вовсе не посещают

¹ Известия: К разъяснению вопроса об отношении священников к начальным народным школам // КЕВ. 1975. №5. 1 марта. С.162–163.

² Михайловский Г. О законоучительстве в станичных школах Кубанской области в 1875 году по отчету инспектора школ и по следственным актам // КЕВ. 1876. №20. 16 октября. С.706–709.

школу». В результате этого епископ велел строго внушать законоучителям сельских школ более усердно и добросовестно выполнять свои обязанности и обратился к Учебному округу с просьбой назвать имена священников-нарушителей, но не получил никакого ответа. В виду важности обвинения он распорядился произвести следствие в отношении преподавания указанными лицами в предыдущих отчетах. Проведенное следствие показало, что было немало таких нарушений. Так, священник ст. Безкоробной Н. Какаев обвинялся в том, что хотя и считался законоучителем, но перестал преподавать. Оказалось, что он преподавал с сентября 1875 года в станичной школе по два урока в неделю, по понедельникам и субботам, и им было дано 30 уроков без всякого вознаграждения, что подтвердило станичное правление. При опросе учеников в присутствии следователя, станичного атамана, попечителя и учителя школы, учащиеся, посещавшие школу, показали удовлетворительные знания в Законе Божьем.

Священник ст. Урупской А. Менатиев обвинялся в том, что ограничил преподавание только несколькими уроками и получил от общества 60 руб., дав только 15 уроков. Следствие показало, что он провел около 40 уроков, о чем свидетельствовало и местное станичное правление. Правление показало, что хотя и было установлено вознаграждение в указанном размере, но из-за отсутствия денег Менатиев не получал их от правления. Он не получил жалование и за 1875 год. Опрос учеников в присутствии следователя, почетного блюстителя, станичного атамана и учителя, показал знание школьниками молитв, с переводом на русский язык и с подробным разъяснением их содержания, знание двенадцатых праздников, что, конечно, свидетельствовало о постоянном и добросовестном труде священника.

Законоучитель Старошербиновского училища, священник Е. Гребенник, обвинялся инспектором в том, что,

получая от общества 150 руб. вознаграждения, дал всего 26 уроков и в одном только старшем отделении. По материалам следствия оказалось, что в училище действует три отделения, и во всех священником Гребенником Закон Божий преподавался; учитель школы показал, что священником только за 1875 год был дан 51 урок, и кроме того, из-за болезни другого учителя он заменял его в течение 34 дней по два часа. За указанную сумму священник вел не только Закон Божий, но и собирал хор певчих, которых обучал нотному и церковному пению. Станичный атаман указал, что от общества на священника никогда не поступало жалоб, а на сходах люди неоднократно выражали благодарность за обучение детей. Законоучитель занимался в каждом из трех отделений три раза в неделю, по понедельникам, средам и пятницам, употребляя на каждое отделение по 1¼ часа.

Шкуринской станичной школы, священник Александр Крастилевский обвинялся в том, что в течение 1875 года дал всего 6 уроков. На следствии, под присягой, учитель школы, сторож и другие свидетели показали, что в течение года дал не менее 60 уроков, посещал школу два раза в неделю по средам и субботам, кроме великого поста. За свой счет выписал для детей учебники¹.

В ст. Прочноокопской местными властями вообще был создан прецедент для всей России. В станичную школу, в которой обучалось 66 детей на 1877 год, был назначен учителем Закона Божьего раскольник. Данное обстоятельство не только не вызвало резонанса в гражданской системе управления, поскольку нарушало все установленные церковные и светские законы, но было проигнорировано и замечание епархиальной власти².

¹ Михайловский Г. О законоучительстве в станичных школах Кубанской области в 1875 году по отчету инспектора школ и по следственным актам // КЕВ. 1876. №20. 16 октября. С.712–716.

² ГАСК. Ф.135. Оп.35. Д.393.

Часто священнослужителям приходилось довольно тяжело доказывать несправедливость обвинений по отношению к их преподавательской деятельности. Для тех же священников, которые достигали высоких результатов в сфере народного просвещения в духе православной церкви, Синод предусматривал поощрение. Духовным консисториям разрешалось выдавать от имени Синода особые «книжки, за надлежащим подписанием и печатью», при этом вопрос о награждении решался самостоятельно без согласования с высшим руководством¹.

Изучение Закона Божьего не освобождала учеников народных школ от посещения Богослужения в воскресные и праздничные дни, им рекомендовалось участвовать в нем посредством чтения и пения. Торжественность богослужения, великолепие храма, должны были поражать детское чувство и воображение, развивать в детях любовь к церковности, уважение и благоговение к храму. Способствовать утверждению в их сознании христианской морали и добродетелей.

Довольно часто дети бросали обучение, не окончив полный курс, как до образования самостоятельной епархии, так и после. Одной из причин этого явления было мнение родителей о том, что в этих школах ничему не учат и в будущем для их детей не будет никакой пользы от этого образования. По этой причине возникали частые пропуски занятий, а по необходимости участия в полевых работах они присутствовали с октября по март², в то время как период занятий не был изначально четко определен, и рекомендовалось заниматься с 1 сентября по 1 мая³.

¹ Распоряжения Высшего правительства: Определения Св. Синода от 7–29 ноября 1884 года за №2435, о мерах к поощрению лиц, оказывающих особые заслуги делу народного просвещения в духе православной церкви // КЕВ. 1885. №1. 2 января. С.1–2.

² ГАСК. Ф.135. Оп.15. Д.214. Л.1.

³ ГАСК. Ф.90. Д.975. Л.4.

Заводимые при церквях домашние учебные заведения для первоначального обучения поселянских детей могли приобретать за счет церковной кошелевой суммы учебные книги: азбуку, часослов, псалтырь и начатки христианского учения. Данные книги считались церковной собственностью. Если родители желали, чтобы их дети проходили обучение по старопечатным книгам, то они должны были представлять их лично, и эти книги церковной собственностью не являлись. Раскольники, дети которых имели право учиться наравне с другими, настаивали на обучение своих детей по книгам старопечатным, изданиям единоверческой типографии, священнослужители не могли им в этом препятствовать¹. В случаях с ними требовалось от священнослужителя добиваться в классе толерантного отношения к ним со стороны православных воспитанников, через что предполагалось достигать у них уважение к православной церкви и учению. Даже если и достигались поставленные цели, они не шли дальше достигнутого взаимоуважения, поскольку дети в школах старались сохранять свои убеждения, «руководствуясь, главным образом, примером своих отцов и дедов»². Подтверждает данное положение случай в одной из народных школ епархии, в которой три года учились два сына старовера, «строго держащегося своего толка». Родитель привел в эту же школу и свою дочь. В своих наблюдениях местный священник отмечал, что эти дети оказывали большее усердие к учебе, и они лучше других знали молитвы и объясняли их, лучше других могли объяснить Литургию и остальные церковные службы³.

В целях улучшения преподавания Закона Божьего, по предложению епископа Германа и при поддержке Андреевского братства, с 1875 года всех, кто подавал проше-

¹ Там же. Л.3–4.

² ГАСК. Ф.135. Оп.62. Д.1425. Л.38.

³ ГАСК. Ф.135. Оп.35. Д.393. Л.104.

ние на соискание священнического сана из не окончивших семинарского курса обучения, было решено подвергать испытаниям в умении преподавать Закон Божий по программам и методам начальных школ под надзором наставника, преподающего в семинарии педагогику, или кого-либо из компетентных членов Совета¹.

Несмотря на все трудности, народные школы не компенсировали всей потребности региона в образовании детей. Об этом свидетельствует тот факт, что на территории Кавказской епархии действовали на нелегальном или полуполегалном положении частные школы. В них велось образование без контроля со стороны государства, и иногда преподавателями были лица, которые являлись приверженцами раскола. Так, например, случай в 1848 году в с. Новопокровском, где существовало официальное училище наравне с училищем в доме казенного крестьянина из раскольников О. Елисеева. В нем обучалось 15 мальчиков и 2 девочки из детей Кубанского и Кавказских полков разных станиц². По результатам расследования были подвергнуты наказанию не только сам Елисеев, но и родители обучающихся детей.

Реформы 60-х гг. XIX века позволили священнослужителям открыто обсуждать вопросы духовного образования на своих Съездах, что способствовало формированию единой концепции образовательной программы, оперативно решать многие административные и финансовые вопросы, которые всегда остро вставали на пути просвещения народа³. Отмена крепостного права способствовала подъему в среде духовенства просветительской деятельности. В этот период во всех епархиях шел массовый

¹ Распоряжение Епархиального начальства об испытаниях имущих священнического сана из неокончивших семинарского курса учения // КЕВ. 1875. №12. 16 июня. С.378.

² ГАСК. Ф.135. Оп.6. Д.111. Л.1–2.

³ Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д.Толстого по Ведомству православного исповедания за 1866 г. СПб., 1867. С.106.

процесс открытия церковно-приходских школ, если не позволяли условия, то они открывали их в собственном доме и приобретали на свои ограниченные средства необходимые учебные принадлежности.

Реформы открыли доступ в этой сфере общественным организациям цели, многие из которых совпадали с задачами государства на Северном Кавказе. 9 июня 1860 года было учреждено «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». К 1 января 1862 г. доходная часть бюджета Общества составила 407593 рубля, в том числе от императрицы Марии Александровны, которая стояла во главе братства для большего успеха деятельности братства, поступило 119738 рубля¹. Особую заботу Общества составляли подведомственные ему учебные заведения, в осуществлении финансовой помощи которым и проявлялась главная функция данного общественного учреждения. По ведомости за 1870 г. под эгидой Общества было 42 школы, в которых обучалось 1125 учеников (1019 мальчиков и 106 девочек), а в 1871 г. в этих же школах обучалось уже 1356 учеников (1168 мальчиков и 188 девочек)². Таким образом, увеличение количества детей, охваченных образованием с помощью Общества, неуклонно росло. Здесь надо отметить, что это были не только школы православного характера, но и просто начальные школы, где закладывались азы образования. Кроме того, Общество содержало в разных учебных заведениях детей горцев как в духовных училищах и семинариях, так и в гимназиях кавказских губерний и областей. Всего таких «пансионеров» в 1871 г. было 79 человек (78 мальчиков и 1 девочка)³.

¹ Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский 1815 – 1879. В 3-х т. М., 1891. Т. 3. С.142–143.

² Общество восстановления Православного христианства на Кавказе // КК на 1873 г. Тифлис, 1872. Отделение второе. С.229–231.

³ Там же. С.231.

За период с 1859 по 1865 гг. духовенством в России было открыто на собственные средства более 21400 церковно-приходских школ. На этом фоне государством было принято решение о разделении школ: приходские школы сохранить в духовном ведомстве, а Министерству народного просвещения предлагалось открывать собственные. Для координации деятельности в деятельности народных школ учреждались губернские и уездные училищные советы из представителей ведомств и земств под председательством епископов¹. На поприще просвещения населения духовенство столкнулось с Земствами, стремившимися к школе, основанной на европейской традиции – безрелигиозной, только культурная направленность². Начался массовый переход имеющихся учебных заведений в структуру Земств. Ограниченное в средствах духовенство не смогло выдержать конкуренции в данной области с земскими школами, и вскоре их количество также резко сократилось.

Причиной низкого уровня знаний обучающихся чиновники видели в отсутствии у священнослужителей работы на высокий результат. Основной же причиной этого явления у своих учеников священнослужители считали нерегулярное посещение школы воспитанниками³. Влияла на качество преподавания и неопределенность отношений между учителем и законоучителем. Эти отношения не были урегулированы действующим законодательством и последующими положениями в этой сфере о начальных народных училищах 1874 года. Данное обстоятельство вело на практике к нареканиям и несогласованности и находило отражение на учебном процессе. Учителя счита-

¹ Полонский А. Православная Церковь в истории России: Синодальный период // Преподавание истории в школе. 1996. №1–2. С.15–19.

² См. подробнее: Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, Росси и СССР. М., 1996. 406 с.

³ ГАСК. Ф.135. Оп.35. Д.393. Л.85.

ли себя хозяевами школы, дискриминировали положение законоучителей, которые иногда по этой причине вообще оставляли преподавание. Инспекторы народных школ часто игнорировали священников и составляли представление о преподавании предмета только по успехам учащихся, на основании чего делали отзывы, касающиеся преподавательской работы священнослужителей. Священники не могли мириться с таким положением, поскольку и по образованию и по сану находились выше учителей, а главная цель существования народных школ, это утверждение в народе религиозных и нравственных понятий, достижение которой реализовывалось преимущественно законоучителями. Духовенство Кавказской епархии находилось еще более в невыгодном положении в сопоставлении с клиром других регионов России, поскольку до реформ 60-х гг. XIX в. в Кавказском крае не было училищных советов, и потому духовенство не имело возможности участвовать в решении вопросов, относящихся к благоустройству школ.

Часть церковей имели церковно-приходские школы, но они были немногочисленны, так как приходам было затруднительно их содержать, не хватало и специальных помещений для них. Энтузиазм духовенства в этой сфере, по мнению просвещенной части интеллигенции, основывался на отсталости методов обучения, невежестве самого духовенства и несоответствии времени учебной программы¹. Активное развитие светского образования также поставило их в достаточно трудное положение, что привело к сокращению их в целом по стране с 1865 по 1881 гг. в пять раз, и заставило правительство в 1884 г. издать новые правила о церковно-приходских школах². Государством была установлена ежегодная субсидия на их устройство и

¹ Тальберг Н.Д. История русской церкви. Киев, 2007. С.835–836.

² Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 182.

содержание, что способствовало народному просвещению в духе православного учения¹.

На Северном Кавказе широкое распространение получил раскол и сектанство, которое, по мнению Синода, являлось «заблудшим от истинной веры». В помощь священнослужителям для просвещения таковых нередко безвозмездно посылались различные книги-наставления. При этом они не предназначались для широкой огласки среди прихожан и даже церковнослужителей, приходские священники только лично сами могли их читать, и присылались они непосредственно в ведомства консисторского благочинным, «в приходы в коих находятся раскольники»².

В некоторых православных приходах остро ощущался недостаток книг при церквях, а в некоторых из них сложилась катастрофическая ситуация. Например, священник с. Джубгского П. Исконицкий в своем рапорте от 5 апреля 1875 года указывал, что в церквях Джубгского и Вуланского селениях, а также в молитвенных домах деревень Дефанской и Новомихайловской «ощущается крайний недостаток в книгах для назидательного чтения». Во всех перечисленных церквях была только одна библия, книжка поучения Путятина и выписанный в тот год журнал «Странник»³. На этом фоне епископ через епархиальные ведомости обратился с «приглашением к пожертвованию книг для бедных церквей из церквей богатых». Редакция была завалена обращениями о присылке книг для духовно-назидательного чтения. На одно обращение лично епископу, в ст. Эриванскую были отправлены из его личной библиотеки: «Библия; книга о должностях священнослужителей церкви Христовой, св. Амвросия Ме-

¹ Тальберг Н.Д. История русской церкви. Киев, 2007. С.837.

² ГАСК. Ф.90. Д.836. Л.1.

³ Известия: О недостатке книг при церквях // КЕВ. 1875. №11. 1 июня. С.355.

диоланского; наставления в православной вере, сочин. протоиерея И. Поспелова»¹.

В то время книги трудно было приобрести в провинции, приходилось их выписывать из Москвы и Петербурга. Консистория периодически получала обращения редактора синодальной типографии статского советника Т. Крылова с приложением объявлений для извещения духовенства, «не желает ли кто из них выписывать значащиеся в оном книги». Их рассылали в духовные правления и к благочинным с тем, чтобы «они объявили священно и церковнослужителям, не пожелает ли кто из них выписывать значащиеся в объявлении книги». Стоимость издания зависела от пожелания заказчика: «на хорошей веленой бумаге «рояль» – 10 руб.; на веленой «лучшей» – 15 руб.; на веленой «самой лучшей» – 20 руб. ассигнациями», за пересылку и доставку оплата производилась отдельно². Нередко консистории приходилось требовать возврата задолженностей за выписанные издания, через удержание части доходов церковного клира.

В формировании церковных и личных библиотек не последнюю роль играли распоряжения епархиального начальства. На страницах «Ставропольских епархиальных ведомостей» публиковались всевозможные объявления о выходе новых духовных книг, клирики приглашались к подписке на периодические издания. На многих таких объявлениях стояла резолюция епископа: «Духовенству Ставропольской епархии рекомендуется выписывать <...>».

Личные библиотеки духовенства начинали формировать в стенах учебных заведений, у них уже тогда имелась определенная подборка книг. Вначале это были в основном учебные издания, некоторые из которых препода-

¹ Известия: Недостаток книг при церквях // КЕВ. 1875. №13. 1 июля. С.421–422.

² ГАСК. Ф.90. Д.890. Л.2.

ватели требовали иметь в личном распоряжении. Сохранились письма к В.Ф. Золотаренко, в которых племянники-семинаристы не раз просили выслать им в Ставрополь учебники, книги по истории церкви и гражданской истории, по русской словесности, философии¹: «<...> между прочим, сколько существенного теряет училище, не имея у себя хороших, доступных для детского возраста книг; от скудности библиотеки происходит в детях недостаток ко чтению, а от этого недостатка замедляется их развитие как прискорбно; в свободное от уроков время ученик и рад бы заняться чтением, но у него недостает самого главного – книги, которая возбудила бы в нем любознательность и любовь к науке. Чрез это ученик лишается возможности обогатить себя самостоятельно добытыми познаниями, погружается со временем, против своей воли, в безделье; время, хотя и свободное, тем не менее данное ученику не для растрат, проходит даром и без всякой для него пользы, а потеря времени невозвратима. Время есть драгоценный дар Божий, в употреблении которого придется дать строгий отчет. Вот соображения, которые привели нас к мысли о необходимости завести при училище учебную библиотеку и снабдить ее такими книгами, которые бы сколько были занимательны и доступны для детского понимания, столько же имели благотворное влияние и на развитие учеников. Мы искренно желаем осуществления <...> своей мысли, но как осуществить ее? Полагаться на одни свои учительские средства было бы с нашей стороны мечтою, заблуждением: ожидать помощи от казны не осмеливаемся, так как у нее и без того есть много <...> нужд»².

¹ ГАКК. Ф.770. Оп.1. Д.2. Л.43, 48-50, 54об., 63–64.

² Фиогилина Л.С. Роль духовенства в формировании книжной культуры Кавказской (Ставропольской) епархии (XIX – начало XX в.) // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность / сборник статей. Вып. 3. Краснодар: Изд-во КГУКИ, 2005. С.55.

Благочинные при обозрении подведомственных им церквей наблюдали отсутствие во многих из них книг догматического, исторического и нравственного содержания, духовных периодических изданий, а в некоторых даже отмечалось отсутствие обязательного установленного перечня церковной литературы. Причина являлась не в отсутствии интереса к чтению, а в недостатке личных денежных средств у священников. Доход прихода, собственно и самих священнослужителей, напрямую зависел от благосостояния общества, а когда все средства ориентированы на разрешения военного конфликта, то приход был очень ограничен в возможностях просвещения посредством покупки литературы церковного толка.

Подстегнуло решение этого вопроса издание указа 1860 года об учреждении при кафедральных соборах епархий книжных лавок для их продажи нуждающимся церквям¹. Если в середине века наличие церковной библиотеки было существенным достижением клира и прихода, то в конце века практически все церкви имели собственные библиотеки. Однако большинство из них имело направленность на удовлетворение нужд церковно-приходских школ².

В последующие годы на страницах «Ставропольских епархиальных ведомостей» не раз поднимался вопрос об открытии народных библиотек и читален. И хотя во многих школах, как министерских, так и церковно-приходских, имелись библиотеки, но они удовлетворяли потребность только учащихся. Да и сами дети по окончании школы, не имея возможности заниматься самообразованием, нередко забывали, чему она их научила, отвыкали писать и читать. Комплектовать фонды таких библиотек предлагалось по всем отраслям знания³.

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.38. Д.119. Л.1.

² ГАСК. Ф.135. Оп.62. Д.1425. Л.3.

³ Св. Митрофан Иванов По поводу всенародного образования // СЕВ. 1898. №5. С.243–245.

В январе 1906 г. Ставропольская духовная консистория, признавая весьма желательным и полезным открытие при церквях народных библиотек-читален, разрешила духовенству епархии, где позволяли местные условия открывать народные библиотеки-читальни. При этом рекомендовалось передавать из фондов церковных библиотек во вновь открываемые все подходящие книги. На первоначальную обстановку выписку книг разрешалось единовременно расходовать из церковных сумм по 100 руб., а для дальнейшего пополнения библиотек – до 50 руб. ежегодно. Но с условием, чтобы выписываемые книги были только религиозно-нравственного, а периодические издания – духовного содержания. Заведующему библиотекой полагалось выдавать вознаграждение 30 руб. в год. Вся ответственность и наблюдение за библиотеками-читальнями возлагались на настоятелей церквей и благочинных. Последние в своих поездках по благочинию должны были обращать на библиотеки особое внимание, а отчет об их работе помещать в своем годовом отчете о состоянии благочиния¹.

За каждым богослужением на священников возлагалась обязанность произносить «слова» и «поучения». Согласно церковным канонам, данная обязанность является важнейшей и неотъемлемой в деятельности приходского священника. Устав духовных консисторий 1841 года подтверждал обязанность священников проповедовать Слово Божие в церквях и наставлять православный народ катехизическими поучениями по воскресным дням². Для подготовки они пользовались готовыми печатными текстами из различных духовных журналов, собраний поучений

¹ Распоряжение епархиального начальства: от 17-20 января 1906 года. Об учреждении при церквях Ставропольской епархии народных библиотек-читален // СЕВ. 1906. №3. С.121–122.

² Устав Духовных Консисторий (27 марта 1841 г.) // ПСЗРИ (1825–1881). Т.16. Ч.1. №.14409. Ст.11.

известных проповедников. Наиболее образованные писали тексты сами. Вообще, проповедническая деятельность требовала от священника умения говорить живо и интересно, владеть ораторскими приемами.

В том же нормативном документе отмечается обязанность лицам, получившим богословское образование, «произносить и собственные свои поучения», предварительно одобренные епархиальной цензурой. Таким образом, сложилась законодательная коллизия, когда с одной стороны священников обязывали практиковать беседы и наставления, произносить поучения и проповеди, а с другой их действия ограничивали цензурными органами, которые должны были контролировать их деятельность в этой области.

Сложившаяся ситуация привела к тому, что в начале 40-х гг. приходские священники Северного Кавказа обращались к пастве с поучением один раз в году¹. После образования самостоятельной епархии можно наблюдать подъем в этой сфере деятельности, поскольку общее количество произнесенных проповедей определить сложно, но только за 1845 год по епархии их общее количество составило 160². Многие священники придерживались прежней практики, произнося в год по одной проповеди. Но все больше встречалось в приходах священников, которые обращались к своей пастве намного чаще. Таким примером могут служить священники: церкви во имя Святого и Чудотворца Николая, Ставропольского округа, ст. Кавказской А.И. Быстролетов (31 год)³; церкви Покрова Пресвятой Богородицы, Ставропольского округа, ст. Григориполисской А.С. Голубинский (31 года)⁴; церк-

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.3. Д.396.

² Составлена по клировым ведомостям 1843–1846 гг. (ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.340; Оп.2. Д.410; Оп.3. Д.1025; Оп.4. Д.787. Ч.1–3).

³ ГАСК. Ф.135. Оп.2. Д.410. Л.465–467 об.

⁴ Там же. Л.442–448 об.

ви во имя Святого Митрофания Воронежского Чудотворца, Ставропольского округа, ст. Прочноокопской П.И. Мадестов (31 года)¹; церкви Рождества Пресвятой Богородицы, Черноморского войска, ст. Полтавской С.Г. Орлов (30 лет)²; церкви святых апостолов Петра и Павла, Пятигорского округа, слободы Новогригорьевки Е.Ф. Дьяковский (32 лет)³ – которые произнесли в своих приходах по пять проповедей.

Количество проповедей не ограничивалось законом, поэтому некоторые из священников смогли пойти дальше на этом поприще. Так, например, настоятель Скорбященской церкви города Пятигорска П.М. Александровский (39 лет), который произнес в своем приходе 6 проповедей и был лично отмечен епископом 23 мая 1845 года изъявлением «Архипастырской признательности за усердие в проповедовании слова Божьего»⁴. Другим примером может служить ключарь кафедрального Троицкого собора г. Ставрополя П.К. Сухарев (39 лет), являющийся смотрителем Ставропольских духовных училищ и учителем его высшего отделения, вторым цензором проповедей при епархии, в продолжении всего 1845 года говорил проповеди в воскресные дни⁵. Казанского собора города Кизляра протоиерей Д.Г. Мурадханов (43 лет), совмещающий пастырскую деятельность, должности благочинного г. Кизляра и его уезда, учителя Закона Божьего в Кизлярском уездном училище, члена оспенного комитета и председателя комиссии по делам Кизлярского монастыря и катехизатора при Кизлярском соборе, произнес за год 8 проповедей⁶.

¹ Там же. Л.449–451 об.

² ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.340. Л.417–421 об.

³ Там же. Л.202–207 об.

⁴ Там же. Л.168–174 об.

⁵ ГАСК. Ф.135. Оп.3. Д.1025. Л.514–531 об.

⁶ ГАСК. Ф.135. Оп.5. Д.325. Л.1–5.

Все они, за исключением П.К. Сухарева, были выпускниками Астраханской духовной семинарии разных лет. Данное учебное заведение может по праву гордиться этими своими воспитанниками, которые, помимо высокого уровня пастырской деятельности, занимали различные церковные должности, а некоторые из них были учителями крестьянских детей, приготавливаемых к писарским должностям, инспекторами и преподавателями в училищах.

Однако, если проводить анализ по округам епархии, то ситуация выглядит не совсем так оптимистично. Поскольку за 1845 год в ведомостях данные о проповедях по приходам г. Моздока и его округа показывают, что их не произносилось, как и в Закубанских поселениях. Если в последних не были еще отстроены храмы и налажено церковное служение, то положение Моздокского округа объясняется только нежеланием самих священнослужителей заниматься данным делом [См.: Приложение 9]. Проведя анализ данных, можно сказать о том, что в среднем на отдельно взятый приход г. Екатеринодара и Черноморского округа приходилось 0,59% проповедей, на г. Кизляр и округ – 1,63%, на г. Ставрополь и округ – 1,08% и г. Пятигорск с округом 0,83%. Подводя итог, нужно отметить, что произнесение проповедей приходскими священниками было делом отдельно взятых энтузиастов, а не в целом священников епархии, но таких подвижников Церкви с каждым годом, после образования самостоятельной Кавказской епархии, становилось только больше.

В своих работах епископ Игнатий писал, что «<...> Между священниками епархии много отличного достоинства людей. Новое поколение священников постепенно изменяется, облагораживается. Если же и проявляются еще грубые пороки, то они проявляются преимущественно в духовенстве Черноморского войска, которое составилось из казаков, научившихся читать и писать, но и там нрав-

ственное состояние духовенства улучшается вследствие постепенного замещения священнических вакансий воспитанниками семинарий»¹. К 1876 году в приходах епархии из всех членов духовенства, окончивших богословский курс, протоиереев и священников было 450 человек, псаломщиков 11; философский – священников 39, прото-дьяконов и дьяконов 17, псаломщиков 14². Достигнутый уровень образования священнослужителей позволил с 1879 года отказаться от установленной практики предыдущих лет приглашать на службу в приходы Кавказской епархии из других мест империи³.

В отношении преуспевающих священнослужителей в распространении православной веры случались оговоры. Например, староста села Благодарного Ф. Зубков подал жалобу от 28 человек на приходского священника их села И. Герасимова, в которой обвинял его в том, что он «обходился с поселянами по строптивому своему характеру непристойно: <...> умирают без исповеди и причастия <...> не приступает хоронить, требует великую плату <...> чрез что подвергаются крайнему разорению. При том обращается ежедневно в пьянстве <...>»⁴. После проведенного следствия Ставропольское духовное правление требовало от Консистории начать законное рассмотрение неосновательного доноса⁵. Гораздо проще было обвинить священника в непозволительной связи с какой-либо жительницей прихода. При наличии только подозрения данное обвинение влекло за собой запрещение священнослужения и ношения рясы, отстранение от прихода и последующее определение обвиняемого в монастырь. Но в

¹ Игнатий (Брянчанинов) святитель. Полное Собрание Творений. Приложение. Святитель Игнатий на Кавказской кафедре. Т. II. М., 2008. С.513.

² Статистические сведения по Кавказской Епархии за 1875 год // КЕВ. 1876. №15. 1 августа. С.539–540.

³ Объявления // КЕВ. 1879. №1. 1 января. С.17.

⁴ ГАСК. Ф.90. Оп.1. Д.501. Л.1–1об.

⁵ Там же. Л.11.

большинстве случаев священников оставляли в подозрении, поскольку доказательств не находилось, а некоторые священники после этого оставляли приход и просились в братство монастыря¹.

Владеющих ораторским искусством священников редакции журналов приглашали к сотрудничеству, просили присылать свои статьи. И даже после ухода за штат священнослужители не прекращали своей активной просветительской деятельности. Священник Евфимий Тимофеевский призывает «сверстником по службе» остаток своих сил и далее использовать в деле просвещения народа. Он предлагает им вести религиозно-нравственные беседы и чтения, создавать «<...> общества любителей публичных чтений», организовывать дешевую книжную торговлю в селе, открывать библиотеки и тем самым положить начало домашне-семейному чтению в селе².

Помимо рассмотренных выше примеров участия в образовании и просвещении населения региона, как и в других епархиях, высшей властью на духовенство возлагались другие различные поручения. В период XIX века священнослужители занимались проблемами оспопрививания и являлись членами учреждаемых комитетов, занимались разведением картофеля, помогали собирать различные археологические сведения и старинные церковные распевы, сообщали разнообразные статистические сведения по вверенным приходам, боролись с пьянством в народе.

С середины XIX в. наблюдается тенденция, когда духовенство сублимировало себя в систему общественных отношений как лиц, от которых зависело спасение людей и народа в целом. Наделенные определенными

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.858. Л.12.

² Св. Евфимий Тимофеевский. Как и где заштатное иерейство могло бы ныне использовать свой досуг и остаток своих сил // СЕВ. 1902. №18. С.1061–1064.

сословными привилегиями со стороны государства, они справедливо претендовали на особое положение в системе общественных отношений. Обладая высоким уровнем образования, даже выше чем в других сословиях Российской империи, например, дворянства, духовенство обособлено занималось просвещением народа и достигало высоких успехов.

Рост антиклерикальных настроений вызвал стремление духовенства найти свое место в новых исторических условиях. Не оторвавшись от низших слоев населения социально и став значительно образованнее в последующие годы, духовенство стремилось создать своего рода слой новой интеллигенции, ассоциируя себя с прогрессивным слоем народа. На этом поприще оно столкнулось с интеллигенцией, которая видела в священниках консервативный пережиток прошлого. Прогрессивная часть общества рассматривала духовенство как противников прогресса и отводила ему второстепенную роль в развитии общественного сознания¹. Данные тенденции вели не только к формированию корпоративной среды духовного сословия, но и противопоставлению его другим сословиям, в том числе и самому приходу.

Предоставленные сами себе на поприще народного образования и просвещения, священнослужители старались преодолеть барьеры господствующего в среде населения низкого уровня религиозного сознания, административные барьеры и понимание своего участия в образовании, в отношениях с органами надзора. Последующие реформы правительства 60-х гг. XIX века способствовали развитию сословного самоуправления духовенства. Для решения вопросов церковно-приходской жизни разрешалось создание благочиннических советов, которые были

¹ Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг, 1866. Т.2. С.373; Знаменский П.В. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880. С.174–180.

совещательным органом при самом благочинном и включали выбранных священников от соответствующего округа. Открывалась возможность открытого обсуждения и принятия решений на окружных съездах, включающих училищные округа по епархии. Сферой их контроля были не только вопросы благоустройства приходов, нужды церквей и духовенства, но и решение вопросов пастырской деятельности, заботы о развитии церковно-приходских школ, организации попечительских советов и многие вопросы повседневной жизни приходской жизни и духовенства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наиболее действенным и дающим желаемые результаты во все времена было воспитание, созданное народом и основанное на народных началах. Такое воспитание имеет «силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа»¹. Система образования и воспитания Российской империи XIX века развивала и укрепляла ценнейшие психологические черты и моральные качества – патриотизм и национальную гордость. Церковь воспитала в русском народе и его культуре жертвенность, служение, терпение и верность.

Участие духовенства и церковных организаций в образовании населения способствовало развитию духовно-нравственных качеств личности, воспитанию высокой морали в обществе. Длительный период истории Северного Кавказа Церковь оставалась основным центром распространения культуры. Именно посредством деятельности епархиальных институтов управления достигался процесс инкорпорации славянского населения региона в систему социо-культурной сферы Российской империи. Через религиозное образование и просвещение происходило формирование мировоззрения жителей региона, нивелировались противоречия выработанные длительным военным противостоянием, шло приобщение к культурному досугу и образованию.

С утверждением в 1884 году «Правил о церковно-приходских школах» идет бескомпромиссная борьба между церковной и земской школой. В правилах епархии «Об отношении учеников к начальствующим наставникам и

¹ Ушинский К. Д. Воспитание и характер. Какую роль играет народность в воспитании? // Педагогические чтения. М., 1988. С. 253.

посторонним лицам» было указано, что учащийся при беседе должен «держаться без льстивого заискивания и лицемерного самоунижения, но вместе и без заносчивой самоуверенности или грубости в выражениях и самом тоне речи; столь же почтительно вежливыми и деликатными должны быть ученики в отношении и во всём вообще, особенно же к старшим себя лицам, не оскорбляя ни в ком, кто бы он ни был по своему сословному происхождению и общественному положению, присущего ему чувства человеческого достоинства». Государственная школьная политика правительства одобряла развитие церковных школ, особенно это выделялось во второй половине XIX века. Попытки власти ограничить влияние земских школ не получили должного эффекта, и они продолжали свою активную деятельность в сфере народного просвещения и образования.

Можно утверждать, что поставленная задача государственной властью инкорпорации системы образования северокавказского региона в общероссийское образовательное пространство во второй половине XIX века была местными властями решена. Структура и деятельность образовательных учреждений были полностью подчинены общим для российских регионов нормам и правилам, а вся система образования была передана в непосредственное ведение Министерства народного просвещения. Распространение образования среди народов Северного Кавказа и славянского населения региона, имело важное значение во включении региона Северного Кавказа в Российскую империю путем образовательной политики. В результате проведенных преобразований в данной области, на территории Северного Кавказа стали появляться различные образовательные учреждения, доминирующее положение среди которых получили действующие в церковной организации, и местное население имело возможность получить разностороннее образование.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Уровень образования священно и церковнослужителей на Северном Кавказе на 1 января 1845 года:

Округа	Вид образовательного учреждения	Члены причта		
		священники	дьяконы	причетники
г. Кизляру и Кизлярскому округу	семинария	4		
	училище	5	2	8
	иное	6	2	5
г. Моздоку и Моздокскому округу	семинария	7	2	2
	училище	8	4	10
	иное	12	3	11
Закубанских поседениях	семинария	3		
	училище	1		3
	иное	1		1
г. Екатеринодару и Черноморскому округу	семинария	30	13	6
	училище	14	10	58
	иное	47	37	108
г. Пятигорску и Пятигорскому округу	семинария	23	2	1
	училище	14	21	51
	иное	14	4	8
г. Ставрополю Ставропольскому округу	семинария	39	11	13
	училище	29	39	111
	иное	31	8	35
Итого	семинария	106	28	22
	училище	71	76	241
	иное	111	54	168
Всего		288	158	431

Составлено на основании: ГАСК. Ф.135. Оп. 1. Д.340; Оп. 2. Д.410; Оп. 3. Д. 1025; Оп. 4. Д. 787. Ч. 1–3.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

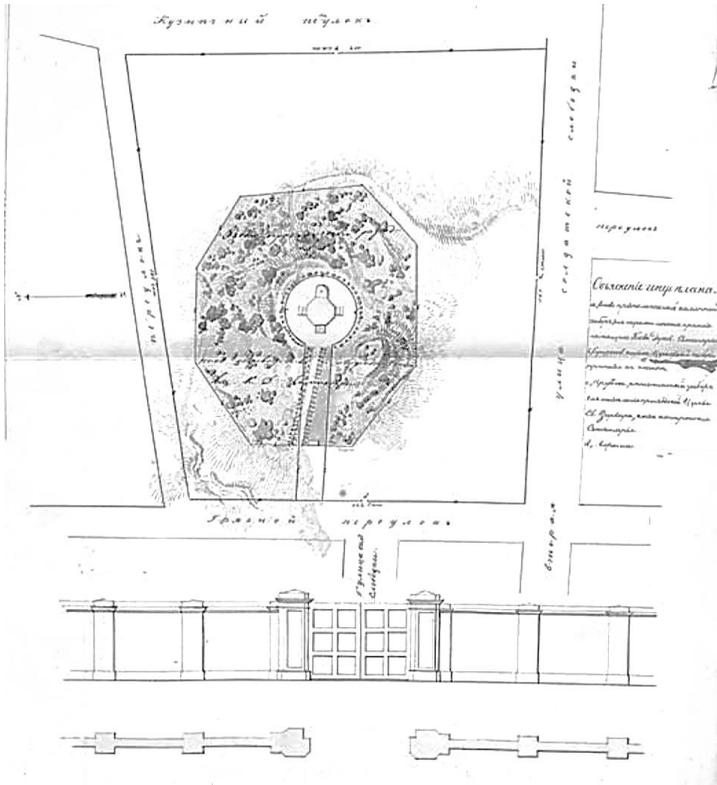
**Священнослужители, принятые из других епархий
Российской империи в приходы Кавказской епархии
на 1845 год:**

Округа	Члены причта	Тамбовской	Воронежской	Пензенской	Киевской	Рязанской	Орловской	Саратовской	Всего
г. Кизляру и Кизлярскому округу	священники								
	дьяконы								
	причетники								
г. Моздоку и Моздокскому округу	священники	3		1					4
	дьяконы	1							1
	причетники			1		1			2
Закубанских поседениях	священники		1						1
	дьяконы								
	причетники								
г. Екатерино- дару и Черно- морскому округу	священники	9	7	2					18
	дьяконы	4	3	1					8
	причетники			1	1				2
г. Пятигорску и Пятигор- скому округу	священники	8	4	3			1		16
	дьяконы	1	2	1					4
	причетники	1	1	3	1			1	7
г. Ставрополю Ставрополь- скому округу	священники	33	1	4	1	1			40
	дьяконы	12	2	3		1			18
	причетники	23	1	4	3	2			33
Итого	священники	53	13	10	1	1			78
	дьяконы	18	7	5		1	1		32
	причетники	24	2	9	5	3		1	44

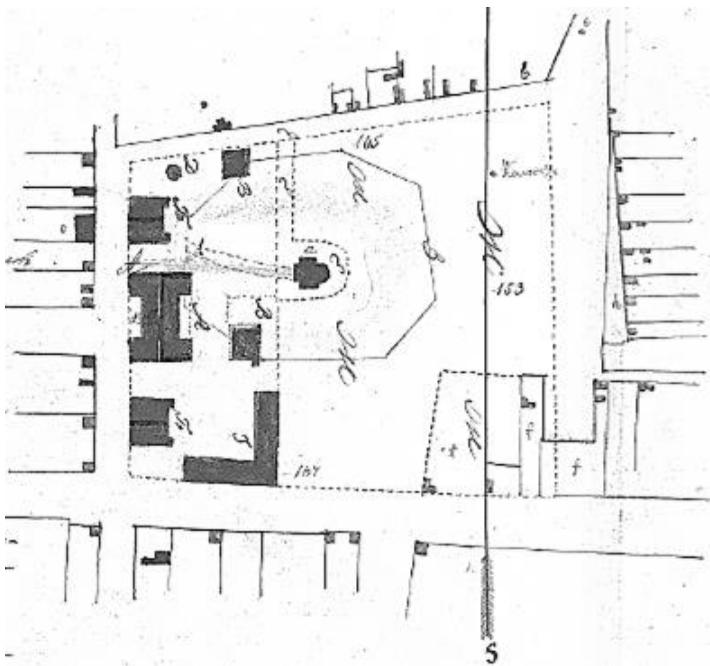
Составлено на основании: ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д. 340; Оп. 2. Д. 410; Оп. 3. Д. 1025; Оп. 4. Д. 787. Ч.1–3.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Проект обустройства места предполагаемого
строительства Кавказской духовной семинарии
в 1849 году¹:

¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д.488. Л. 122.

Проект застройки Варваринский площади

- А – главный трехэтажный корпус на 200 воспитанников;
- Б – два двухэтажных флигеля предназначенных для наставников семинарии;
- В – одноэтажная баня и больница с галерей и садом;
- Г – холодные строения;
- Д – бассейн;
- Е – предполагаемый ход и ограда Варваринской церкви;
- Ж – сад семинарии и ферма;
- З – установленная ограда вокруг Варваринской церкви, которую предполагалось снести;
- Пунктиром обозначена граница, по которой предполагалось возвести новую ограду.

Проект зданий и помещений Кавказской духовной семинарии составленный епископом Иеремией¹:

Главный трехэтажный корпус:

Подвальные этажи: подвалы и погреба; кладовая для хранения необходимых вещей; кладовая для класса сельского хозяйства с фермой.

На первом этаже: квартира инспектора с комнатой прислуги, кухней и кладовой; 8 кабинетов для занятий на 25 человек каждый; помещения для швейцара, смотрителя дома и части служителей, состоящих при кабинетах для занятий, правлении, классах, спальнях и т.д.; класс рисования, с комнатой для хранения рисовательных приборов и принадлежностей.

В среднем этаже: зал собраний и церковь; библиотека и кабинеты; квартира ректора с комнатой прислуги, кладовой и кухней; правление и канцелярия с помещением для письмоводителя; классы: богословский, философский, словестный и местных языков; гардероб для верхней одежды воспитанников.

В верхнем этаже: спальни для 200 человек; умывальня и гардеробная комната.

Два боковых двухэтажных корпуса: квартиры для 10 наставников; кухни, кладовые, погреба.

Одноэтажный флигель № 1: столовая на 200 человек; кухня с пекарней; буфет с кладовой; помещения для остальной части служителей.

Одноэтажный флигель № 2: больница на 30 человек; аптека; кладовая; ванная; смотрительная; кухня.

Также на территории семинарии должны были располагаться: магазин для склада продуктов; конюшня, каретный двор и сеновал; склад для хранения дров; баня; колодец или бассейн.

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.7. Д.488. Л.85–86.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Ведомость о состоящих училищах по Кавказкой епархии при приходских церквях для обучения детей за 1843 год¹:

Место нахождения училищ	Время открытия		Число наставников	Число учеников					
				Состоящих на лицо		Выбывших в течении года			
	М	Ж				по окончании учения		до окончания учения	
				М	Ж	М	Ж	М	Ж
При мужских монастырях:									
Екатеринолебежском Николаевском	-	-	-	-	-				
Кизлярском Крестовоздвиженском	-	-	-	-	-				
При приходских церквях: в городе Ставрополе									
Кафедральном Троицком соборе	-	-	-	-	-				
Приходской Спасской	-	-	-	-	-				
в Ставропольском уезде									
Села Безопасного Димитриевская церковь	1840	февраль	1	28					
Станицы Прочноокопской Митрофановской церкви	1843	17 мая	1	52				2	
Села Новоегорлыцкого Николаевской церкви	1843	29 ноября	1	24					

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.169. Л.86–87об.

Села Медвежьего Михайло-Архангельской церкви	1843	де-кабрь	1	10					
Села Песчанокопского Покровской церкви	-	-	1	2					
Станицы Михайловской Михайло-Архангельской церкви	-	-	1	116					
Станицы Кавказской Николаевской церкви	-	-	1	50					
<i>Кизлярского округа:</i>									
Станицы Каргалинской Христородженской церкви	1840	1 но-ября	1	35		2		1	
<i>Моздокского округа:</i>									
Станицы Калиновской Архангельской церкви	1839	1 де-кабря	1	17					
<i>Пятигорского округа:</i>									
Станицы Александровской Михайло-Архангельской церкви	1841	-	1	55					
Станицы Батал-Пашинской Николаевской церкви	-	-	1	36					
Слободы Новогригорьевской Петропавловской церкви	1840	28 января	1	16		13		14	
<i>Войска Черноморского:</i>									
Станицы Кущовской	1823	-	1	41					
Станицы Щербиновской	1812	5 мая	2	46	4				
Итого			15	528	4	15		17	

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Ведомость о состоящих училищах при приходских церквях для обучения детей Ставропольского и Пятигорского округов на 1846 год¹:

Населенный пункт	Время открытия		Число наставников	Число учеников					
				Состоящих на лицо		Выбыло в течении года			
	год	дата				м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.
<i>Ставропольский округ</i>									
Села Петровского	1844	01.09	1	55					
Новоогорлыцкого	1844	03.01	1	18					
Среднеогорлыцкого	1844	08.12	1	16					
Безопасенского	1840	01.01	1	19					
Новопокровского	1840	01.01	1	32					
Терновой Балки	1844	01.10	1	15					
Ладовской балки	1844	01.01	1	29					
Новогиоргиевского	1845	01.12	1	8					
Красной поляны	1844	01.01	1	22					
Донского	1845	21.05	1	12					
Белой глины	1843	01.01	1	20					
Московского	1845	01.12	1	8					
<i>Пятигорский округ</i>									
Села Новоигорьевского	1840	03.01	1	36					
Новоселицкого	1844	27.10	1	26					
Прасковейского	1844	08.09	1	27					
Медведского	1844	27.10	1	20					
Сухой Буйволы	1844	27.10	1	17					
Благодарного	1844	27.10	1	17					
Всего			19	397					

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.847. Л.48–48об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Ведомость о состоящих училищах при приходских церквях для обучения детей Ставропольского и Пятигорского округов за 1850 год¹:

Населенный пункт	Время открытия		Число наставников	Число учеников						
				Состоящих на лицо		Выбыло в течении года				
	по оконч. обучения					до оконч. обучения				
				м.п.	ж.п.			м.п.	ж.п.	м.п.
год	дата									
<i>Ставропольский округ</i>										
Белой глины	1844	07.03	1	28		3		1		
Среднегорлыцкого	1843	03.10	1	27		4				
Николаевском	1848	31.12	1	20		3		1		
Новогорлыцкого	1843	03.11	1	23		3		1		
Красной поляны	1843	03.11	1	24		3				
Безопасенского	1840	10.02	1	23		2				
Новогеоргиевском	1846	07.08	1	23		2		1		
Ладовской балки	1843	03.11	1	29		4		1		
Донского	1846	07.08	1	29		3				
Петровского	1843	03.11	1	26		2				
Песчанокопском	1849	02.06	1	31		3		1		
Сандаты	1849	06.05	1	37		3		1		
Медведском	1849	09.08	1	26		2				
Преградном	1849	09.08	1	25		2				
Константиновке	1849	08.09	1	26		2		1		
Воронцовском	1849	11.12	1	25		3				
Вновь открываемое в селении Белой Глине женское	1850	18.08	1		16					7

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.9. Д.13. Л.51–52.

<i>Пятигорский округ</i>									
Медведского	1844	07.08	1	21		3		1	
Сухой Буйволы	1844	07.08	1	13		1			
Ореховском	1848	07.08	1	7		1			
Высоцком	1848	07.08	1	14		1			
Благодарном	1844	07.08	1	21		3		1	
Обильном	1848	07.08	1	13		1			
Отказном	1848	07.08	1	11		1			
Новогригорьевском	1840	07.08	1	22		3		1	
Нинском	1848	07.08	1	12		1			
Новоселицкого	1849	09.11	1	20		1			
Черного Леса	1849	12.11	1	20		1		1	
Китаевском	1849	19.11	1	19		1		1	
Журавском	1849	14.11	1	18		3		1	
Вновь открываемое в Солдатско- Александровском	1850	10.11	1	18		1		1	
Вновь открываемое Прасковей	1850	10.11	1	20		3		1	
Вновь открываемое Александрии	1850	10.11	1	11		1			
Всего			33	682	16	70	0	16	7

**Именной список ученых лиц Кавказской епархии
на ноябрь 1849 года¹:**

1. Кавказской ДС ректор архимандрит Герасим
2. КДС инспектор иеромонах Алипий

Наставники семинарии:

3. Иеромонах Сергей
4. Иеромонах Моисей
5. Николай Цареградский
6. Климент Прага
7. Стефан Веселовский
8. Константин Розов
9. Павел Воскресенский
10. Смотритель Ставропольских ДУ священник кандидат
Александр Быстролетов
11. Инспектор Иван Семенов

Учителя:

12. Священник Василий Борнуковский
13. Священник Лев Альшанский
14. Учитель Феодор Тихов
15. Учитель Феодор Орлов
16. Кавказского кафедрального Казанского собора прото-
иерей Константин Крастилевский
17. Кавказского кафедрального Казанского собора свя-
щенник Стефан Граников
18. Кавказского кафедрального Казанского собора свя-
щенник Петр Ромаксенский
19. Кавказского кафедрального Казанского собора свя-
щенник Павел Образцов

¹ ГАСК. Ф.135. Оп.7. Д.205. Л.12–14об.

20. Ставропольского городского Троицкого собора протоиерей Макарий Знаменский
21. Ставропольского городского Троицкого собора протоиерей Дмитрий Гремяченский
22. Священник Андрей Альшанский
23. Священник Дмитрий Братаховский
24. Ставропольской гимназической Михаило-Архангельской церкви протоиерей Петр Сухарев
25. Ставропольской Андреевской церкви священник Феодор Поспелов
26. Ставропольской Варваринской церкви священник Гавриил Орлов

Ставропольского округа

27. Села Безопасного священник Дмитрий Невтонов
28. Села Нововоронцовского священник Василий Альшанский
29. Села Песчанокопского священник Павел Любомудров
30. Села Среднегорлыцкого священник Андрей Верховдимов
31. Села Красной Поляны священник Дмитрий Попов
32. Села Красной Поляны священник Феодор Флегинский
33. Отселка Мединцова священник Василий Надеждин
34. Села Преградного священник Иоанн Орлов
35. Села Медвежьего священник Гавриил Рязанский
36. Отселка Николаевского священник Василий Розанов
37. Села Летника священник Наум Попов
38. Села Донской Балки священник Василий Белобородов
39. Села Петровского священник Михаил Гремяченский
40. Села Новомосковского священник Касьма Флегинский
41. Села Новогеоргиевского священник Никонор Руденко
42. Села Донского священник Алексей Косьменков
43. Села Белоглинского священник Георгий Александров
44. Села Белоглинского священник Дмитрий Попов

Пятигорского округа

45. Села Владимировки священник Алексей Кудряшов
46. Села Прасковей священник Виктор Романовский
47. Села Прасковей священник Стефан Орлов
48. Села Покойного священник Петр Модестов
49. Села Александрии священник Григорий Негриев
50. Села Отказного священник Петр Прозаровский
51. Села Сухой Буйволы священник Максим Белогорский
52. Села Нины священник Василий Замятин
53. Села Благодарного священник Василий Белогорский
54. Села Солдатско-Александровского священник Петр Ржаксенский
55. Слободы Воронцовки священник Терентий Андреевский
56. Слободы Воронцовки священник Александр Ниловидов
57. Села Новоселицы священник Михаил Кудрявцев
58. Села Новоселицы священник Михаил Графов
59. Села Новогригорьевского священник Елисей Дьяковский
60. Упраздненного города Георгиевска священник Василий Попов
61. Города Пятигорска протоиерей Павел Александровский
62. Города Пятигорска священник Василий Эрастов
63. Города Пятигорска священник Лев Козырев
64. Смотритель Моздокского духовного училища кандидат Василий Розалиев
65. Инспектор священник Антон Соколов
66. Михаил Громобоев
67. Алексей Благоврахов
68. Моздокской Успенской церкви протоиерей Иаков Преображенский
69. Моздокского собора священник Тимофей Зорин
70. Кизлярского Казанского собора протоиерей Димитрий Мурадханов
71. Кизлярского Казанского собора священник Илья Хамбарадзев

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

**Количество произнесенных проповедей священниками
в приходах Кавказской епархии за 1845 год:**

Округа	Всего произнесено	В городах / приписанном округе
г. Кизляру и Кизлярскому округу	18	12
		6
г. Моздоку и Моздокскому округу	0	0
		0
Закубанских поседениях	0	0
		0
г. Екатеринодару и Черноморскому округу	38	11
		27
г. Пятигорску и Пятигорскому округу	35	11
		24
г. Ставрополю Ставропольскому округу	69	9
		60
Итого	160	43
		117

Составлено на основании: ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.340; Оп.2. Д. 410; Оп.3. Д.1025; Оп.4. Д. 787 Ч.1–3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. Система народного образования в России в XIX веке	
1.1. Проекты и реформы в области отечественного народного образования	5
1.2. Система духовного образования в России	36
ГЛАВА II. Участие духовенства Кавказской епархии в развитии социокультурного пространства на Северном Кавказе	
2.1. Влияние Кавказской епархии на развитие образовательного пространства в период её становления	52
2.2. Особенности организации образовательного процесса в регионе	79
2.3. Вклад духовенства Кавказской епархии в развитие образовательного пространства Северного Кавказа ...	114
Заключение	146
Приложения	148

Научное издание

Немашкалов Павел Григорьевич

ВКЛАД КАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ В РАЗВИТИЕ
ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

МОНОГРАФИЯ

Подписано в печать 26.11.2019.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 9,47. Тираж 50 экз. Заказ № 157.

Отпечатано в типографии «Идея+»